**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИНИОН РАН)**

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ 5

ИСТОРИЯ

2024 – 3

Издается с 1973 года
Выходит 4 раза в год
Индекс серии 5.2

ББК 63
С 69

DOI: 10.31249/rhist/2024.03.00

Учредитель
Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия серии «История»:

И.К. Богомолов – главный редактор, канд. ист. наук (ИНИОН РАН); *Т.Б. Уварова* – зам. главного редактора, д-р ист. наук (ИНИОН РАН, профессор ЦСА РГГУ); *О.Л. Александри* – ответственный секретарь (ИНИОН РАН); *Р. Алонци* – PhD, (профессор РУДН); *И.Е. Андронов* – д-р ист. наук (профессор МГУ); *А.А. Анисимова* – канд. ист. наук (ИВИ РАН, доцент ГАУГН); *А.В. Апанасенок* – д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *В.Н. Бабенко* – д-р ист. наук (профессор ЦНИ ВГУЮ); *А.В. Белов* – д-р ист. наук (ИРИ РАН); *Д.М. Бондаренко* – чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, профессор (зам. директора по науке Института Африки РАН); *А.Ю. Ватлин* – д-р ист. наук (профессор МГУ); *А.Г. Володин* – д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *Ф.А. Гайда* – д-р ист. наук (доцент МГУ); *Е.Н. Емельянова* – канд. ист. наук, доцент (ИНИОН РАН); *А.В. Кузнецов* – чл.-кор. РАН, д-р экон. наук (директор ИНИОН РАН); *В.П. Любин* – д-р ист. наук (ИНИОН РАН); *А.Е. Медовичев* – ведущий редактор (ИНИОН РАН); *Т.М. Фадеева* – канд. ист. наук (ИНИОН РАН)

Информационно-аналитический журнал «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература». Серия 5: «История» («Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature». Series 5: «History»). Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и в перечень ВАК по специальностям: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки).

ISSN 2219–875X

Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-80873 от 21.04.2021

© ИНИОН РАН, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Дунаева Ю.В. Новая литература и документы по истории казачества XV–XX вв. (Обзор) 7
Аватков В.А., Камнев А.С. Задачи турецкой миссии М.В. Фрунзе 1921–1922 гг. (по материалам АВП РФ) 20
Реф. кн.: Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX – начало XX в.). Колл. монография 33

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Медовичев А.Е. «Конституция» Сервия Туллия: античная традиция и современные реконструкции военно-политической организации Раннего Рима (VI–V вв. до н.э.) 38
Савченко А.Ф. Периодизация международных отношений Нового времени в современной отечественной литературе 68
Бабенко О.В. Польско-французские отношения 1921–1939 гг.: отечественная и зарубежная историография 87
Емельянова Е.Н. Отношения Коминтерна и Гоминьдана в период Китайской революции 1925–1927 гг. (Часть 1) 106
Эман И.Е. Бенедетто Кроче и итальянский фашизм 125

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Петрухина Д.В. Идентичность по рождению: история и современная жизнь неприкасаемых (Обзор) 145

РЕЦЕНЗИИ

Минц М.М. *Рец. на кн.*: Сорокин А.К. В штабах Победы: очерки истории государственного управления в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 166
Баландина А.В. *Рец. на кн.*: Маркуцци С. Британия и Италия в эпоху Великой войны. Защита и становление империй 173
Уварова Т.Б. Гендерная тематика в историческом и этнокультурном контексте. *Рец. на кн.*: Старикова М.Н. Мусульманки в современной Индии: социум и политика 181

CONTENTS

RUSSIAN HISTORY

Dunaeva Y.V. New literature and documents on the history of the cossacks *(Reviev)* 7
Avatkov V.A. Kamnev A.S. Tasks of the turkish mission of M.V. Frunze 1921–1922. (On the materials of the RF AVP) 20
Ref. ad op.: Dissertation culture of the Russian historical and scientific community: experience and practices in preparing and defending dissertations (XIX – early XX centuries). Coll. monograph 33

GENERAL HISTORY

Medovichev A.E. The “constitution” of Servius Tullius: Ancient tradition and modern reconstructions of military and political organization of early Rome (VI–V BC) 38
Savchenko A.F. Periodization of international relations of Modern times in modern russian literature 68
Babenko O.V. Polish-french relations 1921–1939: domestic and foreign historiography 87
Emelyanova E.N. Relations between the Comintern and the Kuomintang during the Chinese Revolution of 1925–1927 (Part 1) 106
Eman I.E. Benedetto Croce and italian fascism 125

HISTORICAL ANTHROPOLOGY

Petrukhina D.V. Identity by Birth: History and Modern Life of the Untouchables 145

REVIEWS

Mintz M.M. *Rev. ad op.*: Sorokin A.K. In the staffs of Victory: essayson the history of public administration in the USSR during the Great Patriotic War 1941–1945 166
Balandina A.V. *Rev. ad op.*: Marcuzzi S. Britain and Italy in the era of the Great War. Defending and forging empires 173
Uvarova T.B. Gender issues in historical and ethno-cultural context. *Rev. ad op.*: Starikova M.N. Muslim women in modern India: socium and politics 181

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 323.3; 94(47).083; 94(47).084.2–3
DOI: 10.31249/hist/2024.03.01

ДУНАЕВА Ю.В.* НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА И ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА XV–XX вв. (Обзор)

Аннотация. В обзоре рассмотрены новые публикации по истории казачества. Основное внимание уделено изменениям системы управления казачьими войсками, их структуры и быта в такие переломные моменты, как реформы Александра II, Первая мировая война, Октябрьская революция.

Ключевые слова: история казачества в России; реформы Александра II; Первая мировая война; Гражданская война в России.

DUNAEVA Y.V. New literature and documents on the history of the cossacks (Reviev)

Abstract. The review examines new publications on the history of the Cossacks. The main attention is paid to changes in the management and structure of the Cossack troops and local life during transformation periods: the reforms of Alexander II, the First World War, the October Revolution.

Keywords: history of the Cossacks in Russia; reforms of Alexander II; the First World War; the Civil War in Russia.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. Новая литература и документы по истории казачества XV–XX вв. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. ИАЖ. Сер. 5: История. –

* Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); jvd@inbox.ru

Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 3. – С. 7–19. – DOI: 10.31249/hist/2024.03.01

Изучение истории казачества по-разному освещалось в разные периоды как в российской, так и зарубежной историографии. На первый взгляд, история казачества достаточно хорошо исследована. Но до сих пор существуют темы, которые нуждаются в дальнейшей разработке. К ним можно отнести изменения отношений казаков и власти в разные периоды российской истории.

Исследование канд. ист. наук А.А. Волвенко (Таганрогский ин-т им. А.П. Чехова), известного специалиста по истории казачества, посвящено переменам в казачьих войсках и сообществах в годы Великих реформ [1].

Книга состоит из введения, трех глав, заключения. Во введении Волвенко приводит небольшой обзор отечественной, эмигрантской, зарубежной литературы с середины XIX в. до наших дней. В основном анализируются работы, посвященные отношениям казачества и власти. Наиболее полно, отмечает автор, рассмотрены реформы, происходившие в правление Александра II на примере Донского и Уральского войск. Новизна исследования Волвенко заключается в том, что рассмотрены отношения «власть – казачество» на примере разных казачьих войск. Работа выделяется значительным количеством статистических данных о службе, быте, состоянии войск и т.п. во время и после реформ. Приведенные таблицы наглядно иллюстрируют эти данные.

В первой главе «Казачьи войска накануне реформ (конец 1850-х – начало 1860-х годов)» Волвенко подробно описывает структуры управления казачьими войсками. Далее большое место отведено данным из статистических отчетов того времени, в которых фиксировались разные показатели: количество населения на казачьих землях; изменения земельных фондов; условия военной службы казаков, развитие системы образования и т.п.

Волвенко показывает изменения в управлении казачьими войсками в 1830–1860-е годы. В середине 1830-х годов в Департаменте военных поселений отделение иррегулярных войск не имело четкой структуры, отмечает автор. Создание специального отделения, подчеркивает он, явилось важным шагом в упорядочивании управления иррегулярными войсками. Но в то же время, и другие ведомства также занимались некоторыми делами казачества. Со

временем стало ясно, что подобное разделение функций нерезультативно. В 1840 г. делопроизводство по гражданским делам некоторых казачьих войск было передано в ведение Департамента военных поселений Военного министерства. К 1857 г. Департамент был преобразован в новое Управление иррегулярных войск. В его состав входили начальник управления, его помощник, представители от казачьих войск, представитель Военного министерства и представитель Государственного контроля.

Волвенко отмечает, что важную роль в управлении казачеством сыграло то, что с 1827 г. наследник царского престола получал титул «Атамана всех казачьих войск и Шефа Донского атаманского полка». По мнению историка, это символически укрепляло личную связь правящей династии с казаками.

Далее автор анализирует статистические отчеты о положении казачества. «Всеподданнейшие отчеты о действиях военного министерства» с 1858 г. включали данные об иррегулярных войсках. В отчетах приводились разные сведения, например, о земельных фондах казачьих войск, количестве населения, изменениях в военном составе, развитии системы образования и т.п. Особое внимание в отчетах уделялось «казачьей экономике». Под этим подразумевалось хлебопашество, скотоводство, рыболовство, виноделие, добыча соли. В зависимости от территории и климата, та или иная хозяйственная деятельность была присуща разным казачьим общностям.

В главе приведено несколько таблиц, характеризующих разные стороны военной службы и быта казачества: рост численности казачьего и неказачьего сословия за пять лет. В следующей таблице показано распределение казаков по разным войскам (Донское, Кубанское, Терское и т.п.). Остальные таблицы приводят данные по военной службе казаков: в какие годы и в каких частях казаки находились на службе и дома; сведения о разных частях казачьих войск и о системе образовании в казачьей среде (количество учебных заведений, количество учителей и т.п.).

На основе анализа этих данных Волвенко приходит к следующим выводам. Во-первых, казачьи войска, расположенные на европейской части страны, обладали значительным экономическим потенциалом. Во-вторых, заметна положительная динамика в развитии системы образования. Это важный показатель, так как он

наглядно демонстрирует, что в развитии казачества можно выделить не только военные, но и гражданские тенденции. «Постепенное увеличение количества образованных казаков неизбежно ставило бы под сомнение архаику традиционного военно-сословного казачьего быта и расчищало бы путь для проникновения элементов модерности в казачью жизнь» [1, с. 85].

Вторая глава «Истоки “гражданского” курса в отношении казачества» посвящена реформам, проводившимся в казачьих войсках. В 1862 г. военным министром Д.А. Милютиным был представлен всеподданнейший доклад императору Александру II о военных реформах. Казачьим, иррегулярным войскам посвящен целый раздел. Волвенко подробно рассматривает этот раздел, а также несколько статей из периодики, публикаций из «Военного сборника», посвященных реформам казачьих войск.

В докладе отмечалось, что полезность иррегулярных войск несомненна, но тут же подчеркивалось, что на их содержание тратились значительные суммы. В документе ставилась главная задача на ближайшие годы – согласовать привычный военный быт казаков с «общими условиями гражданственности и экономического развития» [цит. по: 1, с. 87]. Было предложено разработать программу для всех казачьих комитетов. Исключение составили Кубанское и Терское казачество. Дело в том, что император Александр II даровал некоторые привилегии Кубанскому казачеству. Среди них: «введение в Кубанском войске частной земельной собственности; утверждение права остающихся от казаков – переселенцев усадеб и свободных войсковых земель, как казакам, так и иногородним; предоставление возможности выхода из казачьего сословья» [1, с. 88]. Эти меры были направлены на привлечение в ряды казаков нового пополнения. В заключение доклада отмечалось, что сокращение расходов на содержание казачьих войск зависит от уменьшения казачьих нарядов на внешнюю службу.

По мнению Волвенко, до середины XIX в. верховная власть проводила политику, которая должна обеспечить полную лояльность и преданность престолу казаков. Для этого применялись разные методы, например, привилегии и права. «Венцом такой политики стало юридическое закрепление в первой половине XIX в. внедренных властью административных, судебных, военно-служебных институтов и сословных преимуществ в войсковых поло-

жениях, образцом для которых стало Положение о войске Донском 1835 г.» [1, с. 131].

В третьей главе «Программа реформ или “Соображения учрежденного при Управлении Иррегулярных войск Комитета” о главных началах, которые должны быть приняты в руководство при составлении новых положений о казачьих войсках (1861–1862)» Волвенко подробно разбирает этот документ, показывая, что программы новых положений, разработанные местными комитетами, вступали в противоречие друг с другом. Для решения этой задачи было организовано два комитета. Один комитет должен был составить новые положения, пригодные для всех без исключения казачьих войск. Другой комитет – определить основы военного и гражданского устройства Кубанского войска.

Поскольку «Соображения…» почти не рассматривались в исследовательской литературе, Волвенко заполняет эту лакуну и подробно разбирает основные положения этого документа. Удивительно, но кто были авторы «Соображений…» – доподлинно неизвестно. Волвенко предполагает, что в его подготовке участвовали чиновники из «Управления иррегулярных войск уровня Общего присутствия». На разных этапах работы к ним могли присоединиться генералы Н.И. Карлгоф, А.П. Чеботарёв. Членами комитета по разработке «Соображений…» «могли быть работники Управления: генерал-майор В.Г. Осипов, полковники Е.М. Матвеев, И.Е. Порохня, А.Г. Виташевский, подполковники И.С. Мазарович, И.Д. Попко, действительный статский советник А.М. Андреев, статский советник М.К. Линденбум» [1, с. 153].

«Соображения…» состоят из введения и двух разделов: «О правах и обязанностях казачьих поселений» и «Об устройстве в казачьих войсках управления и суда». Во введении отмечается разнообразие казачества по происхождению, нравам и обычаям и т.п. Вместе с тем авторы документа отметили, что различия частного порядка могут сохраняться, но вместе с тем они должны дать казакам права, присущие всему остальному населению империи.

Далее выделялись два вида казачьих прав: как особого военного сословия, так и общие гражданские права. Казаки как особое военное сословие обладали следующими правами: 1) казачье самоуправление, избрание членов администрации, судей; 2) предоставление казакам земли, находящейся в собственности войска;

3) утверждалась самобытность каждого войска, с запретом поселения иногородних на казачьих территориях и владения иногородними недвижимыми имениями; 4) освобождение казаков от государственных податей и рекрутской повинности.

Но что же требовало государство от казаков? Они должны были выставлять определенное количество воинских частей за свой счет. В некоторых случаях могла быть объявлена всеобщая мобилизация. Для поддержания порядка на границах государства казаки должны были заселять соответствующие территории, а также содержать администрацию «за счет местных земских повинностей» [1, с. 141].

В «Соображениях…» приводились меры по искоренению замкнутости казачества. Для этого предлагалось принять право на свободный выход из сословия казака и членов его семьи вплоть до внуков. Однако казаки, освобожденные от военной службы, не могли получить земельный надел, а только купить его или взять в аренду. По мнению авторов документа, эти меры содействовали развитию экономики казачьих территорий. Ещё одним способом «оживить» казачьи войска стала возможность принятия в казаки представителей других сословий. Для этого требовалось согласие войскового начальства и станичного общества. Вдобавок предлагалась возможность поселения иногородних на казачьих территориях. Переселенцы не были обязаны вступать в войска и пользовались собственными сословными правами, сохраняя обязанность оплачивать налоги и исполнять повинности своего сословия. Напомним, что казаки были освобождены от подушной подати и рекрутской повинности. Иногородним, не вступившим в казачье войско, запрещалось участвовать в мирских сходках и избираться на административные и судебные должности в среде казаков.

Во втором разделе «Соображений…» представлены рекомендации по организации системы управления и судебной системы для казачьего сословия. Эти системы состояли из трех уровней: «высшие (войсковой штаб, войсковое правление, хозяйственное восковое управление, войсковой суд), средние (окружные штабы, правления, хозяйственные управления и суды) и низшие (станичные правления» [1, с. 149].

Подводя итоги исследования, Волвенко отмечает, что в проводимых правительством реформах казачества приоритетное

направление получило «реформирование гражданской сферы жизнедеятельности казачьих войск» [1, с. 161]. Со временем казаки, управление их войск претерпели эволюцию: вначале «вольное казачество» превратилось в «государевых слуг», а реформы XIX в. преобразовали их в полноценных граждан государства.

Исследование канд. ист. наук Р.Н. Евдокимова (РЭУ им. Г.В. Плеханова) посвящено участию казачьих войск в Первой мировой войне, а точнее на Закавказском фронте [3]. Книга состоит из введения, трех глав, заключения и приложений.

Как пишет автор во введении, участие казаков в боях Первой мировой войны – один из сложнейших этапов в истории казачества. Война и последовавшие за ней революционные события, можно сказать, проверяли на прочность не только способность казаков воевать в новых условиях, но и само казачество как отдельный социальный слой. К 1917 г., пишет автор, казачье сословие насчитывало около 4,4 млн человек.

Р.Н. Евдокимов приводит несколько черт, характерных для Закавказского фронта. Во-первых, на нем воевало больше всего казаков. Примерно наполовину этот фронт состоял из казачьих войск, пехоты, конницы, артиллерии. Во-вторых, этот фронт был отдален от других военных группировок, тыловых баз и действовал фактически автономно. При этом Закавказский фронт имел серьезное военно-стратегическое значение. В-третьих, это военное направление выделялось тем, что до зимы 1917–1918 гг. русские войска не потерпели поражений. Более того, успехи русских войск на этом фронте так обеспокоили союзников, что в 1916 г. было принято соглашение между Российской империей, Англией и Францией «О целях войны России в Малой Азии». Казачьи войска не только воевали, но также поддерживали порядок в близлежащих губерниях, охраняли границы с Османской империей и Персией.

В первой главе «Закавказский театр боевых действий» Евдокимов подробно описывает состояние и количество войск Порты и России, ход сражений. Уделяет особое внимание таким битвам, как Саракамышская, Кеприкейское сражение, Ванская операция. К 1917 г. Порта утратила контроль над основными стратегическими пунктами в Закавказье. В успехах на фронте, по мнению автора, большую роль сыграло то, что войска возглавил Н.Н. Юденич – опытный командующий, полководец-стратег. К началу войны От-

дельная Кавказская армия насчитывала, по разным подсчетам, от 170 тыс. до 190 тыс. человек и 350 полевых орудий. Далее историк приводит многочисленные данные о том, как проходили переформирования отдельных казачьих войск в 1914–1917 гг.

Во второй главе автор рассматривает структуру и организацию казачьих формирований. Евдокимов отмечает, что казаки сохраняли собственный традиционный военный уклад. В то же время на них распространялись общевойсковые положения и правила российской армии.

Основой личного состава войск были так называемые казачьи чины. Они подразделялись на нижние, высшие и генералитет. За особые заслуги казаки могли получить почетное гражданство, личное или потомственное дворянство и даже быть причисленными к Свите его Императорского величества.

По службе казаки делились на строевых (выполняли боевые задачи) и нестроевых (обеспечивали нужды войск). Высшие казачьи чины разделялись на строевых и штабных (входили в состав Генерального штаба). Для казачьих войск характерно то, что командовать ими могли только выходцы из своего войска. Например, Донским формированием мог командовать только донской казак. Но иногда это правило нарушалось, и казаками командовали высокопоставленные военные иностранцы. Персидский принц, войсковой старшина М.Б. Кули-Мирза командовал первой Кубанской казачьей батареей.

В 1915 г. на основе кавалерийских соединений стали формировать «партизанские отряды» и «команды партизан», которые занимались специфическими боевыми операциями: разведкой, набегами, диверсиями. Возглавить партизанский казачий отряд мог любой компетентный офицер. Вооружением казаков-партизан была шашка и винтовка со штыком, иногда им выдавались подрывные средства и конно-горные орудия.

В Донском, Терском и Кубанском войсках была собственная казачья пехота. Она была двух видов: пластуны (кубанские казаки) и пешцы (донские и терские казаки). Они были вооружены знаменитой «мосинкой» – пехотной винтовкой Мосина. Офицерское вооружение состояло из шашки, кинжала, нагана.

Историк отмечает эволюцию вооружения казачьих войск. В начале Первой мировой войны главную роль играла кавалерия, а

артиллерия и пехота были вспомогательными силами. К 1918 г. казачьи войска уже были оснащены пулеметами и артиллерией, что усиливало их мощь.

Подводя итоги участия казаков в Первой мировой войне, Евдокимов пишет, что на первых порах традиционное устройство казачьих формирований было эффективно – казаки быстро мобилизовали свои военные силы и отправили на фронт сильные, боеспособные войска. Но со временем стало видна недостаточность подобной организации: «В ней не были продуманы ни ведение экономики войскового хозяйства в чрезвычайное время, ни устройство подготовки и обеспечения мобилизованных казаков, а также их семей, ни правильное расходование имевшихся резервов» [3, с. 135]. К 1917 г. казачьи войска были обессилены, им требовалось значительное время для отдыха, заключает автор.

Заключительная, третья глава посвящена восприятию казаков Первой мировой войны и революций 1917 г. Историк подчеркивает, что начало войны с Османской империей вызвало у казаков ликование и уверенность в скорой победе русского оружия. Казаки буквально рвались на фронт, даже если проходили службу в пограничных или тыловых частях. Это было вызвано желанием проявить на практике свой патриотизм и приобрести боевой опыт, который высоко ценился среди казаков. Евдокимов приводит интересный исторический пример. Генерал А.Н. Куропаткин в марте 1917 г. просил отправить на фронт полки Семиреченского войска, мотивируя это тем, что казаки никогда не принимали участия в боевых действиях, и это негативно сказывается на их моральном духе. Они чувствовали себя ущемленными по сравнению с воюющими казаками. Ещё одной причиной отправки на фронт было нежелание казаков исполнять полицейские и карательные обязанности.

В большинстве своем казачество поддержало Временное правительство. В этот период новая власть использовала казачьи войска для проведения карательных операций, подавления бунтов, наведение порядка в частях русской армии, охрана хуторов и станиц в северных предгорьях Кавказа от набегов горцев.

В марте 1917 г. был опубликован Приказ № 1 о создании в войсках солдатских комитетов и Советов солдатских депутатов. На Кавказском фронте был организован Тифлисский совет рабочих и солдатских депутатов. В него вошли представители казаче-

ства. Тогда же был создан Союз казачьих войск (СКВ), призванный поддержать казаков, помочь им объединиться для отстаивания своих интересов. На I съезде СКВ было принято решение о создании Временного совета Союза казачьих войск (ВССКВ). В нем доминировали лидеры будущего Белого движения (А.П. Богаевский, А.И. Дутов и др.).

Что касается отношения к Октябрьской революции, то первой реакций на нее была возросшая политическая активность казаков. Теперь они стали не только военной, но и политической силой. Отречение царя они восприняли довольно спокойно, пишет Евдокимов. Они надеялись, что новое правительство возродит былую казачью вольницу.

После Октябрьской революции 1917 г., в условиях начавшейся Гражданской войны, на Общефронтовом казачьем съезде было решено отправить казаков на родные земли и сформировать казачьи соединения для борьбы с большевиками. Этот процесс проходил постепенно, под видом дислокаций и переводом во фронтовой резерв, пишет историк. В начале марта 1918 г. последние казачьи войска покинули места дислокации в Закавказье, и таким образом их служба в Закавказской армии подошла к концу.

В условиях политической нестабильности казаков особо волновал вопрос об их будущем, сохранится казачье сословие или нет. Евдокимов подчеркивает, что раскол среди казаков проходил в зависимости от принадлежности к разным слоям казачьего общества. Ситуация осложнялась еще и тем, что за казаков боролись представители нескольких политических сил: большевики, эсеры, меньшевики. Большевики вели свою агитацию среди нижних чинов и таким образом склоняли их на свою сторону. В апреле – начале мая 1917 г. при ЦК РСДРП (б) была организована Всероссийская военная организация, в состав которой входила Казачья секция. А при Петроградском Совете был создан пробольшевистский Союз трудового казачества. Эти и другие меры, проводимые большевиками, привлекли на их сторону часть казачества, особенно из бедноты.

После прихода к власти большевики продолжили работу по налаживанию сотрудничества с казаками. Был создан Казачий комитет, а затем при СНК РСФСР – Народный комиссариат по казачьим делам. Свою роль сыграли проведенные большевиками ме-

ры, отменившие все казачьи ограничения. «Во-первых, полностью ликвидировалась обязательная воинская повинность – она была заменена на краткосрочное военное обучение при станицах. Во-вторых, казаки, призванные на действительную службу, обеспечивались теперь обмундированием и снаряжением не собственными усилиями, а за счет государства. В-третьих, отменялись еженедельные казачьи дежурства при станичных правлениях, зимние занятия, смотры и лагери, а главное – для казаков устанавливалась полная свобода передвижения» [3, с. 214–215].

На Кавказском фронте ряд воинских частей (36-й Донской казачий полк, 1-я отдельная Донская казачья бригада и др.) перешли на сторону большевиков и выразили готовность бороться с Белым движением как с сепаратистами и зачинщиками Гражданской войны. Казачество оказалось разделенным на два лагеря: тех, кто поддерживал большевиков, и тех, кто склонялся на сторону Белого движения.

Октябрьская революция серьезно нарушила тыловое снабжение войск, их пополнение. Казаки-фронтовики все чаще выступали с антивоенными лозунгами. Поэтому держать казаков на Закавказском фронте не имело смысла, заключает автор.

Особый интерес представляют сборники архивных документов по истории казачества. В них можно найти материалы, открывающие новые перспективы изучения казачества. Примером такой публикации служит двухтомное издание «Дон в годы революции и Гражданской войны 1917–1920» [2].

Публикацию документов предваряет предисловие «Дон в годы революции и Гражданской войны в исторических документах» (автор О.М. Морозова). Автор предисловия отмечает, что в эти годы Дон занимал особое место объединения преимущественно контрреволюционных сил. Свою роль сыграло и то, что на Дону сложилась сложная ситуация, там переплелись различные силы – классовые, национальные, сословные, что усугубляло ситуацию, отмечает историк.

Первый том содержит 259 документов из 23 центральных и местных архивов. Например, из Государственного архива Ростовской области, Центра документации новейшей истории Ростовской области, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской федерации

и др. Вдобавок приводятся материалы из периодической печати: «Безработный пролетарий», «Донские известия», «Донские областные ведомости» и др. В сборниках представлены документы разного рода. Это делопроизводственные материалы, газетные статьи, документы и протоколы выборных органов и др. Значительная часть документов и материалов публикуется впервые.

Документы в обоих томах сгруппированы не как обычно, в хронологическом порядке, а содержательно: в первом разделе приводятся письма, документы и дневники; во втором разделе – воспоминания. Такой подход наглядно показывает нелинейность истории, а взаимозависимость или противоречивость исторических событий. «Они [эти процессы] смогут показать борьбу разнонаправленных процессов, изменение во времени позиций казаков и иногородних, местного населения и пришлых, простонародья и интеллигенции, рядовых казаков и офицеров, мирян и духовенства» [2, т. 1, с. 4].

Опубликованные документы охватывают период от Февральской революции до падения Донской советской республики весной 1918 г. В основном они отражают «процесс гражданского строительства, предпринятый обеими ветвями донской власти – общегражданской и казачьей» [там же]. Это делопроизводственные документы разных органов управления, военных и гражданских, тексты выступлений на заседаниях Войскового круга, дневниковые записи. Живыми свидетельствами эпохи составители называют, и вполне справедливо, воспоминания участников революции и Гражданской войны, написанные, что называется, «по горячим следам». В приложениях к первому тому приводится перечень опубликованных документов, именной и географический указатели. Оба тома иллюстрированы фотографиями и копиями документов из разных архивов и музеев.

Во втором томе публикуется 173 документа, охватывающих период с мая 1918 по март 1920 г. Значительная часть источников впервые вводится в научный оборот. Материалы были отобраны из нескольких архивов: Государственного архива Ростовской области, Центра документации новейший истории Ростовской области, Центра хранения архивных документов, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного

военного архива, Государственного архива Владимирской области, Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания (ЦГАРСО – Алания), Центра документации новейшей истории Саратовской области. Вдобавок приводятся материалы из краеведческих музеев Ростовской области, Старого Оскола и музея Томского государственного университета. В этом томе, в приложении, приводятся краткий, но емкий и информативный биографический указатель упоминающихся в обоих томах политиков и военных.

Итак, как показывают научные работы и сборники документов, изучение истории казачества, несмотря на достигнутые успехи, несомненно, будет продолжаться и дальше. Перед историками открываются широкие перспективы. Во-первых, необходимо продолжить изучение научных работ, созданных в дореволюционный период и в первые годы революции. Особый интерес представляют произведения эмигрантских авторов. Работы, созданные советскими учеными, также учитываются современными историками. Во-вторых, необходимо дальнейшее изучение казачества в соответствии с современными подходами исторической науки. В-третьих, большую роль играют публикации документов, проливающих свет на «казаковедение».

Список литературы

1. Волвенко А.А. Казачество и власть накануне великих реформ Александра II. Конец 1850-х – начало 1860-х гг. – Москва: Центрполиграф, 2022. – 189 с. – (Новейшие исследования по истории России).
2. Дон в годы революции и Гражданской войны 1917–1920: сб. документов: в 2-х томах. – Т. 1: Март 1917 – май 1918. – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2017. – 460 с.; Т. 2: Май 1918 – март 1920. – Ростов-на-Дону: Альтаир, 2020. – 624 с.
3. Евдокимов Р.Н. Казаки на «захолустном фронте». Казачьи войска России в условиях Закавказского театра Первой мировой. – Москва: Центрполиграф, 2022. – 317 с. – (Новейшие исследования по истории России).

УДК 327.8; 94(47).084.3; 94(560) DOI: 10.31249/hist/2024.03.02

АВАТКОВ В.А.[*], КАМНЕВ А.С.[**] ЗАДАЧИ ТУРЕЦКОЙ МИССИИ М.В. ФРУНЗЕ 1921–1922 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ АВП РФ)

Аннотация. Статья посвящена задачам, которые советское руководство ставило посольству УССР во главе с Михаилом Васильевичем Фрунзе в Анкару, действовавшему с ноября 1921 по январь 1922 г. На базе материалов Архива внешней политики РФ рассмотрены основные задачи посольства, как прямые, так и косвенные. Задачи были проанализированы и объединены в группы, исходя из имеющихся общих признаков (политические, военные и экономические). Анализ задач позволяет сделать вывод об особой важности турецкой миссии Фрунзе.

Ключевые слова: внешняя политика РСФСР; Кемалистская революция в Турции; советско-турецкие отношения; Греко-турецкая война 1919–1922 гг.; национально-освободительная война в Турции; М.В. Фрунзе.

AVATKOV V.A. KAMNEV A.S. Tasks of the turkish mission of M.V. Frunze 1921–1922. (On the materials of the RF AVP)

Abstract. The article is devoted to the tasks that the Soviet leaders set for the Embassy of the Ukrainian SSR headed by Mikhail Vasilyevich Frunze in Ankara, which operated from November 1921 to January 1922. Based on the materials of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation, the main tasks of the embassy, both direct

[*] Аватков Владимир Алексеевич – доктор политических наук, доцент, заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); v.avatkov@gmail.com

[**] © Камнев Александр Сергеевич – младший научный сотрудник отдела Ближнего и Постсоветского Востока ИНИОН РАН; kamnev.aleksandr.2016@mail.ru

and indirect, are considered. The tasks were analyzed and grouped based on the common features (political, military and economic). The analysis of the tasks allows us to conclude that the Turkish mission of Frunze is of particular importance.

Keywords: Foreign policy of the RSFSR; Kemalist revolution; soviet-turkish relations; the greco-turkish war of 1919–1922; a national liberation war in Turkey; M.V. Frunze.

Для цитирования: Аватков В.А., Камнев А.С. Задачи турецкой миссии М.В. Фрунзе 1921–1922 гг. (по материалам АВП РФ) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 3. – С. 20–32. – DOI: 10.31249/hist/2024.03.02

М.В. Фрунзе (1885–1925) – знаменитый советский полководец, партийный и государственный деятель, прочно вошедший в историю отечественной военной науки. Под его командованием было проведено множество успешных операций Красной армии во время Гражданской войны в России.

Помимо военной, Михаил Васильевич занимался и важной дипломатической деятельностью. С ноября 1921 по январь 1922 г. Фрунзе руководил чрезвычайным посольством Украинской Советской Социалистической Республики в Турцию, в то время раздираемую гражданской войной между султанским правительством в Константинополе (поддерживаемым и полностью зависимым от Антанты) и силами турецких националистов во главе с Мустафой Кемалем-пашой. Документы, посвященные деятельности Фрунзе в Турции, хранящиеся в АВП РФ, долгое время оставались засекреченными. Между тем посольство Фрунзе в Турцию стало важной вехой в становлении советско-турецких отношений. К сожалению, в отечественной историографии (как советской, так и современной) этот эпизод остался малоизученным и до сих пор находится в тени блестящей военной карьеры Фрунзе.

Турецкой миссии Фрунзе, несмотря на ее важность, не были посвящены отдельные монографии, однако информацию о ней можно найти в работах с более широкими темами, такими как история международных отношений и советской внешней политики. Среди них можно выделить работу А.Н. Хейфеца «Советская дипломатия и народы Востока. 1921–1927» [8], двухтомный труд

«История внешней политики СССР. 1917–1975» [4] под редакцией А.А. Громыко и Б.Н. Пономарева. Советская историография оценивала миссию Фрунзе безусловно положительно, впрочем, как и в целом советско-турецкие отношения первой половины 1920-х годов.

Современные ученые, которые в своих исследованиях касаются внешнеполитической деятельности Фрунзе, также оценивают ее позитивно. Например, такая оценка приводится в работе Н.Г. Киреева «История Турции – XX век» [5] и Д.Е. Еремеева «История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней» [3]. В последнее время в исторической науке наметился курс на более детальное изучение посольства Фрунзе в Турцию. Так, в 2018 г. вышла статья А.Д. Васильева «Миссия М.В. Фрунзе в Анкару в архивных документах, оценках участников и исследователей» [1], в которой автор провел анализ миссии Фрунзе на основе документов, хранящихся в РГАСПИ, РГВА и Центральном архиве ФСБ [1, с. 69]. Благоприятно оценивает действия Фрунзе и турецкая историография национально-освободительной войны и советско-турецких отношений [10], во многом благодаря тому, что позитивно их оценивал сам первый президент Турецкой республики Мустафа Кемаль Ататюрк, лично проводивший встречи с Фрунзе.

Данная статья посвящена анализу (на базе документов, хранящихся в АВП РФ) официальных и тайных задач, которые советское руководство ставило готовящемуся посольству УССР в Анкару и лично Фрунзе. Во многом благодаря специфичности этих задач руководство посольством и поручили не профессиональному дипломату, а военному специалисту.

Предпосылки посольства М.В. Фрунзе

Геополитическая обстановка на территориях России и Турции, сложившаяся накануне турецкой миссии Фрунзе, была крайне сложной. В условиях Гражданской войны и иностранной интервенции в Россию вопрос активной внешней политики и выхода из столь затруднительного положения на международной арене приобретал для большевиков критически важное значение. Особенности внешнеполитической доктрины этого периода в 1920 г. описал нарком иностранных дел Г.В. Чичерин: «Советское правительство

свободно бросало трудящимся массам всего мира свои революционные лозунги, призывало измученные народы к борьбе против войны, провозглашало и проводило не на словах, а на деле принцип самоопределения трудящихся всякой народности, уничтожало не на словах, а на деле тайную дипломатию, резко порывая с империалистической традицией как публикацией секретных договоров (имеется в виду декларация Сайкса-Пико и подобные документы, рассекреченные и опубликованные советским правительством после революции. – *Авт.*), так и отказом от всех соглашений, в которых выражалась империалистическая политика царизма, и тем самым открывало для народов Востока новую страницу их политического развития, своими действиями толкая их на путь освобождения от гнета европейского империализма» [9, с. 3–4].

В такой ситуации логичным союзником для Советской России на Востоке стало турецкое национально-освободительное движение, имевшее (на тот момент) много общих интересов с большевиками. Во-первых, это борьба против интервенций Антанты в свои страны. Во-вторых, политические программы обеих сил имели некоторые схожие черты и носили революционный характер. Наконец, Великобритания пыталась укрепиться на Кавказе с целью вбить клин между «двумя революциями – большевистской и кемалистской» [5, с. 137], и в таком случае и РСФСР, и силы ВНСТ[1] оказались бы в кольце врагов. Большевики и кемалисты старались этому противостоять.

26 апреля 1920 г. Мустафа Кемаль написал письмо В.И. Ленину с предложением установить дипломатические отношения, а 16 марта 1921 г. был подписан русско-турецкий (Московский) договор о дружбе и братстве. После его подписания в других советских республиках начали разрабатывать аналогичные договоры с Турцией по образцу Московского. Вести переговоры с турецкой стороной о подписании такого договора от лица УССР было поручено Фрунзе, в то время занимавшему пост командующего Вооружёнными силами Украины и Крыма.

[1] ВНСТ – Великое Национальное собрание Турции, новый меджлис, избранный в Анкаре в апреле 1920 г.

Официальные задачи посольства М.В. Фрунзе

Подготовка поездки украинской делегации велась несколько месяцев. Судя по телеграмме (автор не указан) от 9 августа 1921 г., адресованной полпреду РСФСР в Турции С.П. Нацаренусу, по изначальным планам посольство должно было состояться еще в августе 1921 г.: «Он (Фрунзе) поедет туда не позже конца августа, так что в момент получения вами этого письма, он будет в пути»[1]. Главными официальными задачами посольства стали заключение украинско-турецкого договора о дружбе и братстве и доставка партии финансовой помощи. Г.В. Чичерин в послании Нацаренусу писал, что предполагалось «немедленное заключение с УССР конвенции о военнопленных, а затем консульская и торговая (конвенции. – *Авт.*)»[2]. В документах упоминаются и другие важные цели поездки, которые советские лидеры выделяли при ее подготовке. Условно их можно разделить на политические, экономические и военные.

Политические задачи посольства М.В. Фрунзе

Помимо главной политической задачи (подписания договора) от делегации Украины требовалось всеми силами показать руководству кемалистов, что УССР и другие советские республики (в первую очередь РСФСР) крайне заинтересованы в сохранении и развитии дружеских и партнерских отношений с Турцией. Эта задача обозначена в вышеупомянутой секретной телеграмме Нацаренусу (автор не указан) 9 августа 1921 г.: «Уважаемый товарищ, Вы знаете о переговорах, которые предполагалось вести между Украиной и Турцией о заключении договора, аналогичного нашему московскому договору. Теперь принято решение послать в Ангору т. Фрунзе для ведения этих переговоров. Как Вы знаете, он состоит на Украине Главкомом и в то же время он член ЦК РКП. Это, таким образом, видное лицо советских правящих сфер и одно из главных лиц Украинского правительства. Его поездка в Ангору будет поэтому яркой демонстрацией стремления Украины к друж-

[1] АВП РФ.Ф. 04 (Секретариат Г.В. Чичерина). Оп. 39. П. 233. Д. 53024. Л. 20.

[2] Там же. Л. 26.

бе с Турцией, а ввиду тесного контакта Украины с нами, это будет вообще яркая дружественная демонстрация советских республик по отношению к Турции. Он поедет туда не позже конца августа, так что в момент получения вами этого письма он будет в пути. Не следует преждевременно раскрывать этот факт и в данный момент он еще является секретным. Но тогда, когда он приедет в Ангору, надо будет максимально использовать этот факт для демонстрации дружбы между советскими республиками и Турцией. Это будет яркий факт, который произведет впечатление во всех странах»[1].

Особый акцент в документах делается на том, что визит состоится в тяжелый период для турецких национально-освободительных сил. На это указывал Чичерин в шифрованной депеше НКИД от 13 августа 1921 г., отправленной Нацаренусу: «Его (Фрунзе. – *Авт.*) назначение должно подчеркнуть тесную связь советских республик с Турцией и факт поездки такого видного лица притом Главкома в Ангору в момент поражения должно произвести эффект»[2]. Также это прослеживается и в проекте инструкции, разрабатываемой для Фрунзе непосредственно перед поездкой в октябре 1921 г. и утвержденной Чичериным. Несмотря на то, что делегация официально представляла УССР, фактически в ней были заинтересованы все советские республики, и в первую очередь РСФСР, руководство которой и занималось подготовкой посольства (о деятельности посольства Фрунзе также будет отчитываться российскому, а не украинскому руководству). Это, судя по всему, понимала и турецкая сторона: «Хотя вы едете в Ангору официально от Украйны, но политически ваше посещение будет расцениваться как проявление дружественных отношений вообще советских республик и поэтому прежде всего России. Как раз в момент наиболее тяжелого военного положения Турции была выдвинута мысль о Вашей поездке, которая была понята в Ангоре как яркая демонстрация неизменности нашей дружественной политики по отношению к Турции. Эта демонстрация была естественно отнесена не только к Украйне, но и к России. Турецкое Правительство несомненно встретит Вас сообразно с этим отношением к

[1] АВП РФ.Ф. 04 (Секретариат Г.В. Чичерина). Оп. 39. П. 233. Д. 53024. Л. 20.

[2] Там же. Л. 22.

Вашей поездке. Она будет таким образом служить противовесом тем влияниям, которые грозят толкнуть Турцию к капитуляции перед Антантой. Ко всем Вашим словам турецкие правящие круги будут прислушиваться несомненно с особым интересом и будут в них усматривать проявление политики также и России. С этой ролью, силой вещей вам принадлежащей, Вам необходимо считаться при всех Ваших сношениях с турками»[1].

Помимо демонстрации лидерам кемалистов дружественных намерений большевиков, от Фрунзе требовалось распространить позитивный образ советских республик среди широких масс турецкого населения. Об этом косвенно говорится в телеграмме Чичерина Л.Д. Троцкому от 21 октября 1921 г.: «Совместно с т.т. Фрунзе и Сурицем мы пришли к выводу, что поездка т. Фрунзе особенно нужна, ибо закрепит наше влияние на массы и затруднит французскую линию, а ехать надо непременно, надо винтовки отдать… в Ангоре, тогда их сразу поглотит страшно нуждающийся в них греческий фронт»[2].

Подробнее следует остановиться на упомянутой в телеграмме «французской линии». Перспектива мира между Францией и Турцией с последующим нападением Турции на Россию крайне беспокоила Чичерина, это можно увидеть и во многих других его телеграммах. А.Д. Васильев приходит к выводу, что «выяснение деталей турецко-французского договора», вероятно, стало «лишь случайными обстоятельствами, достаточно важными, но все же второстепенными по отношению к первоначальным целям миссии» [1, с. 67]. По-видимому, на начальных этапах подготовки миссии это была одна из основных задач, поскольку упоминается как одна из важных во многих письмах за август–октябрь 1921 г. Однако ближе непосредственно к поездке эта цель, действительно, отошла на второй план. Это показывает, например, письмо Чичерина заместителю председателя Реввоенсовета РСФСР Э.М. Склянскому от 3 ноября 1921 г.: «По последним сообщениям тов. Нацаренуса направленные против Советской России и Кавказских республик секретные пункты были отвергнуты Турецким прави-

[1] АВП РФ.Ф. 04 (Секретариат Г.В. Чичерина). Оп. 39. П. 233. Д. 53024. Л. 33.

[2] Там же. Л. 42.

тельством, причем, по уверению тов. Нацаренуса, эти сведения подтверждаются его неофициальными источниками. За это Франции дана компенсация в виде концессии на угольные копи и, кроме того, Франция дает заем в семь миллионов ливров, а не в сто миллионов ливров. Концентрация войск на Кавказе была угрозой, выдвигавшейся тов. Нацаренусом, когда он разговаривал с турецким министерством о возможности его соглашения с Францией против нас. В настоящее время это отпадает. Наоборот, необходимо еще больше подчеркивать наше дружелюбное отношение к Турции. Но даже в том случае, если бы были приняты эти секретные пункты, концентрация на Кавказе имела бы скорее психологическую цель. При нынешнем турецком режиме нельзя опасаться серьезной войны против нас со стороны Турции, она была бы слишком непопулярна в тех широких буржуазных кругах, без которых Ангорское правительство не может существовать. В случае принятия этих секретных пунктов, можно было бы опасаться другого, а именно негласной помощи со стороны Турецкого правительства ктнр-революционным (контрреволюционным. – *Авт.*) группировкам Кавказа и перехода границы всевозможными бандами вроде того, что происходит на польской границе, причем в Ангоре умывали бы руки. Для этого требуется не концентрация войск на Кавказе вообще, а создание хорошей пограничной охраны»[1].

Неизвестно, какие именно «неофициальные источники» имел в виду Нацаренус, однако это письмо дает понять, что в ноябре 1921 г. Чичерин уже понимал, что худшие опасения о франко-турецком договоре против Советской России не оправдались, хотя до конца и не перестали волновать Москву.

Помимо этих основных политических задач, от Фрунзе также требовалось провести оценку национального вопроса в Турции, обострение которого могло оказать влияние на советско-турецкие отношения. В вышеупомянутом проекте инструкции для Фрунзе имеется следующее наставление: «Необходимо также, чтобы вы оценили… значение этих факторов, как вечно восстающие курды и оставшиеся еще в живых армяне и греки»[2].

[1] АВП РФ.Ф. 04 (Секретариат Г.В. Чичерина). Оп. 39. П. 233. Д. 53024. Л. 51.

[2] Там же. Л. 34.

Военные задачи посольства М.В. Фрунзе

Как военный специалист, Фрунзе должен был оценить состояние и боеспособность армии кемалистов, детально ее изучить, поскольку разгром турецких национально-освободительных сил открыл бы путь к наступлению войск Антанты на Кавказ. Большевиков, по всей видимости, крайне беспокоила эта возможность. В проекте инструкции для Фрунзе отмечалось: «Нам с другой стороны необходимо использовать Вашу поездку для выяснения военных вопросов, связанных с положением нашего ближневосточного фронта. Нам необходимо, чтобы военный специалист дал нам оценку как военного положения Турции, так и степени и реальности опасений, могущих нам грозить с этой стороны. Постарайтесь обстоятельно ознакомиться с состоянием турецкой армии, ее управления и снабжения и перспективами ее дальнейшей борьбы. Мы должны знать до какой степени турецкая армия остается и обещает оставаться в будущем боеспособным серьезным военным фактором. Мы должны знать, к чему нам готовиться с этой стороны и не следует ли ждать каких-либо сюрпризов. Необходимо также, чтобы вы оценили с военной точки зрения общее положение Турции… Кроме того, по тому обстоятельству, как располагаются турецкие войска, Вы можете заключить и сообщить нам, насколько реальной является опасность поворота кемалистов к активной борьбе против нас в случае их соглашения с Антантой. Мы должны не только знать, является ли Турция боеспособным военным фактором, но также нет ли оснований полагать, что этот фактор намерен обратиться против нас. Ознакомившись с внутренним положением Турции с военной точки зрения, Вы нам сообщите, чего можно ждать вообще в военном отношении от Турции в ближайший период времени»[1].

В АВП РФ сохранились переданные миссией Фрунзе таблицы с подробной информацией о численности турецких войск на отдельных участках греко-турецкого фронта, их вооружении и т.д.[2] Сам Фрунзе в своем докладе о поездке в Турцию на объединенном заседании Совнаркома и ЦИКА Украины не без оснований

[1] АВП РФ.Ф. 04 (Секретариат Г.В. Чичерина). Оп. 39. П. 233. Д. 53024. Л. 33.

[2] Там же. Л. 9–16.

отмечал, что «общее представление о турецкой вооруженной силе я имею почти такое же, как и об украинской армии» [7, с. 359].

Фрунзе также должен был оказать поддержку армиям кемалистов (как в качестве военного советника, так и материальную). Так, 20 августа 1921 г. Троцкий в секретном письме Чичерину отмечал: «Положение в Турции весьма печально. Кемалисты как будто дышат на ладан. Между тем, не может быть сомнений в том, что греческая армия весьма слаба. Война между кемалистами и греками по характеру операций и по неустойчивости обеих сторон весьма близка к нашей гражданской войне. В тех случаях, когда мы быстро подавались назад и наш фронт приходил в катастрофическое состояние, нам неизменно помогали мобилизация коммунистов, решительная и сосредоточенная агитация, установление твердого режима и прочее. Я думаю, что и в Турции возможна такого рода система мероприятий: мобилизация наиболее активных и идейных людей в тылу, их обработка в короткий срок, их направление с комиссарскими и прочими функциями в армию, создание перелома, подъема и так далее. В этих пределах возможно было бы то или другое содействие»[1]. В ответном письме Чичерина высказывалась идея отправить в Турцию партию оружия: «Ехать надо непременно, надо винтовки отдать… в Ангоре, тогда их сразу поглотит страшно нуждающийся в них греческий фронт»[2].

Экономические задачи посольства М.В. Фрунзе

В сравнении с политическими и военными, экономические задачи посольства выглядят несколько второстепенными. По сути, они ограничивались лишь заключением торгового соглашения и передачей финансовой помощи, которую охраняемое посольство могло безопасно доставить в Анкару. Однако экономическое взаимодействие с Турцией велось в первую очередь в политических интересах, а также с надеждой развить экономические отношения в будущем. Чичерин так писал о торговле с Турцией в телеграмме Нацаренусу: «Мы усиленно поднимаем в НКВД вопрос о завязывании торговых сношений с Анатолией – вплоть до посылки к

[1] АВП РФ.Ф. 04 (Секретариат Г.В. Чичерина). Оп. 39. П. 233. Д. 53024. Л. 36.

[2] Там же. Л. 42.

Вам, в Ангору небольшой торгделегации. Хотя (во всероссийском масштабе) торговля с Анатолией много дать не сможет, однако малейшее укрепление экономических связей немедленно выгодно отзовется на нашем политическом престиже»[1].

Интересно, что в шифрованной телеграмме, направленной 15 ноября 1921 г. в Тифлис, Чичерин пишет Фрунзе, что представитель Франции Франклин Бульон «поехал опять в Ангору, очевидно Франция хочет ковать [,] железо тесно связаться с Турцией [,] дать ей финансовую помощь [,] несомненно будет интриговать против нас»[2]. От Фрунзе требовалось осторожно намекнуть ему, что «что мы оба (РСФСР и Франция. – *Авт.*) стремимся к тому [,] чтобы Турция была свободной и процветающей [,] не вмешиваемся в ее внутренние дела [,] итак не будем сталкиваться [,] не будем мешать друг другу [и] устраним здесь трения»[3]. Турецкой же стороне нужно было объяснить, что экономическое сотрудничество с РСФСР для нее потенциально выгоднее, чем с Францией: «другие дадут деньги чтобы лучше съесть Турцию [,] экономически поработить [,] а мы будем давать деньги чтобы укрепить свободную Турцию [.] Мы теперь временно сами сильно нуждаемся [,] но оживление началось [и] мы скоро восстановим хозяйство [,] длительная задача Турции [–] опираться на нас»[4]. Из этого следует, что большевистское руководство, во-первых, воспринимало экономическое сотрудничество с Турцией как политический инструмент, а во-вторых, старалось сохранить его и развивать с учетом перспективы восстановления хозяйства страны, для чего Фрунзе поручили противостоять росту влияния французского капитала в турецкой экономике.

Заключение

Таким образом, задачи у посольства УССР во главе с М.В. Фрунзе были: политические (демонстрация стремления Украины и вообще советских республик к дружбе с Турцией в тяжелый

[1] АВП РФ.Ф. 04 (Секретариат Г.В. Чичерина). Оп. 39. П. 233. Д. 53024. Л. 26.

[2] Там же. Л. 52.

[3] Там же.

[4] Там же.

для нее момент; заключение договора о консульских представительствах; оценка национального фактора в Турции; противостояние охлаждению Турции к РСФСР и сближению ее с Антантой; усиление советского влияния на турецкое население), военные (оказание военной поддержки Турции в войне; оценка военным специалистом военного потенциала Турции; заключение конвенции о военнопленных) и экономические (передача финансовой помощи; заключение украинско-турецкого торгового договора; развитие экономических отношений и противостояние французскому влиянию в турецкой экономике).

Деление на политические, военные и экономические задачи достаточно условно, зачастую границы между ними были размыты. Тем не менее, широкий спектр задач, которые предстояло выполнить посольству УССР во главе с Фрунзе, говорит о важности для всех советских республик. Это также говорит о высоком авторитете Фрунзе, которому доверили руководить столь сложным мероприятием, на которое возлагали большие надежды как советские лидеры, так и лидеры турецкого национально-освободительного движения. Во многом благодаря столь обширному набору серьезных задач посольство Фрунзе прочно вошло в историю российско-турецких отношений.

Список литературы

1. Васильев А.Д. Миссия М.В. Фрунзе в Анкару в архивных документах, оценках участников и исследователей // Вестник Института востоковедения РАН. – 2018. – № 2. – С. 60–69.
2. Васильев В.В. М.В. Фрунзе как дипломат // Фрунзе М.В. Полководческая деятельность: сборник статей. – Москва: Военное издательство, 1951. – С. 242–262.
3. Еремеев Д.Е. История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней. – Москва: Квадрига, 2017. – 376 с.
4. История внешней политики СССР. 1917–1975: в четырех томах / под ред. А.А. Громыко, Б.Н. Пономарева. – Москва: Наука, 1976. – Том 1. – 519 с.
5. Киреев Н.Г. История Турции – XX век. – Москва: ИВ РАН, 2007. – 605 с.
6. Фрунзе М.В. Неизвестное и забытое. Публицистика, мемуары, документы, письма. – Москва: Наука, 1991. – 271 с.
7. Фрунзе М.В. Собрание сочинений. – Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1929. – Том 1. – 692 с.
8. Хейфец А.Н. Советская дипломатия и народы Востока. 1921–1927. – Москва: Наука, 1968. – 327 с.

9. Чичерин Г.В. Внешняя политика Советской России за два года. – Москва: Государственное издательство, 1920. – 32 с.
10. Perinçek M. Atatürk'ün Sovyetlerle Görüşmeleri. – İstanbul: Kaynak Yayınları, 2007. – 488 s.

ДИССЕРТАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА РОССИЙСКОГО ИСТОРИКО-НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА: ОПЫТ И ПРАКТИКИ ПОДГОТОВКИ И ЗАЩИТ ДИССЕРТАЦИЙ (XIX – НАЧАЛО XX в.): колл. монография / под ред. Алеврас Н.Н., Гришиной Н.В. – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-история, 2022. – 464 с.

Ключевые слова: историческая наука; исторические школы; университетские уставы XIX – начала XX в.; диссертационные исследования.

Keywords: historical science; historical schools; university charters of the XIX – early XX centuries; dissertation research.

Для цитирования: Дунаева Ю.В. [Реф.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 2. – С. 33–37. – Реф. кн.: Диссертационная культура российского историко-научного сообщества: опыт и практики подготовки и защит диссертаций (XIX – начало XX в.): колл. монография / под ред. Алеврас Н.Н., Гришиной Н.В. – Москва; Санкт-Петербург: Нестор-история, 2022. – 464 с.

Реферируемая монография представляет собой первое комплексное исследование подготовки и порядка защиты диссертаций в конце XIX – начале XX в. в российских университетах. Работа основана на широком круге источников из архивов Москвы и Санкт-Петербурга; опубликованных документах (нормативные акты и т.п.); научных трудах и диссертациях ученых разных университетов. Приводятся рецензии, отзывы на диссертации, протоколы диспутов защиты диссертаций; сведения из источников личного происхождения; публицистические материалы. Использованы данные из справочников, энциклопедий, библиографических изданий.

Монография состоит из предисловия, введения, трех разделов, заключения. Во введении, в частности, приводится определе-

ние используемой терминологии. Так, процесс защиты диссертации представляет собой «совокупность организационно-нормативных процедур, традиций и ритуалов со стороны научно-образовательных культур» (с. 15). Диссертационная система – это «правовые базы, институты магистратуры и докторантуры, университетские кафедры, подготавливающие претендентов на “профессорское звание”, компоненты процедур защиты и экспертизы диссертации и пр.» (с. 17). Под диссертационной историей, продолжают авторы монографии, «понимается установленный событийный ряд научных и организационных практик, позволяющих подвергнуть описанию процесс создания диссертации от ее замысла до успешной защиты и присуждения ее автору соответствующих ученых степеней» (там же).

В первом разделе рассматриваются, в частности, законодательные акты, уставы и другие документы, регламентирующие подготовку и защиту диссертации. Авторы подчеркивают факт поступательного развития российской диссертационной системы на протяжении XIX в. и в начале XX в. Первые акты были приняты в университетах. Основой для их разработки стал устав Московского университета 1804 г.

Затем было принят ряд документов, в которых детализировалась и уточнялась процедура прохождения диссертационного исследования. В Положении 1819 г. уделялось особое внимание экзаменам для соискателей магистерской и докторской диссертаций. Магистры сдавали устный и два письменных экзамена по своей научной специальности. Претендующие на докторскую степень проходили четыре письменных экзамена «во всех науках, принадлежащих факультету, по которому он домогается докторской степени» (цит. по: с. 54).

Положение 1837 г. в чем-то смягчило требования к магистрам и докторантам. Например, соискатель докторской степени освобождался «от вторичного словесного или письменного испытания, в тех главных предметах, по коим удостоен первым из сих степеней» (цит. по: с. 55).

Заметные изменения подготовки и защиты диссертации зафиксированы в Положении 1844 г. Отныне, для того чтобы работать на кафедре университета, обязательно нужна была хотя бы магистерская ученая степень. В новом Положении более подробно

описывалась процедура подготовки диссертации. Соискатели магистерской степени должны были показать исследование специалисту (профессору или адъюнкту) по избранной теме. Претендент на докторскую степень должен был представить свою работу коллеге-профессору для ее оценки и подтверждения новизны исследования. Новшеством этого Положения стало введение института «возражателей» (оппонентов), которые выдвигались деканом и факультетом. Однако внедрение процедуры оппонирования вызвало определенные сложности в процессе защиты диссертации. Анализ соответствующих документов привел авторов монографии к следующему выводу: «ни в одном из них [законодательно-нормативных документах. – *Прим. реф.*] детализации процедуры назначения оппонентов не существовало, как и не определялись статусные характеристики претендентов на выполнение экспертных функций» (с. 158).

В разных университетах проблема с поиском оппонентов решалась по-разному. Это могло быть назначение профессора или доцента с соответствующей кафедры, или практика взаимного оппонирования. Авторы приводят интересный факт. Так, ученики В.О. Ключевского оппонировали друг другу, сам знаменитый историк также исполнял роль официального или неофициального оппонента у своих учеников. Ещё одним вариантом могла стать защита диссертации в другом университете и назначение оппонентов из профессуры этого университета. Например, историк В.И. Семевский из Санкт-Петербургского университета защищался в Московском университете.

Важные изменения в получении ученой степени зафиксированы в Положении 1864 г. Соискатели были обязаны за свой счет печатать диссертацию, и за месяц до защиты представлять ее на факультет. Подтверждалось требование о назначении двух экспертов – официальных оппонентов. В Положении пореформенного периода отмечался публичный характер защиты диссертации. Теперь в диспуте могли принять участие представители других университетов.

Во втором разделе «Институциональные основы и традиции защит диссертаций в российских университетах XIX – начала XX в.» рассматриваются такие темы, как диссертационный диспут и оппонирование диссертаций. Во второй половине XIX в. в пери-

одической печати стали публиковать информацию о публичных диспутах при защите диссертации. Эта практика, подчеркивают авторы исследования, рассматривалась как соблюдение норм университетского устава, способ информирования заинтересованной аудитории о событиях университетской жизни, «создание привлекательного имиджа науки в социальной среде» (с. 141). Одним из таких изданий, в котором публиковалась информация о защите диссертации, стал журнал «Историческое обозрение». В нем приводилась подробная информация следующего рода: биографические данные о соискателях; содержание вступительных речей; выступление оппонентов с критическими замечаниями; полемические диалоги оппонентов и соискателя. Публикации подобного рода информации свидетельствует о том, что защита диссертации и диссертационные диспуты представляли интерес и для научной среды, и для широкой публики.

Заключительный третий раздел «Путь к диссертации в XIX – начале XX в.: процесс подготовки, проблематика, содержание диссертационных исследований, коммеморативный опыт их восприятия» посвящен тому, как проходила подготовка и защита диссертаций у историков – представителей исторической школы М.С. Куторги и С.Ф. Платонова. Свой выбор авторы монографии объясняют тем, что эти историки были новаторами во взаимодействии со своими учениками и использовали официальные и неофициальные коммуникации.

Возьмём для примера школу С.Ф. Платонова, сформировавшуюся в 1890-е годы. Основной темой исследований представителей этой школы была социально-политическая история Русского государства XVI–XVII вв. Идейно-методологическим основанием научных изысканий был позитивизм, а вернее одна из его разновидностей, сформировавшаяся среди профессуры в Санкт-Петербургском университете. Профессор сплотил свой круг учеников, которые не только разделяли научно-методическую позицию наставника, но и были связаны между собой дружественными узами.

Историк использовал различные способы для пестования своих учеников. Это были, к примеру, встречи у него на квартире, когда участники обменивались мнениями о насущных научных вопросах. С.Ф. Платонов, по мнению авторов, был типичным ли-

дером и патриотом науки. Он использовал научный и педагогический авторитет для развития карьеры своих учеников. Историк помогал молодым коллегам на всех этапах подготовки к диссертации, вплоть до того, что снабжал их необходимой литературой. Своей основной задачей он считал «формирование университетской школы русской истории» (с. 286). Укреплению связей «профессор – ученик» служило не только официальное, но и частное общение, а также личная переписка. В ней обсуждались научные проблемы, но иногда даже события частной жизни. Таким образом укреплялись отношения молодых ученых с маститым профессором. Далее приводятся подробности подготовки и защиты диссертаций других ученых: С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского, П.Н. Милюкова.

В заключение авторы подчеркивают сложный двойственный характер возникновения и формирования процессов подготовки и защиты диссертации. С одной стороны, наблюдалось заимствование иностранного, прежде всего западноевропейского опыта выстраивания неформальных отношений «учитель – ученик». Например, проведение научных семинаров. С другой стороны, шел поиск самобытных, самостоятельных способов подготовки диссертантов к защите диссертации.

Ю.В. Дунаева[*]

[*] Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); jvd@inbox.ru

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 321(091); 355.1(091); 94(37).03 DOI: 10.31249/hist/2024.03.03

МЕДОВИЧЕВ А.Е.* «КОНСТИТУЦИЯ» СЕРВИЯ ТУЛЛИЯ: АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РАННЕГО РИМА (VI–V вв. до н.э.)

Аннотация. В статье рассматриваются варианты реконструкции военно-политической системы Раннего Рима, созданной, согласно античной традиции, в середине VI в. до н.э. царем Сервием Туллием. Ее каноническая версия, скорее всего значительно более поздняя, хорошо известна благодаря подробному описанию в сочинениях Тита Ливия и Дионисия Галикарнасского, но в некоторых своих аспектах выглядит явно искусственной и вряд ли полностью соответствует реалиям какого-либо конкретного исторического периода. Предпринятые в течение ряда десятилетий попытки воссоздать исходную модель «Сервиевой конституции», несмотря на неизбежную гипотетичность любых предлагаемых вариантов, тем не менее привели к определенным результатам. Очевидно, что целью Сервия Туллия было создание армии гоплитского типа, и, следовательно, его реформа должна рассматриваться в контексте тех радикальных перемен в военном деле, которые происходили в то же время в других античных полисах Средиземноморья. Вместе с тем создание центуриатной армии и ее политической версии в виде центуриатных комиций (comitia centuriata) явилось реализацией классической модели полиса с характерным для него единством военной и политической организации. И в этом

* Медовичев Александр Евгеньевич – ведущий редактор отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); asandr53@yandex.ru

плане Сервий Туллий по праву выступает в античной традиции великим реформатором, заложившим институциональные основы Римской республики.

Ключевые слова: Рим эпохи царей; военно-политическая система Ранней Римской республики; реформы Сервия Туллия; центуриатная организация.

MEDOVICHEV A.E. The “constitution” of Servius Tullius: Ancient tradition and modern reconstructions of military and political organization of early Rome (VI–V BC)

*Abstrac*t. The article examines the variants for the reconstruction of military and political system of early Rome, created, according to ancient tradition, in the middle of the VI BC by king Servius Tullius. Its canonical version, most likely much later, is well known due to the detailed description in the writings of Titus Livy and Dionysius of Halicarnassus, but in some aspects it looks clearly artifical and hardly fully corresponds to the realities of any historical period. Attempts made over a number of decades to recreate the original model of the “Servian Constitution”, despite the inevitable hypothetical nature of any of proposed variants, nevertheless led to certain results. It is obvious that Servius Tullius’ goal was to create a Hoplite-type army, and therefore his reforms should be considered in the context of those radical changes in military affairs that took place at the same time in other ancient polises of the Mediterranean. At the same time, his creation of the centuriate army and its political version in the form of centuriate assembly (comitia centuriata) was the realization of the classical model of the polis with its characteristic unity of military and political organization. And in this regard, Servius Tullius rightfully stands out in the ancient tradition as a great reformer who laid the institutional foundations of the Roman Republic.

Keywords: Rome of the age of Kings; military and political system of Early Roman republic; reforms of Servius Tullius; centuriate organization.

Для цитирования: Медовичев А.Е. «Конституция» Сервия Туллия: античная традиция и современные реконструкции военно-политической организации раннего Рима (VI–V вв. до н.э.) (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 3. – С. 38–67. – DOI: 10.31249/hist/2024.03.03

Изучение роли военного фактора в формировании классической модели античного города-государства – греческого πόλις и его западного аналога, римско-италийской civitas – является одним из ключевых аспектов направления исследований в области античной истории, известного как «война и общество в античном мире» [см. 15, p. 4; 22, p. 96–113]. Специфика полиса наиболее точно была сформулирована еще в середине XIX в. К. Марксом. Немецкий мыслитель рассматривал его как своеобразный тип государства-общины, локализованной в городе, территория которого включает и всю подчиненную ему сельскую местность. Типичный полис, писал он, по существу представлял собой республику проживающих в городе свободных крестьян – земельных собственников, собственность которых на землю и рабов была опосредована их существованием в качестве членов государства. Гарантией их собственности являлось сохранение государства как общины, которое, в свою очередь, было гарантировано прибавочным трудом ее членов в виде военной службы. «Вот почему состоящая из ряда семей община организована, прежде всего, по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственницы». Война для нее, по словам Маркса, становится «той важной общей задачей, той большой совместной работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот защитить и увековечить» [4, с. 465].

Структурообразующая роль войны в полисном мире была вполне очевидна уже интеллектуалам античной эпохи. Для полиса, согласно Платону, война, притом бесконечная, с каждым другим полисом была естественным состоянием, и все его институты, как частные, так и общественные, были приспособлены к потребностям войны (Leg. 626 a–b). Современные историки также подчеркивают ярко выраженный милитаризированный характер полиса. Прежде всего отмечается неразграниченность в нем «гражданской» и «военной» сфер, совпадение (более или менее полное) политической и военной организации, коллектива земельных собственников, народного собрания и народного ополчения, взаимосвязь между владением землей, военной службой и гражданским статусом [3, с. 24; 9, с. 147, 152–153, 156–157; 27, p. 38–39; 30, p. 115; 45, p. 58–59].

Выдвигая военный фактор в качестве главного мотива политической консолидации греческих городов-государств, особое значение в этом плане исследователи придают перевороту в военном деле в VII–VI вв. до н.э., который иногда называют «гоплитской реформой» или даже «гоплитской революцией». В условиях обострения борьбы за территорию между формирующимися полисами поиск путей повышения эффективности гражданского ополчения привел к созданию фаланги в качестве оптимального боевого порядка тяжеловооруженной пехоты – гоплитов. Ее возникновение следует, по-видимому, рассматривать как длительный процесс совершенствования и унификации вооружения и тактики, который скорее всего прошел несколько этапов [45, p. 53; 8; 50]. И это, казалось бы, чисто военно-техническое нововведение, имело, как считается, глубокие последствия в плане формирования более эгалитарных политических систем. В рамках фаланги в значительной степени нивелировались военные и социальные различия между аристократией и состоятельными крестьянами, способными за собственный счет приобрести гоплитское вооружение. Она, таким образом, воплощала собой единство гражданского коллектива, равенство членов которого – политическое (как участников народного собрания) и экономическое (как земельных собственников) – находило выражение в равной военной значимости одинаково вооруженных и обученных воинов [31, p. 41, 67; 49, p. 120–122; 50, p. 33; 36, p. 124–125; 39, p. 8–9; 16, p. 48–49; 45, p. 49, 53].

Неудивительно, что в науке фаланга часто рассматривается как своего рода перенесенная в военную сферу модель классического греческого полиса. Подчеркивается также тесная взаимосвязь возникновения и развития обоих феноменов [3, с. 24–25; 44, p. 80]. И в целом сама по себе «унифицированность типичной гоплитской фаланги, ее, так сказать “регулярность”, – как отмечает Г. Форсайт, – явно отражает подъем государства с его рационализированными институтами, с его способностью и потребностью включить массу граждан в систематизированную структуру, пригодную для ведения организованной войны» [24, p. 27].

Подобно греческим полисам, Рим царского и раннереспубликанского периодов также был, прежде всего, сообществом граждан-воинов, формирование которого определялось в целом теми же процессами. Представление о нем как о государстве по-

лисного типа можно считать прочно утвердившимся в зарубежной и отечественной историографии [см.: 17, p. 118; 5; 6; 7, с. 255; 2]. И если появление фаланги в греческих полисах в течение VII–VI вв. до н.э. рассматривать как один из основных признаков образования государства, то, вероятно, можно предполагать его аналогичную роль применительно к урбанизирующимся общинам притирренской Италии, включая Рим.

С конца VII в. до н.э. римская община постепенно превращается в правильно организованный город-государство. Основой ее военно-политической структуры являлись три трибы («племени») и тридцать курий, созданные, согласно традиции, первым легендарным царем Рима Ромулом. Чаще всего в них видят реликтовые институты протогородской фазы развития, членство в которых основывалось на принадлежности к семьям, включенным в систему gentes[1] [7, с. 257; 34, p. 87; 21, p. 286]. Тем не менее есть некоторые основания скептически воспринимать эти архаические подразделения римского народа как «естественные», изначальные группы кровнородственного или, тем более, этнического характера, сложившиеся задолго до возникновения города. Скорее всего, их следует рассматривать как искусственно созданные вместе с образованием города-государства административно-территориальные и, вместе с тем, военные подразделения. В этом плане, как отмечает Т.Дж. Корнелл, римская система триб и курий точно воспроизводит структуру греческих полисных общин, явившуюся продуктом «архаической рационализации», осуществлявшейся в процессе формирования городов-государств. Таким образом, заключает британский исследователь, Рим вероятно уже в VII в. до н.э. начинает приобретать черты полиса [17, p. 118]. Решающим этапом

[1] Gentes (ед. число – gens) представляли собой расширенные патриархальные семьи или патрилинейные группы (линиджи), члены которых (gentiles) считались происходящими от общего предка, чаще реального, чем фиктивного [см.: 2, с. 9]. Устоявшимся элементом социальной структуры в Лации gens стал незадолго до 600 г. до н.э. Об этом, по мнению некоторых исследователей, говорит тот факт, что характерная для gentes система номенклатуры, включающая личное имя (prenomen) и родовое имя (nomen gentilicium или просто nomen), распространяется параллельно с процессом урбанизации. Это явление ставит под сомнение теорию о том, что римский gens являлся «дополитическим» элементом социальной организации [см.: 17, p. 84–85].

этого процесса принято считать создание в середине VI в. до н.э. центуриатной гоплитской армии (classis), одновременно выступающей и в роли политического института – народного собрания (comitia centuriata) [34, p. 136].

Центуриатная система в античной литературной традиции

Введение в Риме центуриатной организации и цензового принципа комплектования армии античная традиция приписывает шестому римскому царю Сервию Туллию (578–534 гг. до н.э.). Его реформа означала существенную реорганизацию римской общины и включала три взаимосвязанных аспекта – военный, политический и фискальный. Новая структура гражданского коллектива достаточно подробно и, в целом, без значительных отличий описана Титом Ливием (I, 43) и Дионисием Галикарнасским (IV, 16–21). Согласно их данным, было образовано 18 центурий всадников и 170 центурий пехоты, которые делились на пять классов (classes), различающихся по уровню благосостояния и, соответственно, по стоимости комплекса приобретаемого за собственный счет вооружения. При этом первый класс имел в своем составе 40 центурий iuniores (граждане в возрасте от 17 до 46 лет) и 40 центурий seniores (от 47 лет до 60), второй, третий и четвертый классы – по 10 центурий тех и других, а пятый – по 15. Кроме того, имелись еще две центурии мастеров (fabri) и две центурии музыкантов (cornicenes и tubicenes), а также одна центурия самых бедных граждан, так называемых пролетариев (proletarii), которые, поскольку они не имели никакой собственности, образовывали категорию capite censi, так как оценивались не по имущественному положению, а просто учитывались «по головам».

Существование столь ранжированной системы не было возможно без института ценза, создание которого традиция также приписывает Сервию Туллию. Процедура ценза предполагала проведение один раз в пять лет оценки стоимости имущества граждан и распределения их по возрастным категориям и имущественным разрядам («классам»). Тем самым, по словам французского историка К. Николе, решалась задача придания городу-государству органичной и рациональной структуры, каждый член которой получал «титул», предписывающий ему то или иное место в этой

структуре [37, p. 51]. Учитывая ритуалы, которыми сопровождалась процедура ценза, есть основания считать, что он действительно восходит к глубокой древности, что, разумеется, не относится к практическим формам классификации и критериям оценки. Те денежные единицы, в которых оценка имущества приведена у Ливия, скорее всего, были aesses sextantarii весом в 1/6 римского фунта. Этот девальвированный as был введен около 211 г. до н.э. вместе с началом чеканки серебряного денария, который был приравнен к 10 секстантальным ассам (слово denarius – букв. «десятка»). Таким образом, каноническая версия Сервиевой системы (по крайней мере в том, что касается финансового рейтинга «классов») не могла появиться раньше указанной даты [37, p. 220].

Впрочем, данное обстоятельство не может служить основанием для датировки самой центуриатной системы, которая могла базироваться в предшествующую эпоху на критериях, выраженных в иных формах или денежных единицах иной стоимости, которые позднее были конвертированы в новую монетарную систему, введенную в 211 г. до н.э. [17, p. 181]. Вполне возможно, что единицей оценки имущества мог быть aes signatum («помеченная бронза»). Как показало исследование Э. Перуцци, слитки бронзы с изображениями животных (aera signata) впервые появились в Риме как раз при Сервии Туллии, который, согласно Тимею (в передаче Плиния Старшего), приказал помечать бронзу nota pecudum, т.е. «знаком животных». Это свидетельство Тимея находит подтверждение в археологических материалах, демонстрирующих распространение aera signata значительно шире пределов центральной Италии [41, p. 208]. Можно, следовательно, полагать, пишет Перуцци, что со времени Сервия Туллия оценка имущества действительно осуществлялась именно в бронзовых ассах вместо голов скота, и nota pecudum удостоверяла, что aes signatum (и только он) является бронзой, официально используемой для этой цели в качестве стандарта [41, p. 226].

Таким образом, наличие в царском Риме примитивных весовых «монет» подтверждает традиционную версию о денежной форме цензовой оценки, хотя, разумеется, не о тех конкретных цифровых показателях стоимости имущества, которые приводят античные писатели и которые, несомненно, принадлежат более позднему времени.

Как считает большинство исследователей, реформа Сервия Туллия преследовала главным образом военные цели (см., например: [12, p. 18; 23, p. 30; 33, p. 34; 37, p. 219; 51, p. 75–78; 17, p. 184; 46, p. 17]). Так называемые classes были, прежде всего, «классами» воинов, о чем свидетельствуют сами термины: classis, означающий «военный контингент», «армию», classici – те, кто созывался сигналом военной трубы (classicum), а также centuria («сотня»), являющаяся подразделением classis [29, p. 149; 17, p. 184]. Вместе с тем, эта классификация граждан-воинов служила и политическим целям. Функционируя в качестве народного собрания, центуриатная армия избирала военно-политическое руководство Рима (консулов, преторов, военных трибунов с консульской властью), принимала законы и решения об объявлении войны и заключении мира. Статус центуриатных комиций (comitia centuriata) именно как собрания воинов подчеркивает и тот факт, что оно проводилось на Марсовом поле, за пределами священной границы (pomerium) Города [10, с. 144–145; 24, p. 27]. Центуриатная организация выполняла также роль фискальной системы, на основе которой происходило распределение и сбор налога на имущество (tributum), за счет чего осуществлялось финансирование военных кампаний.

Суть «конституции» Сервия Туллия, по мнению К. Николе, лучше всего передает отрывок из «Римских древностей» Дионисия Галикарнасского (IV. 19), согласно которому необходимое для проведения той или иной военной кампании количество воинов и сумма денег распределялись между всеми центуриями. При этом каждая центурия должна была выставлять одинаковое число воинов и вносить одинаковую сумму налога. Однако самый богатый, но скорее всего и самый малолюдный первый класс выставлял больше центурий (вместе с центуриями всадниками), чем все остальные классы, вместе взятые. Соответственно, центурия первого класса значительно уступала по количеству граждан центурии любого последующего класса. На практике это означало, что богатые римляне каждый в отдельности не только несли большее финансовое бремя в пользу государства, но и гораздо чаще привлекались к военной службе, чем менее состоятельные, которые служили реже и по принципу ротации. Но, поскольку в центуриатных комициях голосование происходило по центуриям, а не инди-

видуально, и каждая центурия имела один голос, то «дискриминация» богатых компенсировалась их действительной монополией на государственные должности и на принятие решений, тогда как политическое влияние бедных граждан, несмотря на их численное превосходство, было незначительным. Самых бедных, пролетариев, свободных в силу своей бедности от уплаты налогов и от военной службы, «конституция» Сервия Туллия формально не лишала права голоса, но они фактически не имели никакого политического веса, составляя все вместе лишь одну центурию, хотя и самую многочисленную.

Таким образом, пишет Николе, «Сервиева конституция» явно соответствовала идеологии, тщательно разработанной с течением времени в политических трактатах античных философов. Согласно их взглядам, наилучшее государственное устройство должно покоиться на цензовом («тимократическом»[1], в греческом варианте) принципе, который обеспечивал «геометрическое» или «пропорциональное» равенство. Последнее рассматривалось как более совершенное, чем простое «арифметическое» равенство, свойственное демократиям. Формой реализации пропорционального равенства в Риме как раз и была система «классов», ставившая объем прав и обязанностей граждан в прямую зависимость от их имущественного достатка [37, p. 57–58].

Современные реконструкции первоначальной центуриатной организации

Представление античных писателей о том, что каноническая версия центуриатной системы существовала уже в эпоху Сервия Туллия, т.е. в середине VI в. до н.э., давно вызывает вполне обоснованные сомнения многих историков, которые справедливо полагают, что она является лишь конечным результатом длительного процесса эволюции. В полном объеме центуриатная система оформилась, как они считают, только в IV–III вв. до н.э., когда она уже утратила непосредственную связь с военной организацией и выполняла преимущественно политические и фискальные функ-

[1] От τιμή – «честь», «оценка». Соответственно: τίμημα – оценка (имущества), ценз.

ции. Однако первоначальная и более простая ее версия такую связь, несомненно, имела [33, p. 43; 29, p. 149; 51, p. 78; 37, p. 85; 17, p. 180; 24, p. 31; 25, p. 48–50; 35, p. 39–40]. Основанием для ее реконструкции, как правило, служит тот факт, что даже в эпоху Поздней Республики, во II в. до н.э., терминами classis и classici назывались часто только те, кто принадлежал к prima classis. В источниках (Fest P. 48 L) первый класс фигурирует также как classis clipeata, обозначая войско, вооруженное clipei, т.е. фалангу гоплитов, поскольку clipeus – латинское название греческого гоплитского щита. При этом граждане второго и последующих классов, согласно Авлу Геллию (Gell. VI. 13), рассматривались как infra classem, т.е. стоящие вне или ниже classis («войска»). Таким образом, первоначальная реформа, которую можно действительно отнести ко времени Сервия Туллия, вероятно, заключалась в том, что из всей массы пригодных к военной службе граждан были выделены те, чье имущественное положение позволяло приобретать тяжелое вооружение. Они составили classis гоплитов, тогда как все остальные оказавшиеся infra classem, если и привлекались для участия в военных кампаниях, то, скорее всего, выполняли вспомогательные функции в качестве легковооруженных [9, с. 68–70; 1, с. 76; 37, p. 220; 17, p. 184; 46, p. 17]. Следовательно, центуриатную реформу Сервия Туллия в ее древнейшем и более простом варианте логично рассматривать в контексте той самой перемены в военном деле, которая началась примерно на столетие раньше в греческих полисах и известна как «гоплитская реформа» [12, p. 18; 29, p. 147; 26, S. 181; 37, p. 219; 32, p. 17; 17, p. 184–185]. Впрочем, некоторые исследователи, не отрицая саму правомерность такой постановки вопроса, не склонны отождествлять римскую фалангу гоплитов только с первым классом и не считают традиционную версию Сервиевой системы анахронистичной [см.: 33, p. 43; 26, S. 177–180; 46, p. 17–18; 47, p. 21].

Одним из наиболее дискуссионных аспектов Сервиевой «конституции» в современной историографии остается проблема взаимосвязи центурий с новыми территориальными трибами, созданными шестым римским царем в качестве параллельной структуры старым, «Ромуловым», трибам. Проблема осложняется неудовлетворительным состоянием сведений источников относительно времени появления так называемых сельских триб. Отправным

пунктом реконструкции часто служит сообщение Ливия о том, что в 495 г. до н.э. в наличии имелась 21 триба (Liv., II. 21. 7). Поскольку две из них были образованы в начале Республики, то 19 остальных (4 «городских» и 15 «сельских») могли относиться ко времени Сервия Туллия [17, p. 190]. Однако те конкретные схемы цифрового соотношения триб и центурий, которые предлагают некоторые исследователи, не выглядят убедительными (см., например: [26, S. 177–180]).

Впрочем, согласно Ливию (I. 43. 13), тогдашние трибы не имели никакого отношения ни к распределению центурий, ни к их числу. Более того, у Ливия речь идет только о четырех «городских» трибах, созданных Сервием, и только этот факт не вызывает сомнений у большинства ученых [см. 11, p. 306: 23, p. 32; 29, p. 153; 33, p. 34; 40, p. 215]. В отношении времени образования «сельских» триб мнения исследователей расходятся. Только небольшую их часть (пять или шесть) относят к царскому периоду, тогда как остальные, как считается, появились в начале или даже в течение V в. до н.э. [11, p. 306–317; 29, p. 155]. Дионисий (IV, 15. 1), ссылаясь на разные источники (Фабия Пиктора, Веннония, Катона), приводит разные версии количества сельских триб, якобы созданных Сервием Туллием – от 26 до 31. Но все эти цифры не имеют никакого отношения к действительности, поскольку, как известно, формирование новых триб происходило на протяжении всего IV и большей части III столетий до н.э. Последние две сельские трибы были образованы в 241 г. до н.э., и только тогда их число достигло 31, а вместе с городскими – 35. В дальнейшем вновь присоединенные к ager Romanus территории в пределах Италии включались в уже существующие трибы [17, p. 173–174; 24, p. 30].

Очевидная противоречивость античной традиции по вопросу о «Сервиевых» трибах, с точки зрения Дж. Самнера, вообще не позволяет признать достоверным сообщение античных авторов об их создании в царскую эпоху. Согласно его концепции, первые сельские трибы, как и городские, возникли не ранее середины V в. до н.э., а версия традиции об учреждении городских триб в царский период, скорее всего является следствием неверной интерпретации факта образования при Сервии четырех городских regiones. Таким образом, полагает британский исследователь, если

Сервий и создал действительно какую-то центуриатную систему, то это была центуриатная организация армии, которая базировалась на трех «Ромуловых» трибах Тициев, Рамнов и Луцеров и 30 входивших в их состав куриях. Она включала 3 тыс. гоплитов, т.е. 30 центурий (по одной от курии), а также три двойных центурии всадников (Titii, Ramnes и Luceres priores et posteriores), формировавшихся на основе триб. Вместе эти 33 (или 36) центурий воинов (iuniores) выступали и в качестве наиболее ранней формы центуриатных комиций, тогда как куриатные комиции (comitia curiata) были собранием всех квиритов («куритов»: curia – от coviria, «союз мужчин», согласно общепринятой этимологии. – *А.М.*), а не только воинов. В период после 450 г. до н.э., но не позднее 426 г. до н.э. вводится система территориальных триб, когда вместо трех военных трибунов с консульской властью (tribuni militum consulari potestate) стали избирать четырех. Результатом реорганизации явился classis из 4 тыс. гоплитов. Соответственно, центуриатные комиции получили 40 центурий iuniores и, возможно, такое же количество центурий seniores. Кавалерия осталась в прежнем виде. «Таким образом, – отмечает Дж. Самнер, – новая модель армии была воспринята для политических целей как новая форма центуриатных комиций, разрушавшая старую форму центуриатной организации, основанную на куриях» [51, p. 78].

Нетрудно заметить, что предложенная Дж. Самнером реконструкция в значительной степени основана на отрицании достоверности античной традиции, повествующей о событиях второй половины VI – первой половины V в. до н.э., хотя и не лишена определенной логики. Нельзя, например, полностью исключать возможность того, что первоначальная организация фаланги могла основываться на куриях, каждая из которых, согласно Дионисию Галикарнасскому (II. 7.3), выставляла λόχος, «лох» (т.е. центурию) гоплитов. Действительно, подобно comitia centuriata, куриатная организация, по-видимому, обладала как политическими, так и военными функциями [7, с. 113]. В позднейшие периоды, хотя консулов и преторов избирали центуриатные комиции, право совершать ауспиции и командовать войсками (imperium) им предоставлял lex curiata de imperio, специальный закон, который принимали путем голосования по куриям [24, p. 25; 20, p. 28–33]. Впрочем, не исключено, что уже цари должны были получать свои

полномочия посредством того же куриатного закона [см.: 35, p. 19]. Происхождение этой процедуры Р. Палмер видит в отношениях между quirites и populus Romanus, которые никогда не были идентичны в конституционном плане. Вступая в армию, римский гражданин переставал быть квиритом и становился воином (miles), совокупность которых составляла populus, «армию», точнее – центуриатную пехоту. Тот факт, что командиры этой армии получали свой империй от куриатных комиций, по мнению британского историка, является важным аргументом в пользу изначального верховенства и приоритета квиритов и курий над популюсом и центуриями [40, p. 159].

Римская фаланга гоплитов, аристократия и характер войн в центральной Италии в VI–V вв. до н.э.

Согласно новейшим археологическим данным, распространение гоплитского комплекса вооружения (πανοπλία), а следовательно, как считается, и фаланговой тактики, в Этрурии и Лации происходит под греческим влиянием уже в VII в. до н.э., т.е. предшествует времени Сервия Туллия [37, p. 219; 17, p. 192; 34, p. 153; 21, p. 283; 43, p. 137; 24, p. 26–28]. И этот факт, казалось бы, косвенно подтверждает возможность существования гоплитской армии в Риме в более ранний период. Следует, однако, заметить, что наличие в погребальных комплексах элементов гоплитской паноплии, как, впрочем, и изображений воинов в соответствующем снаряжении, еще не свидетельствует о наличии фаланги. Ее появлению в самой Греции, как показал Х. ван Веес, предшествовал достаточно большой период, когда гоплитский комплекс вооружения уже использовался (по крайней мере, с конца VIII в. до н.э.), но эффективная тактическая форма применения гоплитов еще не была выработана. Самые ранние гоплиты вряд ли были «средним классом» свободных граждан, действовавших в сомкнутом строю фаланги, который служил воплощением их политического и социального эгалитаризма, но, скорее, преимущественно богатыми людьми, сражавшимися в стиле героев Гомера [53, с. 137–148]. Нет оснований думать, что в Этрурии и Лации ситуация развивалась по иному сценарию. Очевидно, что первоначально именно аристократия восприняла гоплитское вооружение, о чем,

собственно, и свидетельствует прямая корреляция соответствующих элементов паноплии и богатых захоронений.

Доказанная Х. ван Веесом реальность гомеровского («героического») стиля ведения боя тяжеловооруженными воинами позволила некоторым историкам иначе, чем создание фаланги гоплитов, трактовать цель и характер реформы Сервия Туллия. Так, по мнению Дж. Рича, из того, что во II в. до н.э. первый из существовавших тогда пяти классов мог называться просто «класс», а все остальные обозначались как «ниже класса», вовсе не следует, что такая терминология была реликтом гораздо более ранней одноклассовой системы. Хотя, отмечает он, детали вооружения, о которых сообщают Ливий и Дионисий, имеют сомнительную ценность, традиция, возможно, права в том, что со времени возникновения центуриатной организации пехота действительно делилась на несколько классов по-разному вооруженных воинов. И это было связано с тем, что Сервий Туллий, скорее всего, имел целью максимизировать мобилизационный ресурс государства, возложив обязанность военной службы на всех граждан, за исключением самых бедных (пролетариев). Поэтому всем военнообязанным был предписан комплект вооружения, соответствующий их материальным возможностям. Результатом явилась армия, в которой пехота состояла из воинов, вооруженных полностью или частично по гоплитскому варианту, или любым иным образом. И такое разнообразие, как подчеркивает Рич, вполне согласуется с реконструированной Х. ван Веесом моделью боя, практиковавшейся в Греции в эпоху ранней архаики [46, p. 17–18].

С точки зрения М.М. Сэйджа, созданная Сервием Туллием центуриатная система, скорее всего, в значительной степени воспроизводила черты клановых армий, в которых только элита обладала полным набором предметов вооружения, тогда как основная часть воинов, располагавшая менее дорогостоящими комплексами, была призвана придавать элитной части фаланги дополнительную массу, усиливавшую натиск. Поэтому, считает исследователь, нет оснований ассоциировать центуриатную фалангу только с гражданами первого класса, как это делают некоторые историки, исходя из ее греческой классической модели [47, p. 21].

В рамках очередного «переосмысления» ранней римской истории становится заметной тенденция рассматривать римскую ар-

мию архаического периода как «гетерогенный и фрагментированный набор кланов и групп, которые сражаются (по крайней мере, иногда) под “знаменем” Рима» [13, p. 83]. Этот новый «более гентильный» (по словам Дж. Армстронга) подход сопровождается «постепенным демонтажем римской архаической фаланги, которая все больше мыслится как несовместимая с римским обществом того периода...» [13, p. 81]. Не последнюю роль в формировании новой концепции римской военной системы сыграло представление о характере военных кампаний Ранней Республики, которые, с точки зрения ряда исследователей, были всем, чем угодно, но не регулярной войной. Военные действия, происходившие в тот период в центральной Италии, представляли собой почти непрерывную серию конфликтов между обитавшими на равнине римлянами и латинами и горными народами (вольсками, эквами и самнитами). Учитывая примитивную организацию обеих сторон, войны между ними по большей части являлись грабительскими рейдами, даже если с римской стороны они организовывались консулами и диктаторами. В течение, по крайней мере, первого столетия Республики крупные военные кампании государственных армий были гораздо более редким явлением, чем походы отдельных gentes по частной инициативе с целью защиты собственных владений или грабежа соседей [19, p. 8–33; 20, p. 18–20; 14, p. 69–72, 98–128; 48, p. 185–192; 38, с. 12–14; 46, p. 15–16].

Разумеется, нет оснований отрицать существование частных военных формирований в центральной Италии в царский и ранний республиканский периоды истории Рима, а также практики ведения частных войн. Факты подобного рода, когда воинственные аристократы действуют во главе вооруженных банд своих «товарищей» (sodales) и клиентов (clientes), можно легко найти в античных исторических текстах. Аутентичным документальным свидетельством существования подобных формирований может служить посвятительная надпись из Сатрикума (ок. 500 г. до н.э.), оставленная «товарищами» некоего Публия Валерия [17, p. 133–139, 144–145; 46, p. 15; 21, p. 284]. Но, как справедливо отмечает Дж. Рич, было бы ошибкой рассматривать их военную активность как частные войны отдельных gentes или, тем более, представлять римскую армию архаического периода как состоявшую из гентильных отрядов [46, p. 16].

В качестве примера частной войны отдельного gens обычно упоминается поход рода Фабиев против этрусского города Вейи, закончившийся гибелью почти всех его членов в битве при Кремере в 477 г. до н.э. (Liv., II. 8.50. 1–11). На самом же деле этот поход был всего лишь эпизодом государственной войны, которую вели не Фабии, а сам Рим [см. 46, p. 16]. Аналогичный рейд в интересах государства предпринял патриций Гней Марций Кориолан во главе отряда собственных клиентов и товарищей (sodales) против Анция (Dionys., VII. 64.3). Поход в 397 г. до н.э. группы добровольцев под командованием двух военных трибунов с консульской властью (Авла Постумия и Луция Юлия Юла) против Тарквиний (Liv., V. 16. 3–4), который также включают в список подобных примеров, вряд ли можно считать вполне частным предприятием, поскольку во главе его стояли официальные должностные лица Республики. Ряд других похожих сюжетов вообще не могут быть интерпретированы как действия частных или гентильных формирований.

Перечисленные эпизоды не дают оснований утверждать, что большинство войн эпохи Ранней Республики было всего лишь частными грабительскими рейдами. Любое непредвзятое прочтение источников позволяет сделать вывод о явном преобладании действий государственных армий, возглавляемых государственными магистратами, которые те вели отнюдь не только против «отсталых» горных племен. Противниками Рима очень часто выступали вполне цивилизованные города-государства Этрурии, для которых битвы фаланг были обычным явлением. Точно так же наличие «вольных отрядов», формировавшихся на основе родственных, клиентских и дружеских связей, как уже отмечалось в литературе, не может свидетельствовать ни о куриатно-родовой основе военной организации Ранней Римской республики, ни об отсутствии центуриатной системы и гоплитской фаланги, черты которой хорошо просматриваются в описаниях боевых порядков [9, с. 76–78]. Таким образом, несмотря на то что доверять любой реконструкции римскими анналистами и антикварами сражений периода до III в. до н.э. вряд ли можно, представление о фаланге в войнах архаического периода, как справедливо отмечает М.Дж. Тэйлор, не должно быть столь поспешно отброшено [52, p. 45]. Во всяком случае, сами римляне, судя по документу, из-

вестному как Ineditum Vaticanum, и свидетельству Диодора Сицилийского (Diod. Sic., 23. 2), не сомневались в том, что в войнах с этрусками они использовали круглые бронзовые щиты и построение фалангой, как и их противники, у которых они все это и позаимствовали.

Разумеется, степень унификации вооружения в ранней фаланге, впрочем, как и в классической, не была абсолютной, а это в свою очередь означает, что она могла включать бойцов, снаряжение которых различалось как по качеству, так и по количеству составляющих его элементов. При этом лучше вооруженные воины занимали первые ряды фаланги, а вооруженные хуже – последние [16, p. 48–49; 1, с. 78]. Примерно так изображает армию Сервия Туллия и Дионисий Галикарнасский (IV, 16. 3). Однако вариативность снаряжения в рамках фаланги была возможна только в том смысле, что одни гоплиты имели полный комплект защитного вооружения, тогда как другие могли обходиться без панциря или без поножей, или даже без обоих этих элементов. И такие варианты снаряжения гоплитов повсеместно встречаются в греческой вазовой живописи.

Судя по описанию центуриатной системы у Ливия и Дионисия, подлинно гоплитское вооружение имели лишь воины первого класса. И главным определяющим этот факт элементом был как раз круглый бронзовый щит clipeus (греч. ὅπλον, отсюда – ὁπλίται, гоплиты). Именно поэтому первый класс фигурирует в источниках как classis clipeata. Воины второго и третьего классов использовали большой продолговатый scutum, который отличался от гоплона не только размерами, материалом, устройством и формой, но и способом держания, а следовательно и способом манипулирования. Несмотря на кажущуюся незначительность этого различия, оно тем не менее предполагает иную, негоплитскую, технику боя как отдельного воина, так и тактической формации в целом, разную плотность боевого порядка и т.д. Неудивительно, что в литературе уже высказывались вполне оправданные сомнения относительно возможности сосуществования в рамках гоплитской фаланги по-разному вооруженных отрядов тяжелой пехоты именно в силу указанной причины (см., в частности: [17, p. 184–186]).

Замена в IV в. до н.э. греческого ὅπλον на италийский scutum, который гораздо меньше подходил для гоплитского боя

классического типа [см.: 17, p. 185], сопровождалась, согласно тем же источникам, радикальной трансформацией всей военной системы, отказом от монолитной фаланги и переходом к более гибкому манипулярному строю. Таким образом, унифицированность вооружения тяжелой пехоты, вопреки схеме Ливия – Дионисия, скорее всего сохранилась. Просто унификация по греческому варианту была заменена унификацией иного типа (условно – по «италийскому» стандарту, который был нормой в центральной Италии в период до «гоплитской реформы»). Однако это хронологически последовательное использование двух разных комплексов вооружения в описании античными авторами центуриатной системы оказалось представлено как синхронное и, более того, изначальное. Эта явная ошибка, впрочем, не должна удивлять, учитывая то, что первоначальная Сервиева система исчезла за несколько столетий до того, как появились первые письменные источники по римской истории.

В качестве доказательства реалистичности схемы Ливия – Дионисия иногда приводят находку бронзовой ситулы (ок. 500 г. до н.э.) из Чертозы (Северная Италия). На ней изображено шествие воинов в шлемах и с копьями, но со щитами разного типа: круглыми гоплитскими («греческими»), а также «италийскими» – продолговатыми эллипсовидными и близкими к квадрату с закругленными углами, представляющими собой две разновидности скутума. Однако рассматривать это как «типичный образ этрусско-римского войска, организованного в соответствии с центуриатным порядком …» (1, с. 77) вряд ли можно. Чертозская ситула свидетельствует лишь о том, что переход от гомеровского стиля ведения боя, допускающего разнообразие комплексов вооружения, к гоплитской фаланге с ее более высоким уровнем унификации происходил не одномоментно и не синхронно в различных общинах Этрурии и Лация. И этот вывод находка из Чертозы лишь подтверждает, если рассматривать ее не изолированно, а учитывая и другие подобные материалы, например изображение колонны гоплитов с круглыми («аргосскими») щитами на страусином яйце из Вульчи (конец VII в. до н.э.). Очевидно, что к середине VI в. до н.э., по крайней мере в наиболее продвинутых по пути урбанизации и политогенеза общинах центральной Италии, бой в гомеровском стиле был скорее всего уже пройденным этапом. В Риме –

одной из таких общин – окончательной фиксацией на государственном уровне гоплитского стандарта вооружения и боевого порядка фаланги, вероятно, и стала центуриатная реформа Сервия Туллия.

Если верить античной традиции, то первые изменения в древнейшей военной организации, созданной легендарным Ромулом, произошли при Тарквинии Приске (616–578 гг. до н.э.), предшественнике Сервия Туллия, который в два раза увеличил численность конницы путем удвоения имеющихся всаднических центурий. В результате их стало шесть, но с прежними названиями (по трибам): Titii, Ramnes и Luceres priores et posteriores. Некоторые исследователи полагают, что тогда же могло иметь место и удвоение пехотных центурий, выставляемых куриями, что кажется вполне логичным, учитывая обычное соотношение пехоты и конницы в римской армии. Благодаря этой реформе, вероятно, и появился legio из 60 центурий, ставших в дальнейшем стандартом легионной структуры [26, S. 169–171; 24, p. 25]. В таком случае получается, что Сервий Туллий взял из более ранней военной организации не только центурию как базовое подразделение, но и их число – 60, изменив лишь способ их формирования. Но эта реконструкция кажется Корнеллу менее вероятной, чем версия итальянского историка П. Фраккаро[1] о том, что 60 центурий и, следовательно, 6 тыс. гоплитов появились в Риме именно при Сервии в силу того, что столько их оказалась в первом legio («наборе») по цензовому принципу. По мнению британского исследователя, реформа была призвана включить в гражданский коллектив массу иммигрантов и жителей присоединенных к ager Romanus соседних латинских общин, остававшихся за рамками римской куриатно-гентильной системы. Создание новых территориальных триб, членство в которых определялось местом проживания, а не принадлежностью к gens или curia, должно было обеспечить их интеграцию в римскую гражданскую общину. Реформа, следовательно, означала переустройство города-государства на новых принципах.

[1] Fraccaro P. La riforma dell' ordinamento centuriato // Studi in onore di P. Bonfante I. – Pavia, 1929. – P. 105–122; Idem. La storia dell'antichissimo esercito Romano e l'età dell'ordinamento centuriato // Atti del II congresso nazionale di studi romani III. – Rome, 1931. – P. 91–97; Idem. Ancora sull' erà dell' ordinamento centuriato // Athenaeum N.S. – 1934. – Bd 12. – S. 57–71.

Основой структуры Римского полиса теперь стали имущественные различия, фиксации которых служил институт ценза. Это позволило выделить из общей массы граждан лиц, способных в силу своего материального положения приобрести тяжелое вооружение, и образовать из них фалангу гоплитов (classis) в качестве главной вооруженной силы государства [17, p. 183, 189–190].

Однако наличие в Риме середины VI в. До н.э. армии численностью в 6 тыс. гоплитов и 600 всадников вызывает некоторые сомнения. И совершенно немыслимым выглядит утверждение античных писателей о создании Сервием Туллием 12 всаднических центурий в дополнение к уже якобы существующим шести. Разумеется, Рим к концу царского периода был самым большим городом-государством в центральной Италии. Согласно расчетам современных ученых, около 500 г. До н.э. по своим размерам (822 кв. км) римская территория (ager Romanus) превосходила такие крупнейшие города-государства этрусков, как Тарквинии (663 кв. км), Цере (640 кв. км) и Вейи (562 кв. км) [18, p. 215]. Тем не менее, в мире античных полисов эпохи поздней архаики и ранней классики Рим был вполне средним городом-государством, сопоставимым по территории, например, с Коринфом (880 кв. км), но в три раза уступал такому крупнейшему полису Греции, как Афины (2650 кв. км). Способность полиса выставить то или иное количество гоплитов, являвшихся в экономическом плане преимущественно состоятельными крестьянами, зависела главным образом от размеров его территории. В источниках имеются, хотя и немногочисленные, но скорее всего вполне надежные данные, которые позволяют заметить определенную корреляцию между этими параметрами. Так, согласно Юстину (II. 9), в битве с персами при Марафоне в 490 г. До н.э. всеобщее ополчение (πανστρατιᾷ) афинян насчитывало 10 тыс., а по данным Павсания (X, 20) и Корнелия Непота (Мильтиад, 5) – 9 тыс. гоплитов. Соответственно, Рим, обладавший в три раза меньшей территорией, вряд ли мог выставить более 3–4 тыс. гоплитов. Сопоставимый с ним по территории Коринф в битве при Платеях с теми же персами в 479 г. до н.э., согласно Геродоту (IX, 28), имел 5 тыс. гоплитов. Однако надо учитывать, что Коринф уже в то время был крупнейшим торгово-ремесленным центром, значительная часть населения которого получала доходы не только в сфере сельского хозяйства, тогда как Рим являлся преимуще-

ственно аграрной общиной, применявшей еще сравнительно примитивную систему земледелия.

Современные оценки численности населения Рима (самого города и принадлежащей ему территории) в конце царского периода колеблются в пределах от 20–25 тыс. (Ю. Белох) до 40–50 тыс. (Ф. Де Мартино) человек. Наиболее приемлемой считается цифра порядка 35 тыс. лиц обоего пола, всех возрастов и статусов, полученная с помощью методов исторической демографии, включая данные о вероятной продуктивности римской территории [см.: 17, p. 208]. Это предполагает наличие вряд ли более 10 тыс. взрослых граждан-мужчин. В Афинах в начале V в. До н.э., согласно Геродоту (V, 97), таковых было 30 тыс. Из них примерно треть были способны вооружить себя в качестве гоплитов. Применив это соотношение к Риму, вновь получим ту же цифру: 3 – 4 тыс. гоплитов, как наиболее реальную или, скорее, максимальную.

В течение почти всего V в. До н.э. римская территория оставалась неизменной и, следовательно, военный потенциал Рима, вероятно, оставался примерно на том же уровне. Лишь аннексия в 396 г. до н.э. территории этрусского города-государства Вейи сразу почти на 75% увеличила площадь ager Romanus. Распределение вейентских земель между римскими гражданами, скорее всего, только тогда дало возможность довести численность legio до 6 тыс. гоплитов, а конницы – до 600 всадников. С этого времени могла появиться и традиция иметь в легионе 60 центурий.

Для подкрепления гипотезы о Сервиевом classis в 6 тыс. гоплитов Корнелл ссылается на то, что в классическом римском легионе на 60 центурий приходилось шесть военных трибунов. Таким образом, изначально трибун был командиром трибального контингента в 1000 воинов, делает он вывод. Поэтому в источниках на греческом языке слово tribunus переводится как χιλίαρχος, т.е. «командир тысячи» [17, p. 182]. Версию о том, что «военные трибуны с консульской властью» возглавляли ополчения своих триб («племен»), разделяет и Ф. Дрогула [21, p. 22]. Однако шесть tribuni militum consulari potestate римляне стали ежегодно избирать только в IV в. До н.э., а в V столетии их обычно было трое или четверо, что должно соответствовать, если следовать логике британского ученого, контингентам в три и четыре тысячи гоплитов. Впрочем, нет достоверных свидетельств о том, что tribunus когда-

либо командовал контингентом отдельной трибы [см.: 13, p. 88, прим. 51].

Первоначальный Сервиев classis из 40 центурий имеет то преимущество, что хорошо согласуется с теорией, согласно которой Сервий Туллий создал только четыре трибы вместо прежних трех. Новые трибы, обладавшие примерно равными людскими ресурсами, совпадали с четырьмя regiones самого Города, но каждая из них включала также часть окружающей его сельской местности. Таким образом, если три древних «Ромуловых» трибы выставляли 30 центурий пехоты, то четыре новые – 40 центурий, что соответствует числу центурий iuniores в позднейшем prima classis. Версии о 40 центуриях и, соответственно, 4 тыс. гоплитах в первоначальном classis придерживаются Л. Кепи [32, p. 14–17] и К. Раафлауб [43, p. 135–137]. Однако это соответствие в любом случае было бы вскоре нарушено вместе с формированием сельских триб, даже если они появились не при Сервии Туллии, а лишь в начале Республики [17, p. 176, 185].

Очевидно, что проблема взаимосвязи триб и центурий не может быть сведена к поиску какого-то варианта их цифрового соотношения. Тем не менее, решение этой проблемы, по мнению Корнелла, должно стать ключом к пониманию цели Сервиевой реформы, а механизм интеграции триб и центурий способна раскрыть процедура ценза. Поскольку ценз проводился по территориальным трибам, по порядку одна за другой, то, как доказывает британский историк, в рамках каждой трибы граждане, обладающие необходимым имущественным цензом для службы в качестве гоплитов, скорее всего всякий раз заново распределялись между всеми наличными центуриями classis. В результате центурии всегда оставались равными по размеру, независимо от численности граждан в каждой отдельной трибе, а также количества самих триб. Именно это и делало центурии пригодными не только в качестве единиц рекрутирования аналогичных по названию подразделений фаланги, но и в качестве голосующих объединений в новом политическом собрании граждан – comitia centuriata, оттеснившем на второй план собрания по куриям (comitia curiata). Тот же принцип должен был распространяться и на граждан infra classem, если они также делились на центурии, в чем, однако, как отмечает Т.Дж. Корнелл, нет уверенности. Тем не менее несомненно, что он

был распространен на пять классов и группы «младших» и «старших», когда они были введены в конце V в. до н.э. в ходе реформы центуриатной системы [17, p. 192].

Центурии, таким образом, являлись центральным звеном, соединяющим горизонтальное деление народа, основанное на местожительстве (трибах), с вертикальным делением, основанным на имущественном положении (classis / infra classem). В политическом плане особенно важным моментом следует считать формирование каждой центурии из представителей всех существующих в данное время территориальных триб, что исключало возможность раскола армии и центуриатных комиций в соответствии с региональными или клановыми привязанностями [17, p. 193–195].

Таким образом, отнюдь не случайно то, что центуриатная организация была введена Сервием Туллием единым пакетом вместе с новым территориальным делением. Новые трибы (независимо от того, сколько их тогда было образовано) позволили переформатировать гражданский коллектив, сократив тем самым влияние гентильных связей как в политической, так и в военной сфере. Прежде армия представляла собой федерацию вооруженных отрядов курий, в которых доминировали аристократические gentes, что позволяло им полностью контролировать военную организацию. Сервиевы реформы сделали военную систему гораздо менее от них зависимой [21, p. 302]. Это, разумеется, не привело к полному прекращению практики военных предприятий, которые осуществляли могущественные предводители частных вооруженных формирований от имени государства или в собственных интересах. Но уже к концу V в. до н.э. такие предприятия становятся, скорее, исключением, чем правилом [34, p. 153, 213].

Было бы ошибкой считать, что реформа Сервия Туллия, если рассматривать ее именно как введение гоплитской системы, ослабила могущество аристократии. Напротив, реформа, как полагают некоторые исследователи, привела к усилению ее позиций, поскольку именно члены gentes составили тот контингент тяжеловооруженных воинов, которые образовали раннюю фалангу. Последняя, таким образом, должна была, по их мнению, представлять собой преимущественно (если не исключительно) патрицианский по составу classis [21, p. 280; 9, с. 70]. При этом в качестве доказательства патрицианского характера раннего classis обычно ссыла-

ются на имеющееся в источниках противопоставление понятий populus и plebs. В классическую эпоху слово populus означало народ в целом (т.е. патрициев и плебеев в совокупности), тогда как термин plebs обычно применялся к низшим классам. Однако, как теперь установлено, первоначально populus означал «армию», точнее – тяжелую пехоту, собственно classis (отсюда: magister populi, он же – dictator, помощником которого был magister equtum, «начальник конницы»). Соответственно, plebs, как категория населения противоположная populus, в центуриатной системе находился в положении infra classem, так как оставался за рамками гоплитской фаланги. Из этого, впрочем, не следует, что populus был исключительно патрицианским по составу. Во всяком случае, трудно представить, чтобы classis мог комплектоваться лишь представителями патрицианских gentes и их клиентами [17, p. 257–258]. Критерием для зачисления в classis реформа Сервия Туллия однозначно сделала уровень благосостояния, а не происхождение. Тем не менее, в его составе, по крайней мере первоначально, вряд ли могло быть много состоятельных крестьян-гоплитов из числа плебеев.

Примечательно, что каноническая версия «Сервиевой конституции» не знает деления на патрициев и плебеев. И хотя она вряд ли отражает ситуацию VI в. до н.э., тем не менее в источниках, помимо упомянутой выше архаической формулы (populus plebesque), нет свидетельств о том, что в римской армии или в центуриатных комициях это деление как-то учитывалось. Точно так же и в древнейшем юридическом памятнике Рима, законах XII таблиц, датируемых серединой V в. до н.э., основное разграничение проводится между двумя категориями граждан: assidui и proletarii. Первый термин служил для обозначения граждан достаточно состоятельных, чтобы исполнять военную обязанность и платить налоги, второй – лиц, не имеющих для этого достаточных средств. Некоторые исследователи отождествляют assidui с classis, а пролетариев с infra classem [см.: 29, p. 149; 37, p. 85, 220]. С точки зрения других, classis и infra classem были двумя разными имущественными группами внутри категории assidui [17, p. 289], что кажется вполне вероятным, поскольку со временем infra classem также оказались включены в систему классов, тогда как proletarii так и остались внеклассовой категорией. Впрочем, первый вариант

также возможен, если учесть, что пролетарии в массе своей не были совсем неимущими людьми. Просто стоимость их имущества была ниже официально установленного минимума. Возможно, что изначально пролетариями могли считаться граждане, не способные приобрести доспехи гоплита, и в силу этого они попадали в категорию infra classem. В качестве примера для сравнения можно привести Афины, где по классификации, введенной Солоном, граница проходила между θῆτες, «батраками», которые как правило были владельцами небольших участков, что вынуждало их подрабатывать за плату в хозяйствах более богатых соседей, и так называемыми зевгитами (ζευγίται) – владельцами достаточно крупных наделов, обычно служивших гоплитами.

* * *

В целом ситуация с источниками по истории Раннего Рима такова, что все усилия, направленные на реконструкцию первоначального облика центуриатной системы, могут увенчаться лишь созданием более или менее аргументированно обоснованных гипотетических схем, логичность которых, однако, не является гарантией их соответствия реальности. Очевидно то, что каноническая версия центуриатной системы отражает политическую организацию comitia centuriata эпохи Средней Республики и вряд ли соответствует военной организации позднего царского и раннего республиканского периодов. Впрочем, схема Ливия – Дионисия отчасти является искусственной конструкцией. В некоторых своих деталях она явно выглядит результатом «научных» изысканий римских антикваров и анналистов, и скорее всего не может быть в полной мере отнесена к какому-то конкретному времени (см.: 17, с. 180; 34, с. 133). Тем не менее заслуживает внимания сохранившееся в античной традиции вплоть до эпохи Поздней Республики отождествление classis с prima classis, не без оснований интерпретируемое рядом историков как воспоминание о том периоде, когда существовал только один «класс».

Эта первоначальная и более простая (хотя и, разумеется, гипотетическая) версия центуриатной системы, вероятно, действительно созданная Сервием Туллием, хорошо вписывается в исторический контекст полисного мира античного Средиземноморья эпохи поздней архаики. Нетрудно заметить, что по своему харак-

теру, целям и результатам его реформы аналогичны преобразованиям в Афинах в начале VI в. до н.э., осуществленным Солоном. Обе системы, и афинская, и римская, строились исходя из функциональной (военной) специфики. Неудивительно, что ἱππεῖς, ζευγίται и θῆτες «тимократической» системы Солона соответствуют equites, classis и infra classem центуриатной организации. Обе структуры, таким образом, подразделяли граждан на всадников, гоплитов и всех остальных, тех, кто не соответствовал критериям гоплитского статуса. Фактически эти классификации явились формальной институционализацией гоплитской системы, понимаемой как сочетание определенного комплекса вооружения и наиболее адекватной тактики его применения, реализованной в фаланге.

Позднейшая античная традиция имела определенные основания настаивать на том, что именно Сервий Туллий заложил основы Республики благодаря созданию comitia centuriata. В его «конституции» в максимально возможной степени воплотился принцип идентичности военной и политической организации, характерный для классического полиса, а также приоритет военной сферы. Организация римской армии при Сервии и в V в. до н.э. в структурном отношении в целом соответствовала comitia centuriata – основному виду народного собрания того времени. В сущности, comitia centuriata представляла собой армию гоплитского типа, которая на своей сходке принимала законы и выбирала себе предводителей. Таким образом, она была в первую очередь политическим институтом, который выполнял задачи и в военной сфере [42, p. 56–57]. Комициальные центурии, очевидно, не функционировали в качестве тактических единиц на поле боя, а, по-видимому, служили в первую очередь механизмом набора воинов [13, p. 87]. На их основе (как и прежде, на основе курий, при куриатной организации) формировались тактические центурии – подразделения фаланги. И в дальнейшем на протяжении всей своей истории центуриатные комиции формально представляли собой собрание воинов – главное политическое собрание Республики (comitiatus maximus).

Реформа Сервия Туллия, несомненно, способствовала большей централизации государственной власти, но сама эта власть стала еще более аристократической. Возвышение аристократии шло параллельно с процессом становления Римского государства,

и приобретение этой аристократией наследственного характера явилось продуктом формирования государственных институтов, которые оказались под ее полным контролем после ликвидации монархии [21, p. 308]. Таким образом, как вполне справедливо заметил К. Раафлауб, концепция «гоплитской революции», которая якобы подорвала господство аристократии, является в этом плане не вполне удачной современной конструкцией. Возникновение гоплитской фаланги, становление полиса и формирование полисной аристократии были параллельными и взаимосвязанными процессами [45, p. 57]. Вывод немецкого ученого, сделанный на основе изучения архаического греческого полиса, очевидно, применим и к римской civitas.

Список литературы

1. Банников А.В. Римская армия от мифа к истории (VIII – первая половина IV в. до н.э. – Санкт-Петербург: Евразия, 2022. – 160 с.
2. Коптев А.В. Античная форма собственности и государство в Древнем Риме // Вестник древней истории. – 1992. – № 3. – С. 3–28.
3. Кошеленко Г.А. Введение. Древнегреческий полис // Античная Греция: Проблемы развития полиса. – Москва: Наука, 1983. – Т. 1. Становление и развитие полиса. – С. 9–36.
4. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 46, ч. 1. – С. 461–508.
5. Маяк И.Л. Проблема генезиса Римского полиса // Вестник древней истории. – 1976. – № 4. – С. 43–55.
6. Маяк И.Л. Проблема формирования римской гражданской общины // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. – 1983. – № 2. – С. 58–64.
7. Маяк И.Л. Рим первых царей (Генезис Римского полиса). – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 272 с.
8. Нефёдкин А.К. Основные этапы формирования фаланги гоплитов: Военный аспект проблемы // Вестник древней истории. – 2002. – № 1. – С. 87–96.
9. Токмаков В.Н. Армия и государство в Риме: От эпохи царей до Пунических войн. – Москва: Изд-во КДУ, 2007. – 264 с.
10. Токмаков В.Н. Роль центуриатных комиций в развитии военной организации Рима Ранней Республики // Вестник древней истории. – 2002. – № 2. – С. 143–158.
11. Alföldy A. Early Rome and the Latins. – Ann Arbor: Univ. of Michigan press, 1963. – XXI, 433 p.
12. Alföldy G. The social history of Rome. – London: The Johns Hopkins univ. press, 1988. – 251 p.

13. Armstrong J. Organized chaos: Manipuli, socii and the Roman army c. 300 // Romans at War: Soldiers, Citizens and Society in the Roman Republic / Ed. by Armstrong J., Fronda M.P. – London; New York: Routledge, 2020. – P. 76–98.
14. Armstrong J. War and Society in Early Rome: From Warlords to Generals. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2016. – XIV, 317 p.
15. Armstrong J., Fronda M.P. Writing about Romans at war // Romans at War: Soldiers, Citizens and Society in the Roman Republic / Ed. by Armstrong J., Fronda M.P. – London; New York: Routledge, 2020. – P. 1–16.
16. Bowden H. Hoplites and Homer: Warfare, hero cult and the ideology of the Polis // War and society in the Greek world / Ed. by Rich J., Shiipley G. – London; New York: Routledge, 1995. – P. 45–63.
17. Cornell T.J. The beginnings of Rome: Italy and Rome from the Bronze age to the Punic wars (c. 1000–264 BC). – London, New York: Routledge, 1995. – XX, 507 p.
18. Cornell T.J. The city-states in Latium // A comparative study of thirty city-state Cultures: An Investigation conducted by the Copenhagen Polis Centre / Ed. by Hansen M.H. – Copenhagen: Kgl. Danske vid. selskab, 2000. – P. 207–228.
19. Drogula Fr.K. Commanders and Command in the Roman Republic and Early Empire. – Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2015. – X, 422 p.
20. Drogula Fr.K. The institutionalization of warfare in early Rome // Romans at War: Soldiers, Citizens and Society in the Roman Republic / Ed. by Armstrong J. Fronda M.P. – London; New York: Routledge, 2020. – P. 17–34.
21. Dynneson T.L. Rise of the early Roman Republic: Reflections on becoming Roman. – New York etc.: Peter Lang Publishing, 2018. – XXXI, 414 p.
22. Erdkamp P. War and State Formation in the Roman Republic // A Companion to the Roman Army / Ed. by Erdkamp P. – Malden (MA); Oxford: Blackwell, 2007. – P. 96–113.
23. Ferenczy E. From the patrician state to the patricio-plebeian state. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1976. – 224 p.
24. Forsythe G. The Army and Centuriate Organization in Early Rome // A Companion to the Roman Army / Ed. by Erdkamp P. – Malden (MA); Oxford: Blackwell, 2007. – P. 24–42.
25. Fronda M.P. Why Roman Republicanism? Its Emergence and Nature in Context // A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic / Ed. by Hammer D. – Oxford: Blackwell, 2015. – P. 44–64.
26. Gierstad E. Innenpolitische und militarische Organisation in frührömischer Zeit // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forshung. – Berlin: De Gruyter, 1972. – I: Von den Anfangen Roms bis zum Ausgang der Republick, Bd 1. – S. 136–188.
27. Hansen M.H. Was the Polis a state or stateless society? // Even more studies in the ancient Greek Polis: Papers from the Copenhagen Polis Centre 6 / Ed. By Nielsen Th.H. – Leipzig: Steiner, 2002. – P. 17–47.

28. Harris W.V. Roman Warfare in the Economic and Social Context of the Fourth Century // Staat und Staatlichkeit in der frühen römischen Republik / Eder W. (ed.). – Stuttgart: Steiner, 1990. – P. 494–510.
29. Heurgon J. The rise of Rome to 264 BC. – London: B.T. Batsford, 1973. – 344 p.
30. Hodkinson S. Was Classical Sparta a military society? // Sparta and war /Eds Hodkinson S., Powell A. – Swansea: Classical press of Wales, 2006. – P. 111–162.
31. Jeffery L.H. Archaic Greece: The city-states ca. 700–500 bc. – London: Methuen, 1976. – 272 p.
32. Keppie L. The making of the Roman army: From Republic to Empire. – Totowa (N.J.): Barnes and Noble books, 1984. – 271 p.
33. Last H. The Servian Reform // J. of Roman studies. – 1945. – Vol. 35. – P. 30–48.
34. Lomas K. The rise of Rome: From the Iron Age to the Punic Wars. – Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 2018. – XXII, 405 p.
35. Mouritsen H. Politics in the Roman Republic. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2017. – XII, 202 p.
36. Murrey O. Early Greece / 2 d ed. – Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1993. – 353 p.
37. Nicolet C. The world of the citizen in republican Rome. – Berkeley; Los Angeles: University of California press, 1988. – 435 p.
38. Oakley S. The Roman conquest of Italy // War and Society in the Roman World / Ed. by Rich J., Shipley G. – London; New York: Routledge, 1993. – P. 9–37.
39. O'Neil J.L. The origins and development of ancient Greek democracy. – Lanham (MD): Rowman & Littlefield, 1995. – IX, 189.
40. Palmer R.E.A. The archaic community of the Romans. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1970. – XII, 328 p.
41. Peruzzi E. Money in early Rome. – Firence: Leo S. Olschki, 1985. – 296 p.
42. Potter D. The Roman Army and Navy // The Cambridge Companion to the Roman Republic / Ed. by Flower H.I. – New York: Cambridge univ. press, 2014. – P. 54–77.
43. Raaflaub K. Between Myth and History: Rome's Rise from Village to Empire (the Eight Century to 264) // A Companion to the Roman Republic / Ed. by Rosenstein N., Morstein-Marx R. – Oxford; Malden (MA): Blackwell, – 2006. – P. 125–146.
44. Raaflaub K. Homer to Solon: The rise of the Polis: The written sources // The ancient Greek city-state: Symp. on the occasion of the Roy. Danish Acad. of sciences a. letters, July, 1–4 1992 / Ed. by Hansen M.H. – Copenhagen: Kgl. danske vid. selskab, 1993. – P. 41–105.
45. Raaflaub K. Soldiers, citizens and the evolution of the early Greek Polis // The development of the Polis in Archaic Greece / Mitchell L.G., Rhodes P.J. (eds). – London; New York: Routledge, 1997. – P. 49–59.
46. Rich J. Warfare and the Army in Early Rome // A companion to the Roman army / Ed. by Erdkamp. – Malden (MA): Blackwell, 2007. – P. 7–23.
47. Sage M.M. The Republican Roman army: A sourcebook. – New York; London: Routledge, 2008. – VII, 310 p.

48. Smith C.J. Early Rome and Latium: Economy and Society c. 1000 to 500 BC. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – VIIII, 290 p.
49. Snodgrass A.M. The hoplite reform and history // J. of Hellenic studies. – 1965. – Vol. 85. – P. 110–122.
50. Starr Ch. The economic and social growth of early Greece. 800–500 BC. – New York: Oxford univ. press, 1977. – 267 p.
51. Sumner G.V. The legion and the centuriate organization // J. of Roman studies. – 1970. – Vol. 60. – P. 61–78.
52. Taylor M.J. The Evolution of Manipular Legion in the Early Republic // Historia. – 2020. – Bd 69, H. 1. – P. 38–56.
53. Wees H. van. The Homeric way of war: The “Iliad” and the hoplite phalanx // Greece and Rome. – 1994. – Vol. 41, N 1–2. – P. 1–18; 131–155.

УДК 303.446.4; 327; 94(4)"1492/1914"
DOI: 10.31249/hist/2024.03.04

САВЧЕНКО А.Ф.* ПЕРИОДИЗАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ НОВОГО ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. В центре внимания автора статьи – освещение генезиса системы международных отношений Нового времени в публикациях современных историков и политологов-международников – основных специалистов, вносящих вклад в развитие данной области отечественной науки. Анализ литературы проходит в русле системного подхода, позволившего не отделять рассматриваемый объект исследования от историографической ситуации начала XXI в. Особое внимание уделено формированию понятийного аппарата и концептов периодизации международных отношений. Отмечается, что в отечественных исследованиях попрежнему сохраняется господство национального подхода в изучении истории международных отношений, напрямую связанного с государствоцентризмом, европоцентризмом и военно-дипломатической историей. Обоснован также вывод о том, что в современной научной литературе присутствует концептуальная и методологическая эклектичность в использовании понятийного аппарата и концептов периодизации международных отношений.

Ключевые слова: история международных отношений; система международных отношений в Новое время; мировой порядок; Вестфальский порядок; Венский порядок; отечественная историография.

* Савченко Алексей Федорович – старший лаборант отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); студент Московского педагогического государственного университета; alexey.savchenko_02@mail.ru

SAVCHENKO A.F. Periodization of international relations of Modern times in modern russian literature

Abstract. The author focuses on the coverage of the genesis of the system of international relations of Modern times in the publications of modern historians and international political scientists – the main specialists contributing to the development of this field of national science. The analysis of the literature is carried out in line with a systematic approach, which made it possible not to separate the object of study under consideration from the historiographical situation of the beginning of the XXI century. Special attention is paid to the formation of the conceptual apparatus and concepts of periodization of international relations. It is noted that domestic research continues to maintain the dominance of the national approach in the study of the history of international relations, which is directly related to state centrism, Eurocentrism and military-diplomatic history. The conclusion is also substantiated that in modern scientific literature there is a conceptual and methodological eclecticism in the use of the conceptual apparatus and concepts of periodization of international relations.

Keywords: history of international relations; the system of international relations in Modern times; world order; Westphalian order; Viennese Order; Russian historiography.

Для цитирования: Савченко А.Ф. Периодизация международных отношений Нового времени в современной отечественной литературе (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 3. – С. 68–86. – DOI: 10.31249/hist/2024.03.04

В статье дается обзор современной отечественной литературы, затрагивающей вопросы развития международных отношений Нового времени от Вестфальского мира 1648 г. и до Первой мировой войны 1914–1918 гг. Актуальность исследования обусловлена складыванием комплекса научно-исследовательской и учебной литературы начала XXI в., системный анализ которой практически не предпринимался исследователями. Вместо этого историографы уделяли внимание рассмотрению вышедших в эти годы трудов по отдельным этапам эволюции международных отношений в эпоху модерна[1],

[1] Модерн (от англ. *modernity* – новый, современный) – в социальных науках широко понимаемая эпоха развития человечества, совпадающая историче-

оставляя вне внимания вопросы внутренней периодизации описываемого ими времени в целом. Исключением являются историографические обзоры и аналитические статьи, затрагивающие комплексные проблемы, среди которых превалирует анализ современных оценок временных рамок Нового времени [17; 30; 48] и отдельных систем международных отношений в этот период [22; 35; 37].

Нами проанализированы наиболее репрезентативные публикации периода 2000–2022 гг., а также некоторые значимые труды, изданные десятилетием ранее. Исходя из рассмотренной литературы, сформулированы два основных подхода при выстраивании периодизации международных отношений российскими историками и политологами-международниками: первый подход («политологический») – раскрытие международных процессов через призму «единой системы», второй («исторический») – реконструкция истории международных отношений посредством концепта «сменяющихся систем»[1]. В своей сущности каждый из подходов исходит либо с позиции принятия, либо же деконструкции устоявшегося во второй половине XX в. понимания «Вестфальской политической системы» как «праматери всех последующих систем международных отношений и соответствующего им миропорядка» [33, с. 110]. При этом каждое направление обладает богатой историографической традицией, иллюстрируя не только концептуальные и методологические противоречия в исследуемой теме, но и одну из ключевых проблем современной отечественной литературы – эклектику понятийного аппарата. Ярким примером в этом вопросе являются понятия «система» и «порядок», которые не только часто преподносятся как синонимы [11, с. 4–5], но временами и вовсе не раскрываются специалистами в своих работах. Описанная ситуация произрастает и из того положения, что в современном научном дискурсе нет точного определения основных понятий, которые

ски с Новым временем – второй половиной XV – началом XX вв.; понятие применяется и как обобщенная характеристика обществ современного типа в их противопоставлении домодерным (традиционным) и постмодерным обществам.

[1] Отметим, что обозначения «политологический» и «исторический» к описываемым концептам периодизации международных отношений являются условными, подчеркивая особенности представленных концептов с точки зрения их методологического базиса и частоты использования в работах историков и политологов.

используют как историки, так и политологи-международники в своих трудах – «система международных отношений», «порядок» / «мировой порядок» (иногда называемый «международным») [11; 5; 46], «международные отношения» и «мировой политический процесс» («мировая политика») [53; 4].

Концепт «единой системы» при выстраивании периодизации международных отношений Нового времени

Представители первого подхода рассматривают международные отношения с 1648 г. по наше время как непрерывное существование одной системы, часто именуемой в честь Вестфальского мира – «Вестфальской» [11, с. 7]. А.В. Фененко при этом отмечает, что требуется различать Вестфальскую систему как систему взаимодействия национальных государств и как последовательно сменявшие друг друга в ее рамках мировые порядки, смена которых была продиктована изменением состава акторов и субъектов международных отношений, а также корректировкой правил их взаимодействия. Сам же базис системы – «всесторонний принцип суверенитета» – оставался при этих трансформациях неизменным [51, с. 6–7, 23].

В своей сути Вестфальская система являлась продуктом нового этапа развития исторического процесса и тех принципов, формальных и неформальных норм, которые возникли по мере становления национальных государств. Выражение этого мы можем обнаружить в понятии «Вестфальский принцип суверенитета» [51, с. 10], вобравшем в себя главные особенности политико-правого функционирования системы международных отношений Нового и Новейшего времени. В базисе системы была зафиксирована концепция государственного суверенитета (позднее дополнившаяся идеей «народного» и «национального» суверенитета[1] [54]). Этот концепт, помимо прочего, определяет за национальны-

[1] Государственный суверенитет означает верховенство государственной власти над пространством политии, в то время как народный суверенитет связан с политическим и социально-экономическим статусом народа как источника власти внутри политии и на международной арене. Национальный суверенитет делает акцент уже на нации, в частности, на ее праве выбирать форму правления в политии и тип отношений с другими нациями.

ми государствами конкретное территориальное пространство, не зависящее от времени. Данный аспект важен, так как этим модерным качеством подчеркивается сущность политий домодерной эпохи в сравнении с модерными и постмодерными – существование их как взаимосвязанных друг с другом государств-фронтиров или же частей крупных «имперских пространств» [50, с. 5]. Во-вторых, национальное государство выступает единственным обладателем легальных источников насилия по отношению к другим государствам и к подконтрольному ему населению. В-третьих, национальные государства называются основными акторами (теми, кто формирует) и субъектами (теми, кто является участником) международного взаимодействия [51, с. 10]. Данное описание «наследия Вестфаля» – суверенитета в модерном его понимании – является классическим постулатом, утвердившимся как в работах философов Нового времени (Ж. Боден, Т. Гоббс, Г. Гроций, Ж.-Ж. Руссо и др.), так и современных исследователей этого феномена [10, с. 4].

Отметим, что многие из обозначенных принципов начали подвергаться некоторой переоценке на рубеже XX–XXI вв., когда под влиянием глобализации исследователи обратили внимание и на иные институты и институции, способные оказывать влияние на выстраивание системы международных отношений [14]. Результатом стало более комплексное изучение как модерной, так и домодерной эпохи, позволившее выявить различные особенности функционирования имперских систем Древности и Средневековья, а также их роль в складывании Нового времени. Вместе с тем следует констатировать, что от рассмотрения национального государства как основы международных отношений отечественные авторы в массе своей не отошли, хотя уже давно существует богатая историографическая традиция в этом русле. Исключение – исследователи, изучающие трансформацию крупных и малых политий при переходе от традиционного общества к модерному [21; 18; 7], а также специалисты, пишущие под влиянием «имперского поворота» 1980–1990-х годов, иначе называемого «новой имперской историей». В рамках данного направления подчеркивается, что национальное государство как продукт модерна появляется лишь в XIX – начале XX в., а сам его статус в системе международных

отношений Нового времени не был столь значим[1]. Сами же формируемые в XIX в. национальные государства по-прежнему находились в фарватере политики традиционных «архитекторов» международных отношений – империй (в первую очередь европейских) и их соперничества [40; 28; 29].

Описанный подход в периодизации истории международных отношений чаще всего используется в трудах политологов-международников, что отчасти объясняется самим их пониманием истории как политического процесса, напрямую связанного с сущностью одного из главных продуктов Нового времени – модерного государства, а также характерными маркерами эпохи: рационализацией сознания, расширением международной коммуникации, складыванием регулярных институтов и институций. Именно поэтому, раз описанные продукты и маркеры модерна сохраняются, то современная система международных отношений часто называется «Вестфальской» [49; 24; 25; 51; 9].

Исследование понятий «система», «подсистема» и «порядок» в рамках этого подхода идет в логике, близкой к той, которую изложил А.Д. Богатуров в 2000-е годы. Трактовка «системы международных отношений» включает в себя подчеркивание сложной связи различных элементов, обладающих своими функциями и особенностями, которые в Новое время шли в русле становления единой глобальной, общемировой системы политических и экономических отношений между государствами [46]. Термины «подсистема» и «порядок» в отечественной литературе чаще всего не обладают конкретикой, из-за чего те подчас смешиваются между собой.

Несмотря на это, мы можем провести некоторое их разграничение. «Подсистемой» обозначается развитие системы международных отношений, связанное либо с каждым конкретным регионом, в котором она формируется, либо в целом с описываемым периодом развития международных отношений. Потому в рамках европоцентричной истории речь куда чаще идет о «европейской

[1] В связи с этим, по мнению автора статьи, к политиям Нового времени куда вернее было бы использовать термин «суверенное государство», а не «национальное». Тем самым учитывается и терминологическая, и конкретно-историческая специфика эпохи модерна.

подсистеме» как наиболее значимой, а ее развитие накладывается на систему международных отношений в целом.

«Европейская подсистема» в зависимости от времени могла называться по-разному, например, «Вестфальской», «Венской», «Парижской», «Франкфуртской», «Берлинской», тем самым учитывая в своем наименовании либо основополагающие договоренности (мирный договор / комплекс договоров), определяющие конфигурацию сил на международной арене, либо событие, от которого она идет (конференция / конгресс) [46].

Понятие «порядок», чаще используемое в литературе, в данном дискурсе несколько отделяется от понятия «подсистема», раскрываясь как иерархический характер взаимоотношений крупных и малых политий, основанный на силе государства и на тех договорах, которые оно заключает. Из недавних работ понимание «порядка» было хорошо раскрыто Фененко, охарактеризовавшего его как «совокупность правил и норм, определяющих характер взаимодействия участников системы международных отношений» [51, с. 9]. В связи с подобным определением Фененко обозначает точки деления «Вестфальской системы» в Новое время, а также ее принципы, применяемые в зависимости от контекста времени. Например, Вестфальский порядок (1648–1789/1815 гг.) понимается им как время борьбы государств за гегемонию [51, с. 8, 12, 24], Венский же (1815–1914 гг.) – как мир войн за поддержание и корректировку баланса сил между «великими державами» [51, с. 13, 151, 154, 168]. Отметим вместе с тем, что подобное деление «единой системы» является доминирующим в большинстве работ в русле этого подхода.

Завершая анализ первого подхода, следует привести верные, на наш взгляд, рассуждения М.М. Лебедевой. По ее мнению, стоит разграничивать понятия «политическая система мира» и «система международных отношений» [26, с. 118]. Связка государств, образующая «различные конфигурации отношений» между ними, находится в иной плоскости, нежели особенности политического функционирования определенного исторического периода, его среды и структуры, хотя и испытывает на себе их существенное влияние. Вместе с тем концепт «единой системы» редко коррелируется с динамикой развития концепции суверенитета в Новое и Новейшее время. Так, уже в середине XX в. национальные госу-

дарства начинают передавать часть своего суверенитета различным наднациональным структурам. В результате прежняя модель межгосударственного взаимодействия подвергается обновлению. Особую роль в этом процессе сыграло влияние сверхдержав, подчас напрямую поддерживающих суверенитет малых и крупных политий своей политической волей [3; 14].

Концепт «смеющихся систем» при выстраивании периодизации международных отношений Нового времени

Второй подход в периодизации истории международных отношений возможно обозначить как движение от одной системы к другой. Исходя из этой логики, понятия «система» и «порядок» чаще всего представляются как синонимы, которые обозначают конкретное устройство коммуникации между государствами после крупной войны за корректировку баланса сил на международной арене. Фиксация же новых условий наступает после заключения комплекса международных договоров. Описываемое направление напрямую связывается с военно-дипломатической историей и куда чаще используется в работах историков и политологов-международников, идущих в русле исторического подхода в изучении международных отношений [20]. Отметим при этом, что подобная привязка периодизации к крупным военным конфликтам, а не к принципам, доминировавшим в тот или иной период, дает исследователям возможность выделять самостоятельные «системы», часто вступающие в противоречия между собой, а потому количество этих «систем» может быть неограниченно.

Поднимаемая проблема объясняется двумя аспектами: во-первых, как верно подметила Е.В. Романова, в исторической литературе по-прежнему отсутствуют критерии периодизации международных отношений, заменяемые анализом «действовавших в ту или иную эпоху представлений держав о правилах поведения на международной арене» [39, с. 149]. Во-вторых, в трудах историков мы редко можем увидеть раскрытие понятия «система» применительно к международным отношениям, а если это и делается, то оно носит дискуссионный характер, так как в разной литературе оно обозначается по-разному. Описанная проблема затрагивает и ряд других понятий, например «баланс сил», «равновесие сил» и «ба-

ланс интересов», «великая держава» и «европейский концерт», «государственный» и «национальный» интерес [44; 32, с. 6–7]. Причины этого напрямую связываются с российской историографической ситуацией рубежа XX–XXI вв.: углубление методологической и концептуальной эклектичности, вызванной потерей ранее доминировавшей в отечественной науке марксистской парадигмы исследования, влияние на российское интеллектуальное пространство продолжающегося с 1990-х годов кризиса социальных и гуманитарных наук на Западе.

***

В рамках анализируемого подхода период раннего Нового времени – вторая половина XV–XVIII вв. – возможно обозначить как борьбу формирующихся модерных государств за гегемонию. Одним из пиков этой борьбы стала Тридцатилетняя война 1618–1648 гг., а ее итог – Вестфальский мир – дал отсчет первой системе международных отношений Модерна – «Вестфальской». В своей сути новая система обозначила формирование в европейском регионе системы взаимодействия политий, идущих по пути отхода от традиционного к модерному типу [6, с. 514]. Именно «в это время место конфессиональной борьбы за господство универсальной силы заняла рационально калькулированная борьба суверенных государств в рамках европейского равновесия» [16, с. 94]. Эта новая система, по верному замечанию Л.И. Ивониной, «покоилась на международном праве и балансе сил – праве, действующем между государствами, а не над ними, и силе, действующей между государствами, а не над ними» [там же].

Примечательно, что в отечественной историографии понятие «система» по отношению к вестфальским договоренностям применяется крайне редко. А.В. Ревякин и вовсе отмечает, что «систему, современную Вестфальскому миру», не только «избегают называть Вестфальской», но и рассматривают ее отдельно от «Вестфальского мира» как комплекса европейских соглашений [38, с. 131]. Причины этого историк усматривает в наследии советской историографии: по мнению авторов знаменитой «Истории дипломатии», точкой отсчета системы международных отношений являлся не Вестфальский мир, так как тот был лишь частью истории «европейских концертов», а XVI в. в целом [38; 19, с. 275–

276.]. Схожую логику мы можем увидеть и в труде «Россия на международных форумах и конгрессах XVII – начала XX века» под редакцией А.В. Виноградова [41]. Оттого и в традиционной периодизации международных отношений Вестфальская система прекращает свое существование лишь к концу XVIII в., из-за событий Французской революции 1789 г. [38; 20; 51], когда борьба за гегемонию – основной принцип построения международных отношений в раннее Новое время – сходит на нет в силу реакции крупных европейских государств на политику наполеоновской Франции.

М.П. Петрова в этом вопросе несколько углубляет данный аспект понимания борьбы европейских держав между собой. По ее мнению, соперничество происходило в рамках «Вестфаля» не столько за гегемонию, сколько за реализацию того, что можно обозначить как «государственный интерес, или государственные соображения» [34, с. 5–8]. Подобный акцент важен, так как он позволяет учесть постепенное превалирование «государственных интересов» над «династическими» при выстраивании внешней политики каждого отдельного субъекта европейской системы и ее акторов. Схожее отмечается и историком А.В. Чудиновым в многотомной «Всемирной истории» под редакцией А.О. Чубарьяна и С.Я. Карпа [6, с. 523–524], и в трехтомном учебнике под редакцией А.В. Торкунова, М.М. Наринского и А.В. Ревякина, где подчеркивается постепенное ослабление династического фактора в выстраивании внешней политики европейских стран, особенно в XVIII в. [20, с. 13–22].

Вместе с тем из-за учета при определении той или иной системы военно-дипломатического равновесия сил на международной арене некоторыми авторами отмечается эрозия вестфальских соглашений уже на рубеже XVII–XVIII вв. в ходе борьбы между Францией Бурбонов и монархией Габсбургов в Западной Европе и борьбы со шведской гегемонией на севере континента со стороны Дании, Речи Посполитой и России. Поэтому, уже в связи с завершением войны за испанское наследство 1701–1714 гг. и Северной войны 1700–1721 гг., после (или же лучше сказать «из») Вестфальской системы выделяется новая – Утрехтская (Постутрехтская, Утрехтско-Ништадтская) система [44; 32], поименованная так по названию Утрехтского (1713) и Ништадтского (1721) мирных договоров.

Наиболее целостное рассмотрение «Утрехтской переменной» ведется в российской историографии с начала 2000-х годов [43; 44], что можно связать с постепенной переоценкой того наследия, которое досталось российским историкам и политологам со второй половины XX в. Не стоит забывать и про особое внимание в отечественной исторической науке к победе России в Северной войне – событию, которое традиционно оценивается в российском дискурсе как одно из ключевых в европейской истории начала XVIII в. Поэтому интегрирование Ништадтского мира в новую систему международных отношений является важным для развития национальной историографии. Примечательно, что важность «Ништадта» для развития европейской подсистемы начинает находить поддержку и в зарубежной науке [12].

Само же обоснование появившемуся концепту Утрехтской системы исходит из того, что по итогу войн рубежа XVIII–XIX вв. начинается не только ослабление Франции и Швеции – одних из наиболее сильных гарантов европейской подсистемы, но и возвышение новых европейский акторов – России и Пруссии [44, с. 26].

Описанный вариант «дробления» вестфальского периода стал одним из самых популярных. Его закрепление уже в 2010-е годы мы можем увидеть в ранее упомянутой коллективной монографии «От царства к империи». При этом в отечественной литературе выделяются и некоторые отдельные, менее «популярные» системы XVIII в., которые в большей степени выстраиваются исходя из учета разного соотношения сил в Западной, Восточной и Южной Европе, оформляя это в рамках понятия «подсистема». Важно отметить, что подчеркивание масштаба влияния тех или иных соглашений на систему в целом не является чем-то новым для отечественной исторической науки, но на современном этапе отвечает тенденции изучения взаимодействия «центр – регион», «глобализация – деглобализация».

Так, историк и дипломат П.В. Стегний рассматривает помимо Утрехтской еще и «Ганноверскую подсистему», которые существовали, с его точки зрения, почти одновременно. В своей сути Ганноверская подсистема отразила не столько корректировку европейского равновесия сил, сколько складывание двух антагонистических союзов во главе с Великобританией и Францией. После же Семилетней войны 1757–1763 гг., по его мнению, наступает

время уже «Восточной подсистемы» – итога возвышения на международной арене Великобритании и России, совпавшего с постепенным переключением внимания европейских держав с Западной Европы на Балканы. Сама логика возникновения «региональных подсистем», по мнению историка, заключается в кризисе абсолютизма и постепенном исчерпании у «вестфальских договоренностей» сил к поддержанию баланса на континенте [47, с. 406–407]. Таким образом, концепты Стегния, несмотря на иной понятийный аппарат, по-прежнему учитывают доминирование в XVIII в. соглашений, подписанных в 1648 г. Однако стоит констатировать, что эти концепты не стали популярными в отечественной литературе. Одна из причин – их малая проработанность, обусловленная попросту иной проблематикой работ историка (концентрация на «польском вопросе» в дипломатической истории Европы, а не на развитии системы в целом).

Как отмечает Ревякин, столь значительное дробление «Вестфальской системы» можно объяснить тем, что рассмотрение истории международных отношений с позиций системного анализа является достаточно противоречивым. При рассуждении о «системности» в истории, «в действительности речь идет лишь о серии горизонтальных, “синхронистических” срезов, позволивших авторам выявить некую структуру международных отношений на отдельных этапах их развития – расстановку и соотношение сил государств, состав политических блоков и военных союзов, основные линии противоборства и противостояния государств и т.д.», что лишь отдаленно имеет отношение к системному анализу [37, с. 143].

Яркий пример мы можем увидеть у авторов «От царства к империи», М.Ю. Анисимова и Г.А. Гребенщиковой, которые выделяют в XVIII в. целых две системы, сменившие Утрехтскую с середины XVIII в.: «Аугсбургскую» – как один из проектов завершения Семилетней войны [1, с. 201–202; 2], и «Петербургскую» – как итог завершения вхождения России в «концерт европейских держав» в качестве «полноправного члена» во второй половине XVIII в. [8, с. 256]. Более давним примером подобного системного анализа является концепт Тильзитской системы [44, с. 26], совместившей в себе и принцип гегемонии, и формирующийся новый

принцип эпохи – баланс сил, поддерживаемый пентархией «великих держав».

Периодизация международных отношений XIX в. идет в этом же русле. Традиционным, с точки зрения типологии систем, является выделение в рамках позднего Нового времени – XIX – начала XX в. – лишь Венской системы, сложившейся по итогам Венского конгресса 1815 г. Касательно же временных рамок «соглашений 1815 г.», в отечественной историографии существует традиционная полемика, освещенная в работах Е.П. Кудрявцевой [22; 23]. Не останавливаясь подробно на особенностях кризиса этой системы, обозначим концепты периодизации, связанные с ее возможными окончаниями во второй половине XIX в. Первый из них – разделение Венской системы после 1830-х годов на «Венскую систему» и «Венский порядок» в поздний период [22, с. 259]. Описанный концепт подразумевает разрушение после «весны народов» в 1840-е годы прежнего европейского соотношения сил и охранительного развития политической системы европейских стран при сохранении дипломатического (через конгрессы) урегулирования спорных ситуаций между «великими» и «малыми» державами [13]. Второй концепт периодизации подразумевает разделение во второй половине XIX в. на несколько самостоятельных систем, в развитии которых ключевое место играют Франция, Пруссия (с 1871 г. – Германия) и Россия.

Так, с окончанием Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг., в Европе устанавливается Парижская (Крымская) система [44, с. 26; 53, с. 107–108; 15]. Она, с одной стороны, отразила окончание «венских соглашений» с точки зрения их идейного базиса – консервативной реакции, начавшейся в европейских странах в посленаполеоновскую эпоху. С другой стороны, в ее рамках произошла существенная корректировка баланса сил, главным выражением чего стало ослабление позиций России на европейском континенте на несколько десятилетий. Нарушенное европейское равновесие активизировало новую волну объединения народов Европы. Наиболее значимую роль в этом вопросе сыграли процессы германского и итальянского нациестроительства. Создание Германской империи в 1871 г. стало поворотным в дальнейшем развитии Нового времени, что даже побудило некоторых авторов говорить о начале функционирования Франкфуртской системы

международных отношений [44, с. 26; 52, с. 328]. Свои корни обозначенный концепт берет из идеи «эпохи вооруженного мира», или «системы вооруженного мира», которую можно обнаружить еще в работах М.Н. Покровского [36]. Суть описываемого концепта состоит в подчеркивании одного из главных процессов в международных отношениях второй половины XIX в. – борьбы различных имперских проектов и военно-политических блоков [31]. Но данная точка зрения в отечественной историографии не прижилась. Причины, на наш взгляд, произрастают из того, что 1871 г. был закрыт более важным событием для истории России – Русско-турецкой войной 1877–1878 гг. и ее итогом – Берлинским конгрессом 1878 г. Отразив в своей основе курс на охлаждение российско-германских отношений и их переход к отрытой форме противостояния в Европе, «Берлин» стал именем нарицательным в европейской политике, образовав новую, более популярную в литературе, систему – «Берлинскую» [44, с. 26; 42; 51, с. 228].

Завершая анализ второго подхода, отметим, что в отечественной историографии «Берлинская система» чаще всего рассматривается как одна из последних на пути Европы к Первой мировой войне, хотя и подчеркивается, что среди исследователей «нет единого мнения о характере европейской политики» между 1878 и 1914 гг. [51, с. 388].

В этот период европейский порядок стал общемировым, а система – глобальной. Прежнее понимание баланса сил в этих условиях изменилось. Специфика времени состояла в становлении множества военно-политических союзов и системы коалиционного баланса в их рамках [там же]. В результате некоторые авторы обозначают данный этап особой системой международных отношений, ставящей в своем базисе противостояние имперских проектов за доминирование в мире [38, с. 178]. К проблеме же выделения «системы военно-политических союзов» как самостоятельной относится то, что она не была закреплена на какой-либо конференции или же конгрессе. Сам же ее отсчет возможно проводить либо с 1871 г., либо с 1878 г., продолжая логику систем «Франкфурта» и «Берлина».

Некоторые выводы

Подводя итог, отметим ярко выраженную двойственность развития научного дискурса в изучаемой теме. С одной стороны, мы видим стремление к переоценке устоявшихся концептуальных рамок исследования, которое продолжает логику активного ухода от марксистской парадигмы в 1990-е годы. С другой же стороны, как верно отметил А.В. Чудинов, история международных отношений остается «одной из наиболее консервативных отраслей исторической науки» [6, с. 514]. Добавим лишь, что данная черта касается изучения истории международных отношений со стороны как историков, так и политологов, поскольку и те, и другие сохраняют приверженность устоявшемуся еще во второй половине XX в. в зарубежной историографии пониманию эволюции международных отношений в Новое и Новейшее время, делая акцент преимущественно на Европейском континенте.

Из-за обозначенного консерватизма, соседствующего с эклектикой методов и подходов, подчас проблемно «разобраться, каким образом, в соответствии с какими принципами и закономерностями» происходит развитие международных отношений как на региональном уровне, так и в мире в целом [37, с. 130]. Безусловно, отечественные авторы с начала 2000-х годов сделали ряд попыток «сломать» устоявшуюся картину и выйти из разразившегося ранее кризиса. Однако новые концепты периодизации международных отношений Нового времени еще не получили широкого распространения в литературе, а некоторые и вовсе были подвергнуты острой критике. На наш взгляд, описанная ситуация в ближайшем будущем сохранится и далее. Разве что постепенно в отечественных трудах по этой теме проявится более комплексная критика европоцентризма, благодаря которой станет возможно учесть региональные аспекты выстраивания глобальной системы международных отношений и мировой политики.

Список литературы

1. Анисимов М.Ю. Кризис Утрехтско-Ништадтской системы и Россия // От царства к империи: Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века. – Москва; Санкт-Петербург: ИРИ РАН, 2015. – С. 165–206.

2. Анисимов М.Ю. Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.). – Москва: Товарищество научных изданий КМК, 2020. – 457 с.
3. Ахвердян Г.К. Проблематика суверенитета в современном политологическом дискурсе // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2010. – № 1. – С. 53–57.
4. Богатуров А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Современная мировая политика: Прикладной анализ / отв. ред.: А.Д. Богатуров. – 2-е изд. – Москва: Аспект Пресс, 2010. – С. 16–33.
5. Богданов А.Н. Международный порядок: учебное пособие. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2017. – 138 с.
6. Всемирная история: в 6 т. / гл. ред. А.О. Чубарьян. – Москва: Наука, 2011. – Т. 4: Мир в XVIII веке / отв. ред. С.Я. Карп. – 2013. – 787 с.
7. Гранин Ю.Д. Анализ теоретизирования о «государстве модерна» и его исторических формах // Гуманитарный вестник. – 2020. – № 3 (83). – С. 1–17.
8. Гребенщикова Г.А. Россия в системе международных отношений во второй половине XVIII в. // От царства к империи: Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века. – Москва; Санкт-Петербург: ИРИ РАН, 2015. – С. 207–259.
9. Гудалов Н.Н. До Вестфаля: история международных отношений ante litteram // Вестник МГИМО Университета. – 2022. – № 3. – С. 262–278.
10. Диденко Н.С. Трансформация политико-правового содержания государственного суверенитета на рубеже XX–XXI вв.: Теоретико-правовое исследование: автореф. дисс. … кандидата юридических наук (12.00.01). – Ростов на Дону, 2006. – 24 с.
11. Дунаев А.Л. Понятия «система» и «порядок» в историографии международных отношений: трудности интерпретации // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2013. – № 2. – С. 4–22.
12. Духхардт Х. Ништадтский мир: взгляды на мирный конгресс со стороны // Юбилеи: взгляд сквозь века. К 75-летию со дня рождения выдающегося историка, заслуженного деятеля науки РФ, профессора Юрия Евгеньевича Ивонина (1947–2021): сборник научный статей. – Смоленск: Смоленский государственный университет, 2022. – С. 26–40.
13. Европейская дипломатия и международные процессы эпохи наполеоновских войн / под ред. А.В. Торкунова, М.М. Наринского. – Москва: Аспект Пресс, 2012. – 256 с.
14. Жулева М.С., Конев Ю.М. Концепция государственного суверенитета в условиях трансформации современного мирового порядка // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 35–49.

15. Зварцев И.А. Борьба российского дипломатического представительства с «Крымской системой» во второй половине XIX века // Вестник науки. – 2022. – Т. 1, № 9 (54). – С. 38–43.
16. Ивонина Л.И. Монополизация власти и государственный суверенитет в эпоху Классической Европы // Исторический формат. – 2015. – № 1 (1). – С. 92–103.
17. Ивонина О.И. К вопросу о периодизации истории Нового и Новейшего времени // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 1. – С. 54–59.
18. Имперский поворот в изучении истории России: Современная историография: сб. обзоров и рефератов / РАН, ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед., Отд. истории; отв. ред.: О.В. Большакова. – Москва, 2019. – 180 с.
19. История дипломатии: в 3 т. – 2-е изд. / под ред.: В.А. Зорин, В.С. Семенов, С.Д. Сказкин, В.М. Хвостов. – Т. 1.: XV в. до н.э. 1871 г. – Москва: Госполитиздат, 1959. – С. 275–276.
20. История международных отношений: учебник: в 3 т. / под ред.: А.В. Торкунов, М.М. Наринский, А.В. Ревякин. – Т. 1: От Вестфальского мира до окончания Первой мировой войны. – Москва: Аспект Пресс, 2012. – 400 с.
21. Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. – Москва: Новое литературное обозрение, 2018. – 256 с.
22. Кудрявцева Е.П. Венская система международных отношений 1815–1856 гг. и ее крушение // От царства к империи: Россия в системах международных отношений, вторая половина XVI – начало XX века. – Москва; Санкт-Петербург: ИРИ РАН, 2015. – С. 259–294.
23. Кудрявцева Е.П. Восточный вопрос в годы Венской системы международных отношений // 200 лет Венской системе: проект и практика европейской дипломатии: материалы IX Конвента РАМИ, Москва, 27–28 октября 2015 года. – Москва: МГИМО (Университет) МИД РФ, 2016. – С. 112–126.
24. Куприянов А.В. «Вестфальский миф»: история и критика // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2019. – № 3. – С. 37–50.
25. Куприянов А.В. «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2019. – № 4. – С. 11–23.
26. Лебедева М.М. Мировая политика: учебник. – 2-е изд. – Москва: КНОРУС, 2013. – 256 с.
27. Лебедева М.М. Что угрожает Вестфалю? // Международные процессы. – 2008. – Т. 6, № 1. – С. 117–120.
28. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. – Москва: Новое литературное обозрение, 2008. – 246 с.
29. Миллер А.И. Модерные империи: проблемы классификации, механизмы консолидации и распада // Политическая наука. – 2013. – № 3. – С. 30–42.
30. Мишечкин Г.В. Периодизация всемирной истории: новые подходы и старые проблемы // Вестник Донецкого педагогического института. – 2018. – № 3. – С. 215–222.

31. Новая история стран Европы и Америки XVI–XIX века: в 3 ч. Ч. 2. Учеб. для студентов вузов / под ред. А.М. Родригеса, М.В. Пономарева. – Москва: Гуманитар, изд. Центр ВЛАДОС, 2010. – 621 с.
32. От царства к империи: Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века. – Москва; Санкт-Петербург: ИРИ РАН, 2015. – 440 с.
33. Пенской В.В. Деконструкция деконструкции: о книге Б. Тешке «Миф о 1648 годе…» // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2020. – Т. 6, № 3. – С. 108–125.
34. Петрова М.А. Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза, 1780–1790. – Москва: Наука, 2011. – 419 с.
35. Петрова М.А. Международные отношения и дипломатия XVIII века в современной российской историографии // 25 лет внешней политике России: сборник материалов X Конвента РАМИ: в 5 т., Москва, 08–09 декабря 2016 года. – Москва: МГИМО (Университет) МИД РФ, 2017. – Том 3. – С. 98–113.
36. Покровский М.Н. Империалистская война. – Москва: Соцэкгиз, 1934. – 449 с.
37. Ревякин А.В. Вестфальская система международных отношений в новейшей отечественной литературе // 25 лет внешней политике России: сборник материалов X Конвента РАМИ: в 5 т., Москва, 08–09 декабря 2016 года. – Москва: МГИМО (Университет) МИД РФ, 2017. – Т. 3. – С. 128–147.
38. Ревякин А.В. История международных отношений в Новое время: учеб. Пособие. – Москва: РОССПЭН, 2004. – 263 с.
39. Романова Е.В. Международные системы середины XVII – первой половины XX века в современной российской историографии: проблема типологии // 25 лет внешней политике России: сборник материалов X Конвента РАМИ: в 5 т., Москва, 08–09 декабря 2016 года. – Москва: МГИМО (университет) МИД РФ, 2017. – Т. 3. – С. 148–173.
40. Российская империя в сравнительной перспективе: сборник статей / под ред. А.И. Миллера. – Москва: Новое издательство, 2004. – 384 с.
41. Россия на международных форумах и конгрессах XVII – начала XX века / отв. ред.: А.В. Виноградов. – Москва: Международные отношения, 2021. – 552 с.
42. Рыбаченок И.С. Россия в Берлинской системе 1878–1914 гг. // От царства к империи: Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века. – Москва; Санкт-Петербург: ИРИ РАН, 2015. – С. 333–390.
43. Семченков А.С. Геополитическая стратегия России: выбор оптимального варианта // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2005. – № 3. – С. 48–68.
44. Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений. 1918–1939 гг.: учебник. – Москва: Центрполиграф, 2008. – 640 с.
45. Сирота Н.М., Мохоров Г.А., Хомелева Р.А. Категория «мировой порядок»: опыт теоретического осмысления // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2022. – № 1 (35). – С. 60–74.

46. Системная история международных отношений, 1918–1991: в 4 т. Т. 1. События. 1918–1945 / сост. А.В. Мальгин; под ред. А.Д. Богатурова; Моск. Обществ. Науч. Фонд, Ин-т США и Канады, РАН, Гос. Ун-т гуманитарных наук. – Москва: Московский рабочий, 2000. – 476 с.
47. Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. – Москва: Международные отношения, 2002. – 696 с.
48. Субботина Н.Д. Проблема периодизации истории: единичное, особенное и общее // Гуманитарный вектор. – 2018. – Т. 13, № 4. – С. 6–16.
49. Суслов Е.В. Блеск и нищета Вестфальского мира, или почему нельзя создать систему международных отношений, пригодную на все времена // Вестник Марийского государственного университета. Серия Исторические науки. Юридические науки. – 2016. – № 2 (6). – С. 89–95.
50. Фененко А.В. История международных отношений в довестфальскую эпоху: учебное пособие для вузов. – Москва: Аспект Пресс, 2022. – 752 с.
51. Фененко А.В. История международных отношений: 1648–1945. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Аспект Пресс, 2020. – 800 с.
52. Хевролин В.М. Россия в Крымской системе 1856–1877 гг. // От царства к империи: Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века. – Москва; Санкт-Петербург: ИРИ РАН, 2015. – С. 295–332.
53. Цыганков П.А. Мировая политика: как уловить понятие? Предметное поле и предметные поля мировой политики // Международные процессы. – 2004. – Т. 2, № 2. – С. 97–108.
54. Черняк Л.Ю. О соотношении государственного, народного и национального суверенитетов // Сибирский юридический вестник. – 2006. – № 2. – С. 30–39.

УДК 303.446.4; 327; 94(438).081; 94(44).083
DOI: 10.31249/hist/2024.03.05

БАБЕНКО О.В.* ПОЛЬСКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1921–1939 гг.: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Аннотация. В статье рассматривается отечественная и зарубежная историография истории польско-французских отношений межвоенного периода. Особое внимание уделяется российской и польской историографии как наиболее информативной. Анализируется подход исследователей к таким вопросам, как причины охлаждения польско-французских отношений в 1924–1925 гг., роль в них Юзефа Бека, отношение Польши к Франции и Франции к Польше, степень осведомленности поляков о внешнеполитических планах французов и другим. Делается вывод о степени изученности данной проблематики в историографии.

Ключевые слова: польско-французские отношения в 1921–1939 гг.; польско-французский договор 1921 г.; отечественная и зарубежная историография.

BABENKO O.V. Polish-french relations 1921–1939: domestic and foreign historiography

Abstract. The article examines the domestic and foreign historiography of the history of Polish-French relations of the interwar period. Special attention is paid to Russian and Polish historiography as the most informative. The article analyzes the researchers' approach to such issues as the reasons for the cooling of Polish-French relations in

* Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); o.v.babenko@mail.ru

1924–1925, the role of Jozef Beck in them, the attitude of Poland to France and France to Poland, the degree of awareness of Poles about the foreign policy plans of the French and others. The conclusion is made about the degree of study of this problem in historiography.

Keywords: polish-french relations; polish-french treaty of 1921; domestic and foreign historiography.

Для цитирования: Бабенко О.В. Польско-французские отношения 1921–1939 гг.: отечественная и зарубежная историография (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 3. – С. 87–105. – DOI: 10.31249/hist/2024.03.05

Введение

Польско-французские отношения межвоенного периода вызывают неподдельный интерес ученых ввиду большого исторического и политического значения данной проблематики. Ее изучение показывает, что территориальные притязания отдельных государств, имеющие целью овладение природными ресурсами, приводят к военным катастрофам, как это было в 1939 и 1941 гг.

Отношения между Польшей и Францией рассматриваемого периода проходили под знаком союза между Варшавой и Парижем, заключенного в 1921 г. Сближение двух стран произошло на антигерманской основе и было реакцией на обретение проигравшей Первую мировую войну Германией возможности совершить реванш. Статут Лиги Наций допускал пересмотр территориальных постановлений Версальского договора 1919 г., что вызывало беспокойство как Польши, так и Франции.

В целях понимания особенностей функционирования польско-французского военно-политического союза необходимо осветить вопрос о том, почему Польша и Франция пошли на его заключение. В начале 1920-х годов польская дипломатия находилась в поисках такой внешнеполитической линии, которая позволила бы Польше успешно противостоять двум историческим врагам – Германии и России. В то время у власти в Польше находились национальные демократы, которые видели основу внешней политики страны в союзе с Францией. А министр иностранных дел Польши (19 января – 27 июля 1924 г.) М. Замойский прямо заяв-

лял, что собирается заниматься «укреплением франко-польской дружбы» (Polska Zbrojna. 21.01.1924).

После подписания Версальского мирного договора Франция лишилась своего главного союзника на международной арене – Соединенных Штатов Америки, перешедшего к политике изоляционизма, но успешно укреплявшего свои экономические позиции в Европе. Делая ставку на англосаксонские державы, Париж добился от Лондона согласия стать основным гарантом границ Франции. При этом Великобритания выступала за усиление Германии, не могли не видеть французские дипломаты. В этих условиях Франция в целях обеспечения собственной безопасности начала заключать союзнические договоры со странами Центральной и Юго-Восточной Европы. Польша рассматривалась тогда французами как важная союзница. Однако дипломатические действия Парижа были направлены прежде всего на получение гарантий для франко-германской границы.

Совершенно естественно, что Польша и Франция стремились сохранить сложившийся статус-кво в Европе и полученные ими по Версальскому мирному договору территориальные приращения. Для французской стороны это были Эльзас и Лотарингия, угольные копи Саарского бассейна, для независимой Польской республики, образованной лишь в 1918 г., – все ее составляющие: Великая Польша, часть Верхней Силезии, часть Восточного Поморья, «Польский коридор», обеспечивший полякам доступ к Балтийскому морю. Позднее Варшава, благодаря предусмотренным Версальским договором референдумам и поддержке Франции, получила и другие территории: не вошедшую в состав Польши ранее экономически развитую часть Верхней Силезии и большую часть Тешинской Силезии (Заользья).

В целом, в межвоенный период польско-французские отношения основывались на двустороннем политическом договоре от 19 февраля 1921 г. и секретной военной конвенции от 21 февраля 1921 г., направленной прежде всего против Германии, но предусматривавшей также помощь Франции Польше на случай войны последней с Советской Россией. Кроме того, 28 февраля 1924 г. было подписано секретное польско-французское военное соглашение о взаимопомощи.

Ситуация в рамках польско-французского союза была благоприятной лишь до принятия в 1924 г. «плана Дауэса». Это событие изменило позицию Франции на международной арене. Она лишилась решающего влияния на международную политику, осуществлявшегося благодаря принадлежавшему ей ранее контролю над германскими репарациями и возможности накладывать санкции на Германию. Новые проблемы принесло обсуждение Локарнских соглашений. Летом – осенью 1925 г. на переговорах о Западном пакте Париж согласился дать гарантии только западных границ Германии, а ее восточные границы остались не гарантированными, что не устраивало Польшу. Такое решение было обусловлено значимостью для Франции отношений с Великобританией, а ее отношения с Польшей утратили прежнее значение. Деятельное функционирование польско-французского союза было поставлено под вопрос. Тем не менее он просуществовал де-юре до начала Второй мировой войны, а его особенности стали предметом изучения отечественных и зарубежных исследователей.

В данной статье анализируется отечественная, польская и французская историография польско-французских отношений 1921–1939 гг. Методом исследования является контент-анализ, позволивший проанализировать содержание рассматриваемых научных трудов и выделить наиболее важные выводы их авторов.

Отечественная историография

Польско-французские отношения межвоенного периода недостаточно хорошо изучены в отечественной исторической науке. В ней нет ни одной монографии по этой теме. Что касается общих работ по истории международных отношений, то польско-французские связи затрагиваются в них косвенно, существенной информации они не дают. Авторы научных трудов о внешней политике Франции, советско-польских и советско-французских отношениях также обходят стороной подробности польско-французских контактов.

В современной российской историографии имеются немногочисленные публикации по польско-французским отношениям межвоенного периода – статьи профессора, д-ра ист. наук Я.Я. Гришина (Ин-т востоковедения Казанского государственного

ун-та) [4] и преподавателя А.Е. Кузьмичёвой (исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова) [5; 6; 7; 8]. Однако эти авторы ограничиваются рассмотрением лишь отдельных аспектов польско-французских отношений в короткие периоды их истории. Так, Гришина интересует визит Генерального инспектора вооруженных сил Польши маршала Э. Рыдз-Смиглы в Париж 30 августа – 6 сентября 1936 г. Этим аспектом польско-французских отношений другие специалисты практически не занимались, что уже говорит о значимости данного исследования. Автор считает, что французы в середине 1930-х годов не оставляли попыток склонить поляков на свою сторону и с этой целью намеревались предложить им финансовую помощь. Переговоры Рыдз-Смиглы с французами завершились подписанием протокола, в соответствии с которым Франция обязалась предоставить Польше кредит на военные цели в размере 2 млрд франков. В связи с таким успехом маршала Гришин делает небезосновательный вывод о том, что польско-французские переговоры «повлияли на усиление позиций Бека как министра иностранных дел» [4, с. 124].

Статьи Кузьмичёвой посвящены дипломатической деятельности Юзефа Бека в Париже в 1922–1923 гг., а также событиям 1934–1936 гг.: концепции превентивной войны в контексте польско-французского союза 1933–1934 гг., зондажному визиту министра иностранных дел Франции Луи Барту в Варшаву 1934 г., французскому фактору в политике Бека. Следует отметить, что с мая 1926 г. по май 1935 г. особая роль в формировании польской внешней политики принадлежала маршалу Ю. Пилсудскому. Бек, занимавший в 1932–1939 гг. должность министра иностранных дел, был проводником этой политики.

Четкий ответ на вопрос о причинах ослабления двустороннего союза сформулирован в статье, написанной Кузьмичёвой в соавторстве с канд. ист. наук Ю.А. Борисёнком (исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова) [1]. По мнению авторов, причины сложностей в отношениях между Варшавой и Парижем коренились в том, что французы не видели в Польше «равного партнера» [1, с. 184]. Этот же вывод содержится в статье Кузьмичёвой о пребывании Бека в Париже в качестве военного атташе [7, с. 19]. Он совершенно справедлив: Польша относилась в то время к малым государствам Европы, не оказывавшим влияния на меж-

дународную политику и не подлежащим сравнению с великими державами.

В связи с проблемой ослабления союза между Польской республикой и Францией возникает логический вопрос: почему Варшава не способствовала улучшению отношений с Парижем после 1925 г.? Кузьмичёва считает, что во французской политике Польши сыграла роль личная неприязнь Бека к Франции [7, с. 17–18]. Он был назначен военным атташе в Париже в 1922 г. и продержался в этой должности два года, после чего был объявлен «персоной нон-грата» и выслан из Франции по обвинению в шпионаже в пользу Италии. Совершенно очевидно, что, потерпев фиаско, он просто не мог хорошо относиться к французским партнерам. А реальные причины негативного отношения французов к Беку могли корениться, как пишет Кузьмичёва, в нежелании Парижа участвовать в авантюрах Польши против СССР [7, с. 17], а позднее – в прогерманской ориентации Бека, информацию о которой распространяла главным образом французская пресса [1, с. 184]. В сборнике следственных дел «Тайны дипломатии Третьего Рейха» опубликован документ, согласно которому поляк был подкуплен нацистом Г. Герингом [11, с. 581]. Кузьмичёва обращает внимание на факт подкупа Бека немцами [7, с. 17], но не развивает эту тему. Создается впечатление, что польский дипломат был подкуплен в самом начале карьеры. На деле, если обратиться к вышеупомянутому сборнику, то из протокола допроса генерал-лейтенанта Люфтваффе А. Герстенберга от 17 августа 1945 г. становится очевидным, что это случилось в 1938 г. – Геринг во время своей поездки на охоту в Польшу вручил Беку чек на 300 000 марок, после чего поляк «стал усиленно поддерживать дружбу с Германией» [11, с. 581].

В другой статье Кузьмичёвой приводится еще одна причина ослабления польско-французского союза. Исследовательница пишет, что Варшава не желала оказывать безоговорочную поддержку Парижу в случае германской агрессии [8]. Весной 1934 г. Франция переживала внутренний кризис, что произвело негативное впечатление на поляков. Отношение Польши к Франции и Франции к Польше выявилось в ходе визита французского министра Л. Барту в Польшу в апреле 1934 г. Он показал, что француз тормозил процесс резкого сближения с Москвой из-за Польши. Кузьмичева по-

лагает, что Париж видел союз с Польшей как постоянный союз, который подразумевал совместные дипломатические усилия. Польша же стремилась проводить великодержавную политику. Бек продемонстрировал Барту, что Варшава не собирается прощать Парижу недооценку ее веса на международной арене [5, с. 127–129].

Кузьмичёвой принадлежит также вывод о месте Франции в польской политике «равноудаленности». Французская дипломатия в начале 1930-х годов пыталась снять напряжение в отношениях с поляками – страх Варшавы заключался в боязни того, что СССР заменит Польшу в качестве главного союзника Франции. Польша же проводила весьма изменчивую внешнюю политику, главной составляющей которой было балансирование между Германией и СССР – «равноудаленность» от обоих опасных соседей. Необходимость подписания союзнических соглашений с этими странами отодвинула договор с Францией на второй план. В рамках этой политики 25 апреля 1932 г. Польша заключила договор о ненападении с СССР, а 26 января 1934 г. подписала с Германией декларацию о неприменении силы. После этого поляки могли нормализовать отношения с Францией, но у сторон возникли разногласия по поводу Восточного пакта[1]. Тем не менее, как утверждает Кузьмичёва, Варшава не желала отказываться от союза с Парижем. Этот союз, по ее мнению, был неотъемлемым компонентом политики «равноудаленности» [8, с. 260].

Совершенно естественно, что польская сторона хотела проверить свой союз с Парижем на прочность, но предпринимала ли она существенные действия? Кузьмичёва справедливо замечает, что в отдельных источниках и историографических работах различного происхождения встречается утверждение, согласно которому в 1933 г. Польша якобы предложила Парижу поучаствовать в подготовке превентивной войны с Берлином [6, с. 33–34]. Тем не менее на сегодняшний день исследователи не располагают соответствующими документальными источниками. Более того, как

[1] Восточный пакт (Восточное Локарно) – термин, обозначающий предпринятую в 1934 г. неудачную попытку заключить договор о взаимопомощи между СССР, Польшей, Чехословакией, Финляндией, Латвией, Эстонией и Литвой с целью гарантировать их границы на случай нападения нацистской Германии.

утверждает Кузьмичёва, официальная Варшава боролась со слухами о польских планах агрессии против Берлина [6, с. 35].

Польский фактор в советско-французских отношениях затрагивает канд. ист. наук А.А. Вершинин (исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова) в своей статье о договоре между Москвой и Парижем 1932 г. [2]. Он справедливо обращает внимание на то, что советско-французский пакт о взаимопомощи был направлен как против Германии, так и против Польши. Соответственно, Москва могла рассчитывать на помощь Парижа в войне как с Берлином, так и с Варшавой [2, с. 183].

В статье канд. ист. наук Д.В. Офицерова (НИУ ВШЭ в Перми) [10] поднимается вопрос о том, готовились ли поляки к превентивной войне с Германией при участии Франции. Его небезосновательный ответ сводится к тому, что подготовка была мнимой и использовалась для шантажа Берлина в целях скорейшего заключения с ним декларации о неприменении силы. Однако автору принадлежит и не выдерживающее критики утверждение о том, что Пилсудский стремился заключить соглашение с Германией, чтобы ослабить позиции Франции в Европе [10, с. 43]. На деле Франция нужна была Польше как гарант выполнения постановлений Версальского мирного договора, поляки не были заинтересованы в ухудшении ее международного положения.

Вызывают интерес выводы об отношении Франции к Польше в 1938–1939 гг., которые содержатся в статье д-ра ист. наук Е.О. Обичкиной (МГИМО МИД РФ) [9]. Нельзя не разделить мнение исследовательницы, согласно которому оно было двойственным вследствие охлаждения франко-польских отношений. Париж не устраивала политика Бека по сближению с Германией и его желание «воспользоваться разделом Чехословакии для территориальных приращений в пользу Польши» [9, с. 6]. Правда, личный фактор – неприязнь французов к Беку – автор не учитывает. С другой стороны, логика Мюнхена, по мнению Обичкиной, подталкивала Францию освободиться от обязательств в отношении стран Центрально-Восточной Европы [там же]. И это, безусловно, справедливое утверждение, поскольку в Мюнхене французы дали согласие на расчленение Чехословакии, имея с ней союзнический договор 1924 г. антигерманской и антивенгерской направленности. Таким образом, один из «тыловых союзов» Франции исчез в одно-

часье. А политика умиротворения агрессора, проводившаяся Великобританией и Францией, привела впоследствии к расчленению Польши – 28 сентября 1939 г. после заключения советско-германского договора о дружбе и границе Польское государство прекратило свое существование.

Польская историография

В польской научной литературе функционирование союза между Польшей и Францией анализируется достаточно подробно, но польско-французские контакты чаще всего рассматриваются как составная часть международных отношений в Европе. Основные труды по данной проблематике принадлежат Я. Чаловичу [15], Х. Булхаку [13; 14], З. Вроняку [30], М. Гмурчык-Вроньской [22], Т. Кузьминьскому [23] и М. Паштор [25].

Следует отметить, что рассматриваемая проблематика начала изучаться польскими историками довольно поздно. Во-первых, в Народной Польше приоритет отдавался изучению «дружественных» отношений между Польшей и СССР, узловые моменты которых замалчивались. Во-вторых, там, как и в других странах социалистического лагеря, были затруднены архивные изыскания. Первые исторические труды, написанные на основе архивных документов, появились во второй половине 1980-х годов.

Первопроходцем в области изучения польско-французских отношений 1920–1930-х годов был полковник артиллерии Войска Польского и военный историк Я. Чалович (1895–1967), написавший монографию «Польско-французский военный союз 1921–1939» [15]. Исследователь рассмотрел политические и военные аспекты польско-французского союза, определил ключевые вопросы отношений между Варшавой и Парижем. Одной из основных проблем, которую освещает автор, является разница во взглядах Варшавы и Парижа на проблему сдерживания реваншистских стремлений Германии, проявившаяся во время Локарнской конференции [15, s. 129–141]. Однако слабость источниковой базы работы Чаловича поспособствовала тому, что ученый пришел к не выдерживающим критики выводам. Так, например, он утверждает, что польско-французский союз сделался составляющей франко-германских и польско-германских отношений с момента прихода

Гитлера к власти 30 января 1933 г. [15, s. 180]. В действительности этот союз изначально был немыслим вне контекста международных отношений, и, в частности, отношений между Парижем и Берлином, Варшавой и Берлином.

Тем не менее монография Чаловича стала базовой для последующих исследователей польско-французских отношений, прежде всего крупного историка, вышедшего на пенсию сотрудника Института истории ПАН Х. Булхака (род. в 1930 г.). Он является автором двух фундаментальных трудов – «Польша – Франция: из истории союза 1922–1939. Ч. 1 (1922–1932)» [13] и «Польша – Франция: из истории союза 1933–1936» [14], в которых исследуются политический и военный аспекты функционирования союза между Польшей и Францией. Как историк, проработавший большую часть жизни в Народной Польше, Булхак игнорирует антисоветскую составляющую польско-французского союза. Нельзя не согласиться с его выводом о том, что польско-французский союз никогда не был равноправным, а его участники имели разные интересы [13, s. 9–10]. Заслуживает внимания и утверждение автора, согласно которому кризис в польско-французских отношениях наступил к концу 1932 г., когда между Варшавой и Парижем возникли разногласия на Женевской конференции по разоружению [14, s. 10]. Вызывают интерес рассуждения Булхака о том, как французский министр Бриан в начале 1930-х годов пытался уменьшить обязанности Франции, прописанные в военной конвенции к союзническому договору с Польшей. Этой цели был посвящен, в частности, визит генерала Мари-Эжена Дебени в Варшаву 1934 г., проанализированный автором [14, s. 113]. В числе рассмотренных Булхаком аспектов международных событий было и отношение Польши к «Пакту четырех»[1]. Он приводит мнение Бека, считавшего, что негативное отношение Варшавы к этому пакту не должно было измениться вне зависимости от участия в нем Франции [14, s. 37].

Бывший профессор ряда польских вузов, д-р ист. наук З. Вроняк (1927–2021) в монографии «Политика Польши в отно-

[1] «Пакт четырех» – название договора 1933 г. между Италией, Великобританией, Германией и Францией, направленного на политическое сотрудничество с целью устранения угрозы войны в Европе.

шении Франции в 1925–1932 гг.» [30] проводит идею об особой роли Польши во французской системе антигерманских союзов. И это сочетается с его убеждением в исключительно антигерманской направленности польско-французского договора. Он также считает, что Франция была гарантом независимости Польши (изначально таковой была и Великобритания. – *О.Б.*) и справедливо полагает, что достигнутое в Локарно франко-германское сближение оказало крайне негативное влияние на польско-французские отношения. Кроме того, Вроняку принадлежит вывод о зависимости внешней политики Польши 1925–1932 гг. от великих держав, которую сами поляки представляли независимой [30, s. 84].

Профессор, д-р ист. наук М. Паштор (Институт международных отношений Варшавского университета) в своей работе «Польша в глазах французских правительственных кругов в 1924–1939 гг.» [25] делает попытку подвергнуть комплексному анализу все вопросы польско-французских отношений межвоенного периода. Это первый польский труд по рассматриваемой проблематике, в котором основное внимание уделяется французской стороне. Автор пишет о месте Польши во внешней политике Франции, об отношении французов к Пилсудскому и Беку и т.д. Паштор делает значимый вывод о том, что Франция стремилась сохранить свои позиции на международной арене и территориальные приобретения, в том числе методом дипломатического шантажа, который выражался в демонстративном укреплении связей с Польшей [25, s. 30]. Важной представляется нам информация исследовательницы о поддержке французами ревизии польско-германской границы в начале 1930-х годов. Данный вопрос поднимался открыто, поляки знали позицию Франции [25, s. 43–44].

Учитывая поддержку Францией германского ревизионизма, Польша уже не могла рассчитывать на безоговорочную помощь Парижа в случае нападения Германии. Рассуждения на эту тему присутствуют в работе историка Т. Кузьминьского «Польша, Франция, Германия, 1933–1935: из истории польско-французского союза» [23]. Вызывает интерес его вывод о том, что поддержка Францией реваншистски настроенной Германии парадоксальным образом сочеталась со всплеском пацифизма у французов, и Париж стремился избежать тотальной войны [23, s. 73–74].

Еще одна польская исследовательница М. Гмурчык-Вроньская в своей монографии «Польша – ненужная союзница Франции? (Франция и Польша в 1938–1944 годах)» ставит перед читателями вопрос, предполагающий разные варианты ответов: имел ли польско-французский союз самостоятельное значение или он обретал смысл только в контексте германо-советских отношений? [22, s. 5].

Заслуживают внимания работы постоянного представителя Польской академии наук при РАН М. Волоса «Внешняя политика Польши на фоне международных событий в Европе в 1924–1932 гг. (ключевые проблемы)» [3] и «Франция – СССР. Политические отношения в 1924–1932 годах» [29]. Он справедливо полагает, что гарантирование французами только западных границ Германии в 1925 г. «серьезно ослабляло значение союзнического договора от 1921 г.» [3, с. 61]. Вызывает интерес его умозаключение о причинах, по которым Франция в 1927 г. выразила желание выстраивать политический треугольник Париж–Варшава–Москва. Волос считает, что это должно было заставить Польшу отказаться от идей военно-политического сотрудничества с прибалтийскими государствами и коллективного договора о ненападении [29, s. 219].

Из новых публикаций следует выделить статью сотрудника Варминьско-Мазурского университета в Ольштыне Т. Гайовника «Российско-французские отношения накануне подписания пакта о ненападении в 1932 г. в свете польских военных факторов» [21]. Автор делает вывод об осведомленности поляков о внешнеполитических планах французских властей. Он утверждает, что еще до подписания Парижем пакта с Москвой Пилсудский прочитал намерения французских властей, которые наряду с попыткой сблизиться с СССР старались достичь сближения и с Германией [21, s. 138]. И не случайно в июле 1932 г. на Лозаннской конференции Германию де-факто освободили от репарационных обязательств в отношении Франции и Великобритании. 29 ноября 1932 г. был подписан советско-французский договор о ненападении, усиливший влияние Франции в Центрально-Восточной Европе. С точки зрения Польши, он мог иметь негативные последствия для нее, поэтому поляки пристально наблюдали за переговорным процессом. В августе 1931 г. советская и французская стороны парафировали проект пакта о ненападении, что стало неприятным сюрпри-

зом для Варшавы. По мнению Гайовника, для того чтобы компенсировать себе существенное ослабление союза с Францией, Пилсудский добился подписания аналогичного пакта о ненападении с Москвой в июле 1932 г. [21, s. 138].

Отдельные исследователи делают упор на роль Бека в польско-французских отношениях. Так, историк и публицист Е. Хочиловский в биографической книге «Первым делом Польша. О Юзефе Беке» [16] обвиняет его в дипломатических просчетах, в частности, в переоценке внешнеполитической ориентации на Англию и Францию, которые бросили Польшу в ее борьбе с нацистской Германией [16, s. 8]. Автор прав в том, что эти страны не стали вмешиваться в очередной раздел Польши.

В работе выдающегося польского историка, бывшего профессора Ягеллонского университета Х. Батовского (1907–1999) «Между двумя войнами 1919–1939» также уделяется внимание польско-французским отношениям [12]. Автор рассматривает союзнический договор 1921 г., поддержку Варшавы Парижем по вопросу о Верхней Силезии и др. Нельзя не согласиться с его выводом о том, что Польша не желала принимать участие в коллективных проектах, особенно в тех, где участвовал СССР, в частности в Восточном пакте, одним из инициаторов которого была Франция [12, s. 222].

Заслуживает внимания монография польского историка-эмигранта П.С. Вандыча «Сумерки французских восточных союзов, 1926–1936. Французско-чехословацко-польские отношения от Локарно до ремилитаризации Рейнской области» [28] и его статья «Полковник Бек и французы: корни вражды» [27]. Книга содержит огромный блок информации о международных отношениях межвоенного периода и участии в них Франции и Польши. В ней, в частности, приводится мнение французского министра иностранных дел А. Бриана о позиции Польши после Локарно. В личных беседах министр говорил, что она не изменилась [28, p. 25]. Это дает историкам пищу для размышления, поскольку на деле позиция Польши значительно ослабла. Тем не менее автор справедливо отмечает, что у поляков не было возможности однозначно принять сторону Франции в период ее спора с Великобританией по вопросу о границе Рейнской области и оккупации Рура, поскольку выполнение постановлений Версальского договора Вар-

шава связывала как с Францией, так и с Великобританией [28, p. 272]. В статье Вандыч приводит материалы французского МИД, свидетельствующие о том, что французы изначально были против назначения Бека военным атташе и просили польское руководство найти другую кандидатуру на эту должность [27, p. 117–120]. Из работы автора причины неприязни Парижа к поляку не вполне ясны, но можно предположить, что решающую роль сыграл его антисоветский настрой, о чем, как мы уже писали, говорится в отечественной историографии.

Французская историография

Во французской историографии тоже имеются существенные труды, содержащие анализ польско-французских отношений межвоенного периода. В основном они посвящены более широкой проблематике – истории международных отношений и внешней политики Франции, как, например, работы Ж.-Б. Дюрозеля [20] и Ж. Нере [24]. Собственно польско-французские отношения рассматриваются в статье Ж.-А. Суту [26] и отчасти в трудах И. Давьён [17; 18] и книге Ф. Дессберга [19].

Для понимания политики Франции в отношении Польши особенно важен труд Ж.-Б. Дюрозеля «Франция и нацистская угроза: крах французской дипломатии в 1932–1939 годах». В нем ученый последовательно проводит свою идею о том, что крах французской дипломатии был связан с неспособностью Парижа отстаивать фундаментальные основы Версальского договора и держать Германию в режиме ограничений. В монографии есть важная информация о событиях, ставших прологом к «Пакту четырех», например, предложение немцев об установлении контактов между немецким и французским генеральными штабами, сделанное в 1932 г. [20, p. 10]. Автор приводит целый ряд фактов, имеющих прямое отношение к польско-французским связям. Так, Дюрозелю удалось выяснить, что некоторые политические круги в Польше и Франции считали, что Восточный пакт означает возвращение к довоенной политике союзов и концерту великих держав [20, p. 77].

В книге И. Давьён «Мой сосед, этот враг. Французская политика безопасности и польско-чехословацкие отношения между

1919 и 1939 гг.» и статье профессора Ж.-А. Суту (Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна) «Франко-польский союз (1925–1933), или как от него избавиться?» приводится схожая точка зрения, согласно которой французская система договоров со странами Центрально-Восточной Европы представляла собой совокупность союзов, направленных против Германии, а не «систему безопасности». Что касается восточноевропейских союзников Франции, то они решали собственные проблемы безопасности.

В статье И. Давьён «Как существовать в центре Европы? Стратегические франко-польские отношения между 1918 и 1939 годами» содержится вывод о том, что внешняя политика Франции в межвоенный период была направлена на создание «тыловых союзов», которые должны были стать «стержнем безопасности европейского континента» [17, p. 55].

В монографии доктора истории (PhD) Ф. Дессберга «Невозможный треугольник: франко-советские отношения и польский фактор в вопросах безопасности в Европе (1924–1935)» большое внимание уделяется сближению Франции и СССР и польскому фактору в этом процессе. Автор справедливо подчеркнул стремление Пилсудского включить Советскую Россию в польско-французскую военную конвенцию 1921 г. как возможного агрессора [19, p. 164]. Он понимает, что маршал имел серьезные опасения в отношении советской стороны, которая не могла смириться с потерей Западной Белоруссии и Западной Украины в ходе польско-советской войны. Дессберг полагает, что причиной ослабления франко-польского союза стала перспектива франко-советского сближения, ставшая очевидной в 1924 г. [19, p. 368]. С этим утверждением исследователя можно поспорить, поскольку сближение между Парижем и Москвой наметилось, на наш взгляд, лишь в начале 1930-х годов.

В монографии Ж. Нере «Внешняя политика Франции с 1914 по 1945 год» анализируются основные внешнеполитические проблемы Франции. К ним автор относит безопасность, создание «тыловых» союзов, разоружение Германии и репарации – последние две оказали, по мнению Нере, влияние на усиление франко-германского противостояния [24, p. 31]. Делается также вывод о роли Польши в провале планов по заключению Восточного пакта –

польское руководство неверно оценивало текущую ситуацию и раздувало конфликты со всеми соседями.

Заключение

Таким образом, в отечественной и зарубежной исторической литературе осуществлен комплексный анализ основных вопросов польско-французских отношений 1921–1939 г. В этом особенно преуспели польские историки – авторы наиболее значимых работ в данной области (Х. Булхак, З. Вроняк, М. Паштор и др.).

Все исследователи считают, что отношения между Польшей и Францией развивались по одной схеме: зарождение антигерманского союза в 1921 г. и его активная деятельность до принятия «плана Дауэса» и подписания Локарнских соглашений, уменьшение его значимости после этих событий и чисто формальное существование до начала Второй мировой войны. Заключившие союзнический договор стороны в 1930-е годы начали проводить взаимный зондаж с целью проверить надежность своего союзника. Дипломатическое противостояние в рамках польско-французского союза и изменения международной ситуации сделало его формальным, показав, что нежелание отдельных стран решать свои проблемы мирным путем и без территориальных приращений приводит к военным катастрофам.

В российской историографии польско-французские отношения 1921–1939 гг. не охвачены в полной мере. Тем не менее работы, касающиеся событий 1930-х годов, отличаются высокой информативностью и дают представление обо всех узловых моментах вышеуказанных отношений. Отечественные исследователи считают, что ослабление польско-французского союза было связано с целым рядом причин. Во-первых, с тем, что Франция не видела в Польше равного партнера, а Варшава не собиралась прощать Парижу недооценку ее веса на международной арене. Во-вторых, с фигурой Юзефа Бека, карьера которого в Париже изначально не задалась: в годы работы военным атташе он был признан «персоной нон-грата», а во время его пребывания в должности министра иностранных дел французы контактировали с ним лишь по долгу службы. В конце 1930-х годов система «тыловых союзов» утратила для Франции прежнее значение, поскольку Париж начал

поддерживать ревизионистские стремления Германии и принял участие в Мюнхенском сговоре.

В зарубежных работах встречаются утверждения о том, что причиной ослабления польско-французского союза стала перспектива франко-советского сближения, либо гарантирование Францией только западных границ Германии на Локарнской конференции. М. Паштор считает, что Париж начал открыто поддерживать немецкий ревизионизм, в частности притязания Берлина на польские земли, еще в начале 1930-х годов. А польский историк-эмигрант П.С. Вандыч делает вывод о том, что фигура Бека изначально не устраивала французов даже в качестве военного атташе, а не только министра иностранных дел.

Французские исследователи изучают польско-французские контакты на широком фоне международных отношений в Европе. И. Давьён и Ж.-А. Суту полагают, что восточноевропейские союзники Франции основное внимание уделяли собственным проблемам, а Ж. Нере обвиняет Польшу в неверной оценке текущей ситуации и провале Восточного пакта.

Список литературы

1. Борисёнок Ю.А., Кузьмичёва А.Е. Министр иностранных дел межвоенной Польши Юзеф Бек // Новая и новейшая история. – 2018. – № 2. – С. 179–196.
2. Вершинин А.А. В лабиринте коллективной безопасности: советская дипломатия и происхождение советско-французского пакта о взаимопомощи // Российская история. – 2022. – № 5. – С. 177–195.
3. Волос М. Внешняя политика Польши на фоне международных событий в Европе в 1924–1932 гг. (ключевые проблемы) // Вестник Омского университета. – 2011. – № 1 (59). – С. 60–67.
4. Гришин Я.Я. Польско-французские отношения в свете визита маршала Рыдз-Смиглы в Париж (30 августа – 6 сентября 1936 г.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Международные отношения. Политология. Регионоведение. – 2004. – № 1. – С. 123–128.
5. Кузьмичёва А.Е. Варшава или Москва? Зондажный визит Луи Барту в Польшу // Славянский альманах. – 2016. – № 1/2. – С. 126–135.
6. Кузьмичёва А.Е. Концепция превентивной войны в контексте польско-французского союза (1933–1934) // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. – 2018. – № 1. – С. 32–50.
7. Кузьмичёва А.Е. «Нон грата» в Париже: Юзеф Бек // Вестник Вологодского государственного университета. Сер. Гуманитарные, общественные, педагогические науки. – 2017. – № 1 (4). – С. 17–19.

8. Кузьмичёва А.Е. Французский фактор в политике «равноудаленности» Юзефа Бека в 1935–1936 гг / Вынужденное соседство – добровольное приспособление в дипломатических и межнациональных отношениях в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XVIII–XXI вв.: сб. статей. – Москва; Санкт-Петербург: Ин-т славяноведения РАН, 2017. – С. 254–266. – (Центральноевропейские исследования).
9. Обичкина Е.О. Французская дипломатия 1938–1939 гг.: от «умиротворения» к «сдерживанию», или политика гарантий // Вестник МГИМО-Университета. – 2009. – № 4. URL: https://www.vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/2716/2228
10. Офицеров Д.В. Польско-германское сближение в 1933 году и вопрос о превентивной войне // Вестник Пермского университета. Сер. История. – 2003. – № 4. – С. 40–45.
11. Тайны дипломатии Третьего Рейха: германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. 1944–1955 / отв. ред. В.С. Христофоров; вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. – Москва: МФД, 2011. – 880 с.
12. Batowski H. Między dwiema wojnami 1919–1939. – Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2001. – 576 s.
13. Bułhak H. Polska-Francja: z dziejów sojuszu 1922–1939. Cz. I (1922–1932). – Warszawa: Wydawn. Fundacji “Historia pro Futuro”, 1993. – 320 s.
14. Bułhak H. Polska-Francja: z dziejów sojuszu 1933–1936. – Warszawa: Wydawn. Fundacji “Historia pro Futuro”, 2000. – 178 s.
15. Ciałowicz J. Polsko-francuski sojusz wojskowy 1921–1939. – Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1970. – 421 s.
16. Chociłowski J. Najpierw Polska. Rzecz o Józefie Becku. – Warszawa: Iskry, 2019. – 256 s.
17. Davion I. Comment exister au centre de l’Europe? Les relations stratégiques franco-polonaises entre 1918 et 1939 // Revue historique des armées. – 2010. – № 260. – P. 54–64.
18. Davion I. Mon voisin, cet ennemi. La politique de sécurité française face aux relations polono-tchecoslovaques entre 1919 et 1939. – Bruxelles: P.I.E. Peter Lang S.A., 2009. – 472 p.
19. Dessberg F. Le triangle impossible. Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). – Bruxelles: P.I.E. Peter Lang S.A., 2009. – 440 p.
20. Duroselle J.-B. France and the Nazi threat: the collapse of French diplomacy 1932–1939. – New York: Enigma Books, 2004. – 545 p.
21. Gajownik T. Stosunki rosyjsko-francuskie w przededniu podpisania paktu o nieagresji w 1932 roku w świetle polskich czynników wojskowych // Przegląd Wschodnioeuropejski. – Olsztyn, 2020. – N 11, vol. 1. – S. 135–145.
22. Gmurczyk-Wrońska M. Polska – niepotrzebny aliant Francji? (Francja wobec Polski w latach 1938–1944). – Warszawa: Neriton, 2003. – 547 s.

23. Kuźmiński T. Polska, Francja, Niemcy, 1933–1935: z dziejów sojuszu polsko-francuskiego. – Warszawa: Państw. wydawn. naukowe, 1963. – 257 s.
24. Néré J. The foreign policy of France from 1914 to 1945. – London: Routledge, 1975. – 366 p.
25. Pasztor M. Polska w oczach francuskich kół rządowych w latach 1924–1939. – Warszawa: Wydawn. Akademickie Dialog, 2015. – 354 s.
26. Soutou G.H. L'alliance franco-polonaise (1925–1933) ou comment s'en débarrasser? // Revue d'histoire diplomatique. – 1981. – P. 259–348.
27. Wandycz P.S. Colonel Beck and the French: Roots of animosity // The International History Review. – 1981. – Vol. 3, N 1. – P. 115–127.
28. Wandycz P.S. The twilight of French eastern alliances 1926–1936: French-Czechoslovak-Polish relations from Locarno to the remilitarization of the Rhineland. – Princeton: Princeton University Press, 1988. – 537 p.
29. Wołos M. Francja – ZSRR. Stosunki polityczne w latach 1924–1932. – Toruń: A. Marszałek, 2004. – 674 s.
30. Wroniak Z. Polityka polska wobec Francji w latach 1925–1932. – Poznań: Wydawn. Naukowe Uniwersytetu im. A. Mickiewicza, 1987. – 223 s.

УДК 327.323.31; 329.14; 94(510).091 DOI: 10.31249/hist/2024.03.06

ЕМЕЛЬЯНОВА Е.Н.* ОТНОШЕНИЯ КОМИНТЕРНА И ГОМИНЬДАНА В ПЕРИОД КИТАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1925–1927 гг. (Часть 1)

Аннотация. В статье рассматриваются события Китайской революции 1925–1927 гг. Анализируются проблемы участия Коминтерна в поддержке национально-революционного движения в Китае, создания союза Коммунистической партии Китая и партии Гоминьдан, борьба между «левыми» и «правыми» в коммунистическом движении по вопросам задач Китайской революции и союзников в ней. В данной публикации особое внимание уделяется сотрудничеству Коминтерна, КПК и ГМД в период с 1925 г. по апрель 1927 г., когда произошел разрыв между бывшими союзниками. Анализируются причины конфронтации, начавшейся между компартией и «правым» Гоминьданом. Подводятся итоги, исследуются причины поражения КПК.

Ключевые слова: Китайская революция 1925–1927 гг.; Гоминьдан; Коммунистическая партия Китая; Коминтерн; национально-освободительное движение в Китае.

EMELYANOVA E.N. Relations between the Comintern and the Kuomintang during the Chinese Revolution of 1925–1927. (Part 1)

Abstract. The article examines the events of the Chinese Revolution of 1925–1927. The problems of the participation of the Comintern in supporting the national revolutionary movement in China, the creation of the union of the Communist Party of China and the

* Емельянова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); e.n.emelyanova@mail.ru

Kuomintang Party, the struggle between the "left" and "right" in the communist movement on the issues of the tasks of the Chinese revolution and allies in it are analyzed. The article pays special attention to the cooperation of the Comintern, the CCP and the KMT during the period from 1925 to April 1927, when a break occurred between the former allies. The reasons for the confrontation that began between the Communist Party and the "right-wing" Kuomintang are analyzed. The results are summed up and the reasons for the defeat of the CCP are examined.

Keywords: Chinese Revolution of 1925–1927; the Kuomintang; the Communist Party of China; the Comintern; the national liberation movement in China.

Для цитирования: Емельянова Е.Н. Отношения Коминтерна и Гоминьдана в период Китайской революции 1925–1927 гг. (Часть 1) (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 3. – С. 106–124. – DOI: 10.31249/hist/2024.03.06

История взаимоотношений России и Китая сегодня вызывает особый интерес. Взаимодействие Китайской коммунистической партии (КПК) и советского руководства началось еще в 1920-е годы и особенно активным было в период Китайской революции 1925–1927 гг.

В связи с открытием архивов и опубликованием неизвестных документов современные историки большое внимание уделяют новым темам, ранее недоступным для исследования: влиянию директив III Интернационала и ВКП(б) на позицию молодой Китайской компартии; причинам образования и распада союза Гоминьдана (ГМД) и КПК; обратному влиянию событий Китайской революции на борьбу в руководстве Коминтерна и ВКП(б). Данные проблемы отражены в работах А.Ю. Ватлина [2], Н.Л. Мамаевой [9], А.В. Панцова [10] и других историков [1; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 11; 12; 13]. Однако геополитический аспект борьбы различных политических сил в Китае пока недостаточно изучен и требует новых исследований.

Освещению событий той революционной эпохи и посвящена данная статья. Главное внимание в этой части работы уделяется политике Коминтерна, КПК и ВКП(б) по отношению к ГМД и его

лидеру Чан Кайши в период с 1925 по апрель 1927 г., т.е. рассматривается время наиболее активного сотрудничества указанных организаций до распада их союза.

Коминтерн и Гоминьдан в начальный период революции (1925 – лето 1926 г.)

В 20-е годы XX в. перед Китаем стояла задача национального объединения. СССР поддерживал эту идею. Китай представлял тогда страну, в которой враждебные друг другу милитаристские группировки боролись за власть. На северо-востоке Китая в Манчжурии господствовал ставленник Японии Чжан Цзолинь. В Пекине и центральном Китае до 1925 г. правил У Пейфу, который находился под полным контролем Англии. Его правительство считалось официальной властью в Китае. СССР, который тогда добивался международного признания, в мае 1924 г. подписал с пекинским центральным правительством соглашение о восстановлении дипломатических отношений на равноправных условиях[1]. Как считают некоторые авторы, большую роль в этом сыграл Сунь Ятсен [см. 3, с. 14–32]. Советский Союз отказывался от российских концессий в Харбине, Тяньцзине и Ханькоу, устанавливал совместное с Китаем управление КВЖД вплоть до выкупа железной дороги китайской стороной. Еще одним крупным правителем в Китае был Фэн Юйсян. Вскоре он, как и Сунь Ятсен, переориентировался на Советскую Россию, которая помогала ему деньгами и вооружением.

Коминтерн и ВКП(б) особенно поддерживали национальное движение на юге Китая во главе с Сунь Ятсеном, который возглавлял партию Гоминьдан и проводил политику дружбы и сотрудничества с СССР. 26 января 1923 г. он и советский дипломат А.А. Йоффе опубликовали коммюнике о взаимодействии правительств Советского Союза и ГМД. Под влиянием Коминтерна КПК на своем III съезде в июле 1923 г. приняла решение о вхождении своих чле-

[1] Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой, заключенное в Пекине 31 мая 1924 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. II. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1924 года и 1 января 1925 года. – Москва: Литиздат Н.К.И.Д., 1925. – С. 16–19.

нов одновременно и в КПК, и в ГМД. Был создан союз двух партий, который объединял все демократические слои населения в целях борьбы за демократию и национальное единство Китая. Эта политика отражала решения II конгресса Коммунистического интернационала (1920 г.) о союзе компартий с национальной буржуазией в странах Азии в борьбе с «международным империализмом». Она соответствовала и внешнеполитическим интересам СССР, и интересам национальных движений азиатских государств. В тот период Коминтерн считал своей главной задачей создание в странах Азии национальных правительств, лояльных Советскому Союзу.

В качестве компромисса Сунь Ятсен в манифесте на I съезде ГМД в январе 1924 г. дополнил свои знаменитые «три народных принципа» – «национализм, демократизм и народное благоденствие» – еще тремя политическими установками: «союз с КПК, союз с СССР, поддержка рабочих и крестьян». Но Сунь-Ятсен отказался признать задачей аграрной революции конфискацию земель, допускал самостоятельность Монголии только до победы ГМД и выступал за объединение всего Китая под своей властью. Коминтерн и Советское правительство согласились с этими условиями, не отрицая также и возможности передачи КВЖД Китаю после победы китайской революции.

На должность советника ЦИК ГМД и кантонского правительства был приглашен член Исполкома Коминтерна (ИККИ) М.М. Бородин. Он координировал действия советских военных и политических советников. Осенью 1923 г. в Москву прибыла миссия во главе с Чан-Кайши для того, чтобы получить от СССР военную и политическую поддержку ГМД. Чан Кайши тогда придерживался весьма левых взглядов, что подтолкнуло Бородина выдвинуть его на лидирующие позиции в армии ГМД [см.: 6, с. 301].

Коминтерн, Политбюро ЦК ВКП(б) и его китайская комиссия разрабатывали конкретные вопросы национально-освободительного движения в Китае, куда были направлены инструкторы и советники, выделялись средства и оружие для Народной револю-

ционной армии (НРА). Все эти мероприятия осуществлялись тайно[1].

В 1924 г. обострились отношения между У Пейфу и Чжан Цзолинем. В этих условиях Фэн Юйсян, благодаря военной и политической поддержке СССР, отошел от У Пейфу и заявил о своей солидарности с ГМД.

В мае 1925 г. в Шанхае по приказу англичан была расстреляна демонстрация студентов и рабочих. Это послужило толчком ко всеобщей забастовке и стало началом революции. 1 июля 1925 г. правительство в Кантоне объявило себя Национальным правительством Китайской республики. Под руководством В.К. Блюхера, возглавлявшего группу военных советников, была создана новая Народная революционная армия и разработан план Северного похода, задачей которого было свержение пекинского правительства, изгнание империалистических держав и объединение Китая.

Рост антиимпериалистического движения и обострение революционной ситуации в Китае в середине 1920-х годов заставило Коминтерн проводить более активную политику по поддержке революционно-демократических сил. Китайская компартия, руководство III Интернационала и ВКП (б) ожидали, что развитие революционных событий в Китае приведет к демократической революции, которую рассматривали как часть мировой революции. И.В. Сталин, все больше претендовавший на руководство Коминтерном, сделал вывод об изменении характера революционного процесса в ряде восточных стран. Он пришел к мысли «о том, что революционное движение в “промышленно развитых и развивающихся колониях”, т.е. в Индии, Китае и Египте, к маю 1925 г. уже встало перед неотложной необходимостью разрешить те же задачи, которые стояли перед российским революционным движением накануне 1905 г.» [10, с. 130–131]. *То есть, советское руководство полагало, что Китай стоит перед перспективой демократической революции, возглавить которую должны были КПК и ГМД.* Таким образом, параллельно с задачами национального освобождения, Китайская компартия в союзе с ГМД должна была

[1] См.: Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. Документы / Федер. архив. служба России, Рос. гос. архив соц.-полит. Истории; отв. ред. Г.М. Адибеков. – Москва: РОССПЭН, 2004. – С. 314.

перейти к созданию дружественного СССР революционно-демократического правительства.

В своей речи «О политических задачах Университета народов Востока», произнесенной на юбилейном собрании студентов и преподавателей КУТВ 18 мая 1925 г., Сталин говорил уже не просто о союзе КПК и ГМД, а о необходимости создания единой революционно-демократической партии. «От политики единого национального фронта коммунисты должны перейти в таких странах (как Египет и Китай. – *Е.Е.*) к политике революционного блока рабочих и мелкой буржуазии. Блок этот может принять в таких странах форму единой партии, партии рабоче-крестьянской, вроде “Гоминьдан”, с тем, однако, чтобы эта своеобразная партия представляла на деле блок двух сил – коммунистической партии и партии революционной мелкой буржуазии»[1], – утверждал лидер ВКП(б).

Эти установки нашли отражение в работе VI расширенного пленума Исполкома Коминтерна, состоявшегося в феврале – марте 1926 г. Перед КПК ставилась задача не только перевести борьбу за национальное освобождение Китая на новый этап – демократической революции, но и начать борьбу за решающее влияние в ГМД.

Осенью 1925 г. КПК и Коминтерн сделали ставку на свержение пекинского правительства силами «национальных армий». В октябре 1924 г. Фэн Юйсян организовал переворот в Пекине. После поражения У Пейфу[2] Фэн Юйсян претендовал на управление Пекином и центральным Китаем. Однако в конце 1925 г. Чжан Цзолинь[3] вытеснил Фэн Юйсяна из Пекина и подчинил правительство себе [см. 7, с. 110]. После ряда поражений в конце 1925 – начале 1926 г. Фэн Юйсян уехал в СССР за более масштабной военной поддержкой. В том же 1926 г. он вступил в ГМД.

В начале 1926 г. в Китае были две крупные силы: на севере – армия прояпонски настроенного Чжан Цзолиня, и на юге – Народно-революционная армия Чан Кайши, ориентировавшегося на

[1] Правда. 22 мая 1925 г.

[2] Глава чжилийской клики милитаристов У Пейфу окончательно был разбит Народно-революционной армией в 1926 г.

[3] Чжан Цзолинь – глава фэнтяньской клики милитаристов, в 1922–1924 гг. и 1924–1928 гг. контролировал Пекинское правительство. В 1928 г. разбит частями НРА.

СССР. Большая часть центрального Китая была занята остатками армии У Пейфу.

На II съезде ГМД в начале 1926 г. представители КПК заняли ряд важных постов в ЦИК ГМД. Рост влияния Москвы на ГМД и намерение Коминтерна превратить его в «народно-революционную», «рабоче-крестьянскую партию» усиливали позиции коммунистов в партии.

1925 – начало 1926 г. – время наиболее тесного сотрудничества ГМД с Коминтерном. В феврале 1926 г. ЦИК ГМД обратился в Президиум ИККИ с официальной просьбой о принятии этой партии в Коминтерн. На VI пленуме ИККИ один из руководителей ГМД Ху Ханьминь заявил: «Есть лишь одна мировая революция, и китайская революция является ее частью. Учение нашего великого вождя Сунь Ятсена совпадает в основных вопросах с марксизмом и ленинизмом... Лозунг Гоминьдана: за народные массы! Это значит: политическую власть должны взять в свои руки рабочие и крестьяне»[1].

После долгих обсуждений вопроса о приеме ГМД в Коминтерн большевистское руководство все же передало представителю ГМД Ху Ханьминю письмо, в котором предлагало отложить решение проблемы до очередного VI конгресса III Интернационала. Москва опасалась, что вступление ГМД в Коминтерн вызовет создание единого империалистического фронта против Китая и будет способствовать усилению враждебности к ГМД со стороны внутренней китайской контрреволюции, к тому же партия потеряет общенациональный характер[2]. Когда же VI конгресс собрался через два года, в 1928 г., проблема отпала сама собой из-за разрыва к тому времени отношений между ГМД и КПК.

В марте 1926 г. произошел инцидент, который в первый раз серьезно пошатнул союз КПК и ГМД. 20 марта 1926 г., во время отсутствия политического советника и представителя ИККИ Боро-

[1] Шестой расширенный пленум Исполкома Коминтерна (17 февраля – 15 марта 1926 г.). Стенографический отчет. – Москва; Ленинград, 1927. – С. 8.

[2] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 2. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1926–1927: в 2 ч. Ч. 1. Документы / Рос. центр хранения и изучения док. новейшей истории, Ин-т Дальнего Востока РАН, Восточноазиатский семинар Свобод. ун-та Берлина; Ред. коллегия: М.Л. Титаренко, М. Лёйтнер и др. – Москва: Буклет, 1996. – С. 131–132.

дина, в Кантоне была устроена провокация, истолкованная Чан Кайши как намерение группы коммунистов его арестовать. В ответ Чан Кайши посадил под домашний арест советских советников и удалил коммунистов с руководящих постов в армии. Вернувшийся в Кантон Бородин способствовал урегулированию ситуации, советники были отпущены. Но соотношение сил изменилось. Чан Кайши занял лидирующие позиции в ГМД. Являясь главнокомандующим НРА, он возглавил военную комиссию ЦИК ГМД и сосредоточил в своих руках огромную власть. Коммунисты были устранены с наиболее важных постов в ГМД. Влияние их снизилось. А главное, как позднее вспоминал Бородин, появилась трещина между Чан Кайши, теперь уже представлявшим национальную буржуазию в ГМД, и коммунистами, претендовавшими на выражение интересов рабочих, крестьян и мелкой буржуазии. Между «центром» и «левым» флангом ГМД началась внутренняя борьба[1].

Тем не менее сталинское Политбюро приняло решение не рвать с Чан Кайши и пойти ему на уступки для сохранения единого фронта. Поэтому оно скрыло инцидент 20 марта 1926 г. от общественности и приняло в начале апреля 1926 г. резолюцию, в которой по предложению Сталина говорилось: «Правительство Кантона [Гуанчжоу] должно на ближайший период сосредоточить все свои усилия на внутреннем укреплении республики путем проведения надлежащих аграрных, финансовых, административных и политических реформ, путем вовлечения широких народных масс в политическую жизнь Южнокитайской республики и путем укрепления ее внутренней обороноспособности. Правительство Кантона должно в нынешний период отклонять мысль о военных экспедициях наступательного характера и вообще о таких действиях, которые могли бы толкнуть империалистов на путь военной интервенции» [цит. по: 10, с. 136].

Сталин был против уже готовившегося Северного похода Народной армии. Некоторые исследователи считают, что причиной стало его опасение, что «продвижение армии Гоминьдана на север неизбежно ограничит возможности радикализации гуанчжоуского режима под предлогом военной обстановки» [10, с. 137].

[1] См.: Там же. С. 911.

Но мы полагаем, что Сталин не хотел военной эскалации, поскольку это могло вызвать интервенцию великих держав в Китай и, следовательно, потребовало бы военного вмешательства со стороны СССР в поддержку ГМД. Ввязываться в войну Сталин не хотел. Это сильно осложнило бы международное положение Советского Союза. КПК и ГМД должны были победить самостоятельно. Политбюро Сталина поддержало. Как и тезис о том, что коммунисты не должны выходить из ГМД.

Оппозиция в ВКП(б) (Г.Е. Зиновьев, К. Радек и Л.Д. Троцкий) в тот момент тоже не возражала против такого решения. Только во второй половине апреля 1926 г. Троцкий[1], нацеленный на форсирование революции в Китае, обратился в Политбюро с предложением об организации выхода КПК из ГМД. Однако это предложение не было принято. 29 апреля 1926 г. Политбюро утвердило закрытое постановление по проблемам единого фронта в Китае. В нем говорилось, что разрыв КПК с ГМД признается совершенно недопустимым.

В мае 1926 г., возражая против масштабного Северного похода, Политбюро все же одобрило посылку небольшого экспедиционного корпуса Национально-революционной армии Китая «для защиты провинции Хунань как подступа к Гуандуну, с тем, однако, чтобы войска не распространялись за пределы этой провинции» [10, с. 138–139]. Одновременно было принято решение об увеличении помощи КПК, отправке людей и денег. КПК рекомендовалось усилить работу в ГМД и изолировать «правых» гоминьдановцев.

В отличие от большинства членов Политбюро, Троцкий поддерживал идею Северного похода. Еще 18 марта 1926 г. в «Конспекте к заседанию Политбюро» он обдумывал план продвижения ГМД против северных милитаристов [см.: 10, с. 160].

Начало Северного похода

Северный поход, начавшийся летом 1926 г. и закончившийся в 1928 г., стал главным событием китайской революции 1925–1927 гг.

[1] Троцкий был членом Политбюро Центрального комитета большевистской партии до октября 1926 г. и членом ЦК до октября 1927 г.

Несмотря на негативную позицию Сталина, он все же состоялся. Этот поход был направлен против господства «английского империализма» в Китае[1].

В начале июля 1926 г. национальная армия под предводительством Чан Кайши и при поддержке советских военных советников выступила из Кантона. Большую роль в этот период играла работа Военного отдела (ВО) ЦИК КПК, который был создан в декабре 1925 г. Председателем отдела был один из основателей КПК Чжан Готао, его заместителем – еще один лидер китайских коммунистов Ван Ифэй [5, с. 171].

В начале сентября 1926 г. НРА, поддержанная крестьянским движением, вступила в Ханькоу, а через несколько недель двинулась на Восток в Нанчань, чтобы потом идти на Шанхай. Только в ноябре 1926 г., когда при поддержке Бородина в Ухане было объявлено об образовании Национально-революционного правительства, советское руководство одобрило Северный поход.

Сталин должен был смириться с реальностью. Однако из-за перехода на сторону НРА части милитаристов влияние «правых» в ГМД усилилось. Чан Кайши все больше склонялся в их сторону. Летом 1926 г. большевики перестали рассматривать Чан Кайши в качестве «левого» руководителя ГМД и определили его как «центриста». Компартия Китая, по мнению некоторых исследователей, пока была не в силах противостоять «правым» в ГМД, тем более их вытеснить, как требовал Коминтерн. Поэтому Сталин пошел на уступки «правым» гоминьдановцам [см. 10, с. 139]. Руководство ВКП(б) и под его влиянием КПК тоже ненадолго повернули «вправо».

Лозунги коммунистов в июле 1926 г., принятые на III расширенном пленуме ЦИК КПК, были весьма умеренными. В крестьянском вопросе выдвигались только требования снижения арендной платы, ссудного процента, налогов.

26 октября 1926 г. Политбюро приняло директиву Дальневосточному бюро ИККИ в Шанхае, запретив развертывание борьбы против китайской буржуазии и феодальной интеллигенции, т.е. против «правых» в ГМД. Объяснялось это тем, что пока опасность со стороны империалистов и севера существует, ГМД должен бе-

[1] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 2. Ч. 1. – С. 914.

речь всех своих возможных союзников и попутчиков. Подчеркивая важность союза с крестьянством, большевистское руководство предупреждало, что «немедленное развязывание гражданской войны в деревне, в обстановке разгара войны с империализмом и их агентами в Китае может ослабить боеспособность Гоминьдана»[1].

Но уже в ноябре 1926 г. VII расширенный пленум ИККИ (22 ноября – 16 декабря 1926 г.) принял весьма противоречивые решения. С одной стороны, в отличие от VI пленума (17 февраля – 15 марта 1926 г.) он дал новую социальную характеристику ГМД, определив его как блок четырех социальных групп: пролетариата, крестьянства, мелкой городской буржуазии и части капиталистической буржуазии, а не как «рабоче-крестьянскую партию»[2]. То есть ГМД, с точки зрения Коминтерна, должен был объединять все демократические слои населения.

Вместе с тем в резолюции обосновывалась мысль, что в процессе развития китайского революционного движения КПК добьется превращения ГМД в «подлинную партию народа», установит в нем свою гегемонию, а затем сформирует революционное антиимпериалистическое правительство, которое будет представлять собой демократическую диктатуру пролетариата, крестьянства и других эксплуатируемых классов[3]. Таким образом, под влиянием развития народного движения на территориях, захваченных Народно-революционной армией, Коминтерн повернул «влево». VII пленум ИККИ взял *курс на перерастание национальной революции в рабоче-крестьянскую, на проведение аграрной революции, заявил об ориентации на некапиталистическое развитие Китая и борьбу за гегемонию пролетариата*. Фактически ставилась задача завоевания коммунистами ГМД изнутри. Эти решения пересматривали стратегию II конгресса Коминтерна по восточному вопросу. Многие лидеры КПК были против левацких лозунгов, но им пришлось подчиниться Коминтерну.

[1] См.: там же. С. 497–498.

[2] Коммунистический Интернационал и китайская революция: документы и материалы / Ин-т Дальнего Востока АН СССР; отв. ред. М.Л. Титаренко. – Москва, 1986. – С. 92–93.

[3] Там же. С. 99, 94, 96.

Перспектива конфискации земель внесла раскол в ГМД. Центристы во главе с Чан Кайши качнулись в сторону союза с «правыми» феодальными кругами ГМД. Внутреннее противостояние между «центром», объединившимся с «правыми», и коммунистами в союзе с «левыми» гоминдановцами, обострилось. Бородин занял осторожную позицию, направленную на постепенное проведение аграрной революции без немедленного лозунга конфискации земель. Это отражало взгляды Н.И. Бухарина и Сталина. Представитель ИККИ М. Рой, защищая точку зрения «левых» в Коминтерне (Троцкого и Зиновьева), отстаивал курс на немедленную аграрную революцию снизу.

Троцкий, хотя и не настаивал на немедленном выходе КПК из ГМД, все же считал, что необходимо сохранять самостоятельность компартии. В условиях Северного похода оппозиция в Коминтерне и ВКП(б) не выступала открыто против сталинского большинства до 1927 г. Но ее скрытое противостояние партийному руководству привело к тому, что лидеры оппозиции в 1926 г. были исключены из Политбюро: Зиновьев – в июле; Троцкий и Каменев[1] выведены в октябре. 22 ноября 1926 г. Зиновьев был снят с поста председателя Исполкома Коминтерна.

Таким образом, благодаря уступкам Чан Кайши со стороны сталинско-бухаринского большинства, осенью – зимой 1926 г. Коминтерну, КПК и ГМД удавалось сохранить союзнические отношения. По личной просьбе Чан Кайши, переданной через его представителя Шао Лицзы, прибывшего в Москву в сентябре 1926 г., Президиум Исполкома Коминтерна с санкции Политбюро в январе 1927 г. «принял решение о взаимном обмене представителями между Коминтерном и Гоминьданом. По этому решению представитель ЦИК Гоминьдана (им стал Шао Лицзы) вводился в состав Президиума ИККИ с правом совещательного голоса» [10, с. 146].

К концу 1926 г. войска Национально-революционной армии достигли значительных успехов. Они разгромили основные группировки милитаристов в провинциях Хунань и Хубэй и вышли в долину реки Янцзы. Победа ГМД над феодальной реакцией в масштабах всей страны становилась очевидной. По мнению российских историков, это делало для Чан Кайши союз с КПК ненуж-

[1] Л.Б. Каменев являлся кандидатом в члены ПБ.

ным [10, с. 171]. Действительно, Чан Кайши еще в 1926 г. начал переговоры с Великобританией о заключении договора между ГМД и английским правительством.

К началу марта 1927 г. войска Национально-революционной армии подчинили своему контролю значительные районы Центрального и Восточного Китая. Правительство, возглавляемое «левыми» гоминьдановцами, переехало к тому времени из Гуанчжоу в г. Ухань. Революционное движение в Китае развивалось по нарастающей. 19 февраля 1927 г. начались волнения рабочих в Шанхае. Их всеобщая забастовка через несколько дней переросла в вооруженное восстание. Несмотря на то, что вскоре выступление было приостановлено, общая политическая ситуация становилась все более напряженной, что очень пугало «правых». Сталин попытался предотвратить их разрыв с КПК, Коминтерном и, следовательно, с СССР. Ставка была сделана на усиление «левых» в ГМД.

В начале марта 1927 г. вождь «левых» гоминьдановцев Ван Цзинвэй при содействии Москвы вернулся из Франции в Китай. Это неизбежно привело к расколу в ГМД, «левое» крыло которого, как справедливо полагали в Коминтерне и ВКП(б), усилилось. 3 марта 1927 г. Политбюро ЦК ВКП (б) по предложению своей китайской комиссии предложило КПК: а) развить рабочее и крестьянское движение, вовлечь рабочие массы в компартию, рабочие и крестьянские массы – в ГМД; б) «со всей энергией подводить под левый Гоминьдан крестьянскую, мелкобуржуазную и рабочую базу; в) ...вести курс на вытеснение правых гоминьдановцев, дискредитировать их политически и систематически снимать снизу с руководящих постов; г) ...усилить во что бы то ни стало продвижение левых гоминдановцев и коммунистов на кадровые посты в армии; д) …вести политику на овладение важнейшими постами в армии, приступая, где возможно, к созданию особо верных революции воинских частей; е) …усилить в армии работу гоминьдановских и коммунистических ячеек; ж) …держать курс на вооружение рабочих и крестьян, превращение крестьянских комитетов на местах в фактические органы власти с вооруженной самообороной и т.д.»[1]. КПК теперь предписывалось везде выступать под собственными лозунгами.

[1] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 2. Ч. 1. – С. 632–633.

Несмотря на то, что сталинское Политбюро стало леветь, оппозиция в ВКП(б), выступавшая за более решительный перевод Китайской революции на новый этап, весной 1927 г. приняла наконец решение начать открытую дискуссию со сталинистами. По ее мнению, с подчинением контролю НРА промышленных районов Восточного Китая национальная революция приближалась к своей окончательной победе. Они опасались «предательства» Чан Кайши. Единственный выход из создавшейся ситуации большинство оппозиционеров видело в немедленной активизации, расширении и радикализации китайского рабоче-крестьянского движения, в соединении китайской революции с массовым социальным переворотом. За образец бралась русская революция. Троцкий 22 марта 1927 г. предупреждал: «Можно не сомневаться, что, завладев громадными территориями, оказавшись лицом к лицу с гигантскими и труднейшими задачами, испытывая нужду в иностранных капиталах и сталкиваясь повсеместно с рабочими, национальное правительство Китая совершит резкий поворот направо – в сторону Америки, до известной степени и Англии. В этот момент рабочий класс окажется без руководства... Мы окажемся курицей, которая высидела утенка...»[1].

В конце марта 1927 г. Троцкий и Зиновьев выдвинули новый лозунг – создание Советов в Китае. Оппозиция требовала более решительных действий по переходу к социалистической революции. Зиновьев впервые сформулировал эту мысль 25 марта 1927 г. в процессе работы над «Тезисами по китайскому вопросу», предназначенными на рассмотрение предстоявшего пленума Центрального комитета ВКП(б). Бывший лидер Коминтерна изложил основные пункты программы китайских советов: «1) Национализация земли; 2) национализация железных дорог; 3) 8-часовой день для рабоч[их] (и ряд вольностей); 4) подлинная аграрная революция (а не только реформа), со всеми вытекающими отсюда последствиями; 5) конфискация китайских фабрик и заводов (крупных и средних); 6) в перспективе конфискация иностранных фабр[ик] и завод[ов] (концессий) – можно допустить “в принципе” выкуп

[1] Троцкий Л. По поводу китайской революции // Коммунистическая оппозиция в СССР, 1923–1927. Из архива Льва Троцкого: в четырех томах. Том 2. (1926–1927) / ред.-сост. Фельштинский Ю. – CHALIDZE PUBLICATIONS, 1988. – С. 200–202.

(чтобы смягчить на первых порах); 7) создание регулярной подлинно Красной армии; 8) вооружение рабочих; 9) аннулирование государственных долгов; 10) социальное равноправие (раскрепощение женщин и ets)» [цит. по: 10, с. 189–190]. Советы в Китае в то время Зиновьев и Троцкий рассматривали как органы демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Зиновьев и Радек выступили против выхода КПК из ГМД, Троцкий вынужден был пойти им навстречу.

Разрыв Чан Кайши с КПК

В марте 1927 г. конфликт между Бородиным, вынужденным выполнять полевевшие директивы Коминтерна, и Чан Кайши осложнился. Был взят курс на устранение Чан Кайши от власти. К этому времени Чан Кайши уже переориентировался на Англию. В начале 1927 г. было подписано соглашение между Великобританией и ГМД. 10–17 марта 1927 г. в Ухани состоялся III пленум ЦИК ГМД, который под влиянием Бородина снял Чан Кайши со всех постов в партии и ликвидировал пост главнокомандующего Народно-революционной армией. Пленум принял решение сформировать новый состав Национального правительства, в котором два поста (министра труда и министра сельского хозяйства) были предложены коммунистам – соответственно Су Чжаочжэну и Тань Пиншаню (последний являлся членом ЦИК КПК). Чан Кайши был вынужден заявить о поддержке этих решений. Все это усилило поляризацию в ГМД [см.: 10, с. 182–183].

16 марта 1927 г. на совещании в Ухане с участием Бородина уханьское правительство отдало приказ об аресте Чан Кайши по прибытии его в Нанкин. Но арест не состоялся. Чан Кайши не сошел на берег в Нанкине, а направился в Шанхай [см.: 5, с. 305].

В феврале – в марте 1927 г. Коминтерн санкционировал проведение рабочих восстаний в Шанхае, приуроченных к подходу к городу Народно-революционной армии. Восстание, вспыхнувшее 21 марта в Шанхае, на этот раз закончилось успехом. Местный милитарист Сунь Чуаньфан был свергнут. На следующий день в Шанхай вошли войска Народно-революционной армии. 23 марта был взят Нанкин [см.: 10, с. 183]. Целью последнего восстания в Шанхае 21–22 марта 1927 г. было создание в городе органов вла-

сти во главе с представителями левого Гоминьдана и коммунистов. Было образовано Собрание народных депутатов, в которое входили коммунисты, гоминьдановцы, представители рабочих и буржуазии. Оно было признанно Уханьским правительством.

Восстание в марте 1927 г. в Шанхае подтолкнуло Чан Кайши к окончательному разрыву с коммунистами и Уханьским правительством «левого» ГМД и КПК. Чан Кайши распустил Собрание и начал жесткое подавление рабочих выступлений, демонстраций и забастовок. Было убито и ранено около 300 человек [см.: 5, с. 175–176]. В своем стремлении порвать с Коминтерном Чан Кайши получил поддержку великих держав, прежде всего Англии, которая решила, что лучше с ним договориться [см.: 6, с. 112]. В своей дальнейшей политике Чан Кайши ориентировался на Японию, стремился заручиться поддержкой США[1].

В этой ситуации Москва попыталась улучшить отношения с недавним союзником, отказавшись от переведения революции на новый этап. Против разрыва с Чан Кайши были Бухарин и Сталин. По докладу Сталина и Карахана о Китае еще 10 марта 1927 г. ПБ ЦК ВКП(б) приняло решение послать Бородину для ГМД и в ЦК КПК за подписью Бухарина следующую телеграмму: «1) Оформление в Южном Китае двух центров, двух Гоминьданов, двух правительств и, значит, двух армий считаем опасным и недопустимым… 3) Считаем абсолютно необходимым тесное сотрудничество Гоминьдана и Компартии Китая, ибо убеждены, что без такого сотрудничества немыслимо освобождение Китая от гнета империализма и объединение Китая в единый народно-революционный Китай…»[2].

В конце марта 1927 г. советское руководство предлагало откликнуться на просьбу Чан Кайши и организовать его встречу с представителями ИККИ для урегулирования разногласий[3]. Но «левые» (Радек, Троцкий, Зиновьев) настаивали на немедленном разрыве с Чан Кайши и переводе китайской революции на новый социалистический этап: образование Советов[4].

[1] ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 2. Ч. 1. – С. 745–746.

[2] Там же. С. 643–644.

[3] Там же. С. 649.

[4] Там же. С. 651–652.

«Правые» в Коминтерне выступали за демократическую, антиимпериалистическую революцию в Китае. 28 марта 1927 г. ПБ ЦК ВКП(б) дало директиву в Шанхай «о недопустимости в данную минуту общей забастовки и восстания с требованием возврата концессии». «Обязываем вас, – говорилось дальше, – всячески избегать столкновений с Национальной армией в Шанхае и ее начальниками»[1]. А 31 марта 1927 г. ПБ ЦК ВКП(б) приняло решение послать Бородину в Китай телеграмму, где, в частности, говорилось: «Не считаете ли уместным пойти на некоторые уступки Чан Кайши, чтобы сохранить единство и не дать ему окончательно переметнуться на сторону империалистов»[2].

Но разрыв предотвратить уже не удалось. *12 апреля Чан Кайши осуществил переворот*: подавил все выступления рабочих, начал чистку от коммунистов и левых гоминдановцев местных органов власти. Компартия и профсоюзные организации были разгромлены. 18 апреля Чан Кайши организовал Национальное правительство в Нанкине. Такие же репрессии против коммунистов были проведены в Кантоне и других провинциях.

Чуть ранее, 6 апреля 1927 г., солдаты Чжан Цзолиня и полиция совершили налет на советское посольство в Пекине. Были арестованы советские граждане. Результатом стал разрыв отношений с Китаем. Это было поражение бухаринско-сталинской политики в Китае. Их ставка на союз КПК с национальным буржуазно-демократическим движением в лице партии ГМД и на создание совместного центрального демократического правительства Китая, ориентированного на СССР, потерпела крах. Неудача вызвала ожесточенное столкновение официального руководства Коминтерна с оппозицией на VIII пленуме ИККИ в мае 1927 г.

Часть историков видят причины разрыва союза ГМД и КПК в разных стратегических установках двух партий. Руководство компартии изначально планировало рано или поздно перевести буржуазно-демократическую революцию в Китае на новый этап – социалистический, по аналогии с Русской революцией 1917 г., а это никак не соответствовало теоретическим установкам ГМД, ориентировавшегося на демократическое развитие [см.: 9, с. 14].

[1] См.: ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. 2. Ч. 1. – С. 659.

[2] См.: там же. С. 658.

Другие исследователи полагают, что лидеры Гоминьдана изначально ставили задачу объединить Китай под своей властью и добиться признания великих держав. Чан Кайши использовал союз с КПК и Коминтерном в этих целях для давления на США и Англию. Успех Северного похода привел к реализации намеченных планов, и Чан Кайши разорвал союз с КПК, расправившись с многими ее руководителями [см.: 3, с. 14–32; 13, с. 42–43, 46–47].

С этого времени начался новый этап Китайской революции, сопровождавшийся острой борьбой в руководстве Коминтерна и КПК.

Список литературы

1. Батунаев Э.В. Монгольский вопрос в политике Коминтерна // Власть. – 2018. – Т. 26, № 4. – С. 106–112.
2. Ватлин А.Ю. Утопия на марше. История Коминтерна в лицах. – Москва: АФК «Система»: Политическая энциклопедия, 2023. – 896 с.
3. Герасимов Д.И. Между Гоминьданом и КПК: политика Советского государства в Китае (1918–1927 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. – 2022. – № 5. – С. 14–32. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdugomindanom-i-kpk-politika-sovetskogo-gosudarstva-v-kitae-1918-1927-gg/viewer (обращение 18.03.2024).
4. Иващенко А.С. Советско-китайские отношения в работах российских синологов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2021. – № 4 (212). – С. 70–78.
5. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / Российская академия наук, Институт Дальнего Востока; гл. ред. С.Л. Тихвинский. – Москва, 2013. – Т. 7: Китайская республика: (1912–1949) / отв. ред. Н.Л. Мамаева. – 2017. – 863 с.
6. История Коммунистического Интернационала, 1919–1943: докум. Очерки / РАН, Ин-т всеобщ. Истории; редкол.: А.О. Чубарьян (отв. ред.) и др. – Москва: Наука, 2002. – 412.
7. Карр Э.Х. Русская революция от Ленина до Сталина. 1917–1929 / пер. с англ. Л.А. Черняховской. – Москва: Интер-Версо, 1990. – 208 с. – URL: http:// www.kursach.com/biblio/0002011/10.htm (обращение 19.08.2020)
8. Картунова А.И. Новая волна интереса историков к проблемам Китайской революции 1925–1927 гг. и необоснованная попытка предать ее забвению // Общество и государство в Китае. – 2015. – Т. 45, № 1. – С. 437–456.
9. Мамаева Н.Л. Коминтерн и революционный процесс в Китае 1920-х гг / Гуманитарные исследования в восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2019. – № 4. – С. 5–16.

10. Панцов А.В. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и кит. революция (1919–1927). – Москва: Муравей-Гайд, 2001. – 456 с.
11. Смирнов Д.А. К вопросу о соотношении внутреннего и внешнего факторов в разработке стратегии и тактики китайской революции на примере VI съезда КПК // Исторические события в жизни Китая и современность: сб. статей. К 100-летию Коммунистической партии Китая / ИДВ, РАН; Мамаева Н.Л. (отв. ред.) [и др.]. – Москва, 2021. – С. 145–155.
12. Сотникова И.Н. К вопросу о роли Георгия Димитрова в Китайской революции // Исторические события в жизни Китая и современность / Институт Китая и современной Азии, РАН. – Москва, 2022. – С. 96–112.
13. Юркевич А.Г. Советские советники и Чан Кайши: две стратегии военного строительства (1920-е) // Вестник РУДН. Серия История России. – 2009. – № 3. – С. 41–48.

УДК 329.18; 94(450).094; DOI: 10.31249/hist/2024.03.07

ЭМАН И.Е.* БЕНЕДЕТТО КРОЧЕ И ИТАЛЬЯНСКИЙ ФАШИЗМ

Аннотация. В статье рассмотрена позиция, занятая одним из виднейших философов XX в. Бенедетто Кроче (1866–1952) в отношении фашизма в период фашистского 20-летия в Италии. Философские и исторические концепции Кроче имели огромное влияние не на одно поколение итальянской интеллигенции, в частности на молодое поколение, сформировавшееся в период фашистской диктатуры. Обращение к данной теме оправдано как значительными подвижками в современной итальянской историографии фашизма, так и выходом новых исследований (в частности работ Э. Ди Риенцо), дающих новый импульс трактовке неоднозначной, во многом спорной позиции философа в отношении фашистского режима.

Ключевые слова: итальянский фашизм; либерально-демократическая оппозиция; современная итальянская историография фашизма; Бенедетто Кроче.

EMAN I.E. Benedetto Croce and italian fascism

Abstract. The article examines the position taken by Benedetto Croce (one of the most prominent philosophers of the XX century, 1866–1952) during the fascist regime. Croce's philosophical and historical concept had a profound influence on more then one generation of the Italian intelligentsia, in particular on the younger generation formed during the period of the fascist dictatorship. Addressing this topic is justified both by significant advances in the

* Эман Ирина Евгеньевна – научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); iraeman@yandex.ru

modern Italian historiography of fascism and by the release of recent studies (for example, resent works by E. Di Rienzo), wich give new impetus to the interpretations of the philosopher's ambiguous, largely controversial, position in relation to the fascist regime.

Keywords: Italian fascism; liberal-democratic opposition; modern Italian historiography of fascism; Benedetto Croce.

Для цитирования: Эман И.Е. Бенедетто Кроче и итальянский фашизм (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 3. – С. 125–144. – DOI: 10.31249/hist/2024.03.07

Тема, обозначенная в статье, является предметом исследований вот уже более 80 лет. Следует заметить, что еще в период фашистской диктатуры с критической оценкой позиции, занятой итальянским философом, выступало молодое поколение итальянских интеллектуалов, как, например, писатель, марксист Лучо Ломбардо Радиче, философ-идеалист, представитель левых джентилеанцев (последователей философа-идеалиста Дж. Джентиле) Гвидо Калоджеро, философ-марксист, журналист, участник движения Сопротивления Валентино Джерратана, литературовед, марксист, участник антифашистского Сопротивления Карло Салинари и др. Историография данной проблемы весьма объемна. В качестве примера приведем обзор известного специалиста по истории итальянского Сопротивления Н.П. Комоловой, опубликованный в реферативном сборнике «История антифашистского движения (Италия, 20–30-е годы)» [2], подготовленного отделом истории ИНИОН АН СССР совместно с ИВИ АН СССР, вышедшего в 1977 г.[1] В обзоре представлен анализ антифашистского движения в Италии в 1920-е годы по материалам статей, опубликованных в итальянской научной периодике в 1960–1970-е годы. Немаловажное место отводится анализу позиции, занятой Бенедетто Кроче в годы фашистской диктатуры. Многочисленные публикации, посвященные Кроче, были приурочены к столетию со дня его рождения (1966 г.).

Фигура Кроче, теоретика неогегельянского идеализма, историка, основателя этико-политической школы, литературоведа, пуб-

[1] Автор статьи входила в состав редколлегии сборника, опубликовала обзор по проблемам итальянского антифашизма 1930-х годов, а также ряд рефератов.

лициста, политического деятеля, избранного за свои научные достижения 26 января 1910 г. пожизненным членом итальянского королевского сената, занимает особое место в антифашистском движении. Комолова отмечала, что позиция Кроче во времена фашизма была противоречивой. «Легально издаваемый им этико-философский журнал La Critica стал единственным прибежищем либерально-демократической интеллигенции, отказавшейся духовно подчиниться “режиму”»[1]. Речь шла о моральном неприятии фашизма, о сохранении не подчинившегося ему слоя деятелей культуры. «Вместе с тем Кроче в межвоенный период не ставил целей активной борьбы с “режимом” как таковым и не был связан с антифашистским политическим подпольем» [2, с. 28].

Необходимость снова обратиться к теме «Кроче и итальянский фашизм» диктуется рядом обстоятельств, сопряженных с концептуальными подвижками в трактовке фашизма современной итальянской историографией, а также выходом новых фундаментальных исследований, к которым относятся работы профессора Римского университета Ла Сапиенца, директора одного из старейших «толстых» научно-исторических журналов Италии (выходит с 1917 г.) Nuova Rivista Storica Эуджению Ди Риенцо [10; 11; 12]. Его работы приоткрывают малоизвестные страницы жизни и творчества философа в период фашистского 20-летия. Ди Риенцо обратился к обширному эпистолярному наследию как самого Кроче, так и его друзей и оппонентов [7; 8; 9], предоставив читателю возможность поразмыслить над объемным, во многом впервые публикуемым источниковым материалом, вписав его в контекст современной социополитической ситуации в Италии.

Отношение Кроче к режиму Муссолини до 1925 г.

То, что Кроче занимал двойственную позицию по отношению к фашизму, является известным фактом, но тем не менее данное обстоятельство продолжает вызывать спорные суждения.

Ди Риенцо пишет, что Кроче, как, впрочем, и многие итальянские интеллектуалы, представители либерально-джолитти-

[1] Журнал «Критика» был основан Кроче в 1903 г. совместно с Джованни Джентиле, философом, впоследствии идеологом фашистского режима. На страницах журнала публиковались преимущественно статьи самого Кроче.

анского модернизма (сторонников и последователей Джолитти), стал «жертвой огромного заблуждения» [12, p. 484], Кроче полагал, что диктатура Муссолини временна, она нацелена на то, чтобы покончить с кризисом в Италии, сползающей к состоянию анархии. Впоследствии режим, по мысли Кроче, должен будет вернуться к институциональному статус-кво, освободив страну от «большевистской угрозы», ставшей очевидной в период «красного двухлетия».

Схожую позицию в то время разделяли «либералы разных оттенков», как об этом писал итальянский историк Розарио Ромео (его слова приводит признанный специалист по истории фашизма Б.Р. Лопухов). «В историческом плане можно спорить сколько угодно о том, было ли необходимо противопоставлять фашизм социализму после поражения последнего в сентябре 1920 г. Фактом является то, что убеждение в необходимости такого противопоставления разделяли либералы… от Джолитти до Кроче, от Саландра до Джентиле, Орландо и т.д., не говоря уже о высшей военной иерархии и дворе» [3, с. 9]. Лопухов приводит также высказывание либерала Марио Миссироли: «все органы исполнительной власти – армия, магистратура, королевская гвардия, карабинеры – видели в фашизме освободителя Италии от большевистской опасности» [там же].

Исследователь итальянского фашизма Г.С. Филатов также отмечал, что поначалу Кроче думал, что фашизм «ограничится функцией вооруженной гвардии для охраны либеральных институтов и фашисты придадут буржуазии недостающую ей энергию для сопротивления “большевизму”» [5, с. 7].

Об убежденности Кроче в том, что фашизм – временное явление, свидетельствует отрывок из его письма к Себастьяно Тимпанаро от 5 июня 1923 г., содержание которого, по мнению Ди Риенцо, перекликается с аргументацией Гаэтано Моска, правоведа, политика, одного из основоположников политической социологии. Он, также как и Кроче, считал, что политический поворот 1922 г. – явление временное, но необходимое [12, p. 486–487]. Кроче писал: «Для меня фашизм противоположен либерализму. Но когда либерализм вырождается, как он выродился в Италии в 1919–1922 гг., превратившись в пустую и страшную маску, тогда период приостановки свобод может быть плодотворен для реставрации более глубокого и осознанного либерального режима» [12, p. 487].

Джованни Джентиле, философ-неогегельянец, впоследствии официальный философ и идеолог фашистского режима, в период своей острой полемики с Кроче (март – октябрь 1925 г.), назвал своего оппонента «откровенным фашистом, но без черной рубашки» [12, p. 484; переписку Кроче и Джентиле см. также: 10, p. 99–108]. В либеральной, дофашистской Италии и Кроче, и Джентиле «во многом определяли структуру итальянской школы, организацию философских факультетов, руководили влиятельными общетеоретическими журналами… стояли во главе ряда наиболее значительных издательских и общекультурных начинаний» [6, с. 29]. Однако с приходом фашистской диктатуры их пути разошлись.

Отношение Кроче к фашистскому режиму на начальном его этапе Ди Риенцо определяет скорее как доверительно-выжидательное. Месяц спустя после триумфального шествия чернорубашечников перед Квириналом (24 октября 1922 г.) философ подтвердил свое отношение «симпатизирующего ожидания» во время разговора в кабинете своего Палаццо Филомарино с Эрнесто Беллони, будущим фашистским делегатом в Неаполе, пришедшим выразить Кроче свое почтение. Ди Риенцо пишет, что директор журнала «Критика» был убежден, что его выбор находит подтверждение в том, что в Италии 1922 г., возможно, исчезла угроза большевистской революции, хаоса, беспорядков, как это было в Италии в 1919 и в 1920 гг. Тогда страна стояла на краю институционального коллапса, на пути к широкой и разветвленной социальной анархии [12, p. 486].

В интервью Кроче от 27 октября 1923 г. газете Giornale d'Italia, философ сказал: «Не существует вопроса либерализма и фашизма, существует вопрос политических сил, и если он верен, то где те силы, которые могут сейчас противостоять, либо сменить современное правительство? Я их не вижу, но вижу в современной ситуации большую угрозу возврата паралича деятельности парламента, как это случилось в 1922 г.» [12, p. 487]. В тот период для Кроче, отмечает Ди Риенцо, не существовало никакого противоречия между либеральной верой и приверженностью фашизму. Кроче был уверен, что от либералов не стоит ожидать, что они станут фашистами, «у них нет ни силы, ни доблести, чтобы спасти Италию от анархии, – продолжил философ в интервью, – им остава-

лось только жаловаться на самих себя, повторять mea culpa (моя вина) и признавать, и принимать добро, откуда бы оно не появилось, и готовиться к будущему» [12, p. 487–488].

Принятый 18 ноября 1923 г. закон Ачербо[1] обеспечил Муссолини в апреле 1924 г. большинство в парламенте. Кроче оправдал и поддержал без каких-либо колебаний принятые законодательные меры. Он писал, что «если доминирующая сегодня партия получила необходимое большинство, она быстро вернется к законности и к хорошей конституционной системе» [12, p. 488]. «Нельзя исключать, – продолжал Кроче, – что возникнет политическая система, во всем отличная от либеральной, хотя и не враждебная целям, которые либерализм исторически предполагал реализовать». По поводу этой возможной новой системы философ признавался, что не может «наметить ее очертаний», но в данный момент это не так важно, поскольку «спонтанное фашистское движение, благодаря политическим выборам, подтверждает факт возвращения к законности, т.е. к конституциональной практике» [там же]. «Сердце фашизма – это любовь к итальянскому отечеству, чувство его спасения, т.е. спасения Государства, и справедливая убежденность в том, что Государство без власти не может быть Государством», – высказался Кроче в интервью Giornale d'Italia 27 октября 1923 г. [там же].

В 1924 г., в разгар политического кризиса фашистского режима, вызванного убийством секретаря Унитарной социалистической партии, депутата Джакомо Маттеотти, ответственность за которое возлагалась на фашистов и, возможно, лично на Муссолини, Кроче голосовал в сенате за вотум доверия Муссолини, получившего в парламенте подавляющее большинство (225 голосов поддержки из 252 голосов, 21 голос против и шестеро воздержались) [12, p. 489]. В интервью газете «Giornale d'Italia» от 10 июня 1924 г. (данные приведены в статье Р. Колапьетра «Письма Бенедетто Кроче (1914–1935)»[2]) Кроче мотивировал свою позицию патриотическими идеями («концепцией отечества»). Эти же идеи

[1] Избирательный закон, согласно которому партия, получившая первое место на выборах и не менее 25% действительных голосов, получает 66% мест в парламенте.

[2] Colapitera R. Lettere di Benedetto Croce (1914–1935) // Ponte, 1969, – N 1. – P. 157–164.

он излагает в своем письме от 14 июля 1924 г., говоря о «родине» и «преданности своей стране, а также об отсутствии «сил, готовых к борьбе» [2, с. 29].

Ди Риенцо также ссылается на это интервью, но главным в его содержании считает следующий абзац: «Фашизм должен выступить в качестве моста для реставрации наиболее глубокого либерального режима в рамках наиболее сильного Государства» [12, p. 489]. Подтверждение своей трактовки позиции Кроче Ди Риенцо находит в письме Кроче от 3 августа 1924 г. из Неаполя к Луиджи Сальваторелли, автору одного из первых аналитических трудов о фашизме[1]. В этом письме философ утверждал, что «фашистское движение, в отличие от либерализма, было чисто переходным движением противодействия, неспособным продлиться во времени и возродиться после своего падения» [12, p. 508].

Ди Риенцо настаивает, что Кроче поддержал позицию Муссолини в период кризиса Маттеотти прежде всего из-за нависшей опасности возврата Италии к bellum intestinum (внутренней войне). Исследователь убежден, что вотум доверия правительству Муссолини со стороны Кроче был своего рода промежуточным, выстраданным актом, во многом горестным, но с точки зрения понимания философом политической целесообразности – неизбежным.

С критикой позиции Кроче выступил Джорджо Леви Делла Вида, близкий по своим убеждениям к таким представителям оппозиции, как один из лидеров антифашистского Авентинского блока Джованни Амендола, или либерал, министр иностранных дел Королевства Италии в 1920–1921 гг. Карло Сфорца, или теоретик реформистского крыла Итальянской социалистической партии Клаудио Тревес. «Вы, Кроче, крупный землевладелец, критик марксизма и сторонник экономического либеризма, теоретик свободы, который не заботится о средствах к существованию для тех, кто должен ими пользоваться, Вы тот, кто поддерживает в Неаполе муниципальную администрацию, представленную правой коалицией, называющуюся “фашо порядка”. Вы тоже боитесь, и страх приведет вас к отказу от присущей вам критической проницательности, к вере в миф о неизбежности большевистской революции» [12, p. 492].

[1] Salvatorelli L. Nazionalfascismo. – Torino, 1923.

Отметим, что содержание аргументации Леви Делла Вида перекликается с содержанием письма Кроче от 27 января 1920 г. к Карло Мизалья, создателю в Неаполе ассоциации по защите социального порядка, прямо не связанной с фашистским движением, но выполняющей аналогичную задачу: подавление рабочих «беспорядков». На это письмо ссылается также Р. Колапьетра в ранее упомянутой статье «Письма Бенедетто Кроче (1914–1935)», который считает, что его содержание говорит о том, что философ «горячо поддержал идеи» организации. Речь шла о «сопротивлении антисоциалистического класса, о призыве к буржуазной молодежи, в рядах которой Кроче видит своеобразную атмосферу, точнее говоря атмосферу, предшествующую фашизму». Колапьетра пишет, что, согласно приводимым выдержкам, Кроче призывает «создавать и обучать добровольческие отряды в случае забастовок в сфере общественных услуг» [2, с. 29].

Обратимся к страницам книги Джузеппе Антонио Борджезе «Голиаф. Марш фашизма», вышедшей в Нью-Йорке в 1937 г.[1], приведенным Ди Риенцо [12]. Борджезе с самого начала прихода фашизма к власти оставался верен своим либеральным идеалам. Он писал: «В период существования элегантного интеллектуального мира, который совпал с годами становления Кроче, за правило было высмеивать демократию, расслабленный и слишком толерантный либерализм, а также послушный, сентиментальный, удобный и пораженческий реформистский социализм, который многие считали субпродуктом худшей буржуазной демократии. Сам Кроче, который во многих отношениях превосходил всех других, отказался от социализма своей молодости, выбрав для себя нечто подобное политическому и экономическому torysmo (от англ. tory), либо железобетонный социально консервативный либерализм…» [цит. по: 12, p. 517–518].

Отметим, что в 1890-х годах Кроче тяготел к марксизму, с которым его познакомил профессор Римского университета Антонио Лабриола, философ, основатель марксистского направления в Италии. Этот интерес никогда не означал для Кроче ни философского, ни политического полного согласия с теорией Маркса, однако своему учителю философ всегда оставался глубоко предан.

[1] Borgese G.A. Goliath, the March of Fascism. – New-York, 1937.

После смерти Лабриолы именно Кроче осуществил издание его произведений. Встреча с марксизмом была кратким, но не прошедшим бесследно эпизодом в становлении мышления Кроче. Среди причин его окончательного разрыва с социально-экономической и философской теорией Маркса можно выделить то обстоятельство, что в социалистическом движении Италии получили преимущественное распространение ревизионистские интерпретации марксизма. Однако Кроче не пошел по пути последователей ревизионизма, он разрабатывает собственную историко-философскую систему – «этико-политическую историю».

Отечественные исследователи И.В. Григорьева и Г.С. Филатов, анализируя историческую концепцию Кроче, писали, что «под этико-политической историей» Кроче понимал (если обратиться к его работе «Этика и политика», 1924 г.) «историческую деятельность государства и различных общественных сил (как сотрудничающих с ним, так и направленных против него), но поданную не в ее фактической конкретности, а через идеалы, представления, чувства ее участников. Эта история развивается как бы над различными конкретными формами человеческой деятельности, хотя последние до известной степени все же отражаются в ней, оказывая влияние на развитие процессов духовной истории людей, которые, прежде всего, интересуют Кроче» [1, с. 160–161].

Вернемся к замечаниям Борджезе, который писал, что в «Философии практики» (1909 г.) Кроче «поддерживал теорию Макьявелли о власти и государстве и включил также теоретическую апологетику Святой Инквизиции – которая, по его мнению, была *истинно святой*, на чем Кроче, не будучи католиком, настаивал, считая использование насилия в политике неизбежным и с философской точки зрения законным. Почти в это же время Кроче опубликовал итальянский перевод работы Жоржа Сореля “Размышления о насилии”, сопроводив его лестным предисловием. Кроче пытался сделать перевод доступным для читателей всеми возможными способами, имеющимися в его распоряжении. В этой работе Сорель, что было важным для Кроче, лишал социализм присущего той эпохе гуманитарного смысла, унаследованного от философии XVIII в., трансформируя его в мечту о всеобщем мятеже, который он назвал религиозным подъемом или обновлением, синдикализмом или креативным мифом всеобщей забастовки…

Муссолини продолжала обуревать идея, что в социализме, в революционном социализме заключается путь к успеху. Нет никакого сомнения, что Муссолини взял аргументацию как у Парето и Сореля, у Д'Аннунцио и Ницше, так и у Кроче, необходимую ему как в борьбе против слабого социализма и либерализма, зараженного эмоциональными догмами эпохи Просвещения, так и для подпитки своей ненависти к компромиссам, масонскому менталитету, полубуржуазности социалистической политики и буржуазности политики Джолитти. Потом Муссолини забыл о Кроче, либо сделал вид, что забыл, что не удивительно, потому что Муссолини был способен помнить, либо хотеть помнить только то, что соответствовало сиюминутным требованиям» [цит. по: 12, p. 518–519].

Нельзя не согласится, что анализ Борджезе весьма убедителен. Рассматривая работу «Философия и практика», он обращает внимание на ярко выраженные присущие ей авторитарные тенденции. Кроче черпал идеи у Маркса, Сореля, историка Генриха фон Трейчке, от них он заимствовал концепцию «политической твердости». Но верно также и то, что идеи власти и дирижизма в той или иной мере всегда присутствовали в итальянском либерализме.

Отношение Кроче к фашистскому режиму после 1925 г.

Многие исследователи сходятся в том, что 1925 г. стал переломным для перехода Кроче на позиции антифашизма, пусть «не боевого», «чисто теоретического», как это «свойственно консерватору, который стоял на стороне фашизма и с опозданием стал антифашистом, ограничившись отрицанием диктаторского режима, не готовя его падение и отложив на будущее любые дискуссии по этому вопросу». Так писал о Кроче Гаэтано Сальвемини в марте 1954 г. [12, p. 524].

Вслед за юридическим признанием[1] фашистской милиции, вскоре преобразованной в Добровольную милицию национальной безопасности, основу которой составили вооруженные фашистские боевые отряды (сквадры), осуществлявшие террор и насилие, были введены законы, ограничившие свободу печати и политичес-

[1] Согласно королевскому декрету, принятому по предложению Муссолини 14 января 1923 г.

кие свободы. В мае 1925 г. в ответ на «Манифест фашистской интеллигенции», написанный Джентиле, принятый на созванном в марте 1925 г. в Болонье «Конгрессе во имя фашистской культуры» и опубликованный в газетах 21 апреля «в день рождения Рима», Кроче выступил автором и одним из подписантов «Ответа итальянских писателей, профессоров и публицистов на манифест фашистской интеллигенции». Он был опубликован в газете Mondo 1 мая 1925 г. Подписи под «Манифестом» Кроче поставили также Луиджи Эйнауди, Джованни Амендола, Матильде Монтале, Марина Моретти, Альдо Палаццески и многие другие представители оппозиции, те, кто отмежевался от режима и осуждал фашистское насилие.

Политическая рефлексия Кроче, долгое время пребывавшего в состоянии колебания между марксизмом, быстро прошедшей симпатией к социалистической идеологии, антисистемными построениями Сореля, концепциями «сильного государства» немецких теоретиков, определила в 1928–1929 гг. его решительный поворот, освобождение от иллюзий по поводу фашизма. Следует отметить, что Кроче отказался присутствовать на заседании сената при обсуждении закона о политической избирательной реформе 12 мая 1928 г., уничтожившего итальянский парламент как политический институт страны. Свободные выборы в Италии фактически были отменены.

Колапьетра в статье «Письма Бенедетто Кроче (1914–1935)» приводит два важных замечания самого Кроче о том, что его имя не фигурировало в числе сенаторов, голосовавших при фашистском режиме за тот или иной законопроект. Историк свидетельствует, что «анализ официальных отчетов сената показывает, что имя Кроче почти всегда отсутствует в списках голосовавших сенаторов» [2, с. 30].

Какую позицию занял Ди Риенцо по поводу утверждения Джентиле, что Кроче был откровенным фашистом, не носившим черную рубашку? На наш взгляд, приведенные Ди Риенцо документальные свидетельства не оставляют сомнения в том, что в словах Джентиле содержалась определенная доля истины. Но главное, на что обращает внимание Ди Риенцо, анализируя «фашизм Кроче», – это то, что философ видел в Муссолини человека, который, расправившись с угрозой большевистской революции, уйдет

в тень, сможет восстановить нормальное функционирование представительной системы, как это бывало в Древнем Риме в лучшие времена республики, когда ради спасения родины прибегали к кратким периодам введения диктатуры. На протяжении исследования Ди Риенцо постоянно обращает внимание на то, что схожих позиций придерживались многие итальянские интеллектуалы, как, например, экономисты Маффео Панталеони, Луиджи Эйнауди, Умберто Риччи, Альберто Де Стефани. Последний занимал пост министра финансов в правительстве Муссолини в 1922 г. и предполагал провести либерализацию итальянской экономики.

Процесс перехода Кроче на позиции противника режима хорошо просматривается в его трудах, начиная с «Истории Италии с 1871 по 1915»[1], сквозной идеей которой явилась концепция поступательного развития страны по либеральному пути, до «Истории Европы в XIX в.[2], в которой Кроче назвал «религию свободы» скрытым двигателем европейской истории, начиная с Великой французской революции и на протяжении всего XIX столетия. Но фундаментальным промежуточным этапом, по мнению Ди Риенцо, является работа Кроче «Этика и политика» 1931 г. В ней философ воспроизвел содержание статьи 1922 г., где утверждал: «Государства похожи на так называемые природные силы, которыми этический индивид руководит и осовременивает, но не создает их», а также статьи «Экономико-политическая история, этико-политическая история», напечатанной в «Критике» в 1924 г., где Кроче писал об эфемерном и временном характере государственного организма, и о том, насколько государственная организация подчинена постоянному процессу трансформации, вызванной исторической динамикой и моральным прогрессом человечества.

Решающий момент перехода Кроче на антифашистские позиции по времени совпадает с его обоснованием концепции полной и завершенной свободы, которую он считал главным и вечным принципом моральной и гражданской жизни, и которая может быть сформулирована в конкретной терминологии: институциональной, экономической, социальной, политической, где сближа-

[1] Croce B. Storia d'Italia dal 1871 al 1915. – Bari, 1928. Заметим, что книга, написанная при фашистском режиме, с 1928 по 1945 гг. выдержала восемь изданий.

[2] Croce B. Storia d'Europa nel secolo XIX. – Bari, 1932.

ются (но не сливаются) понятия либерализма и демократии, образуя союз против общего врага с целью сохранения своей жизнеспособности. На международном философском конгрессе в Оксфорде 3 сентября 1930 т. Кроче впервые выдвинул концепцию «религии свободы» и концепцию «исторического смысла (senso storico) как цивилизации и культуры».

Многие исследователи сходятся во мнении, что в годы фашизма гегемония в духовной жизни Италии принадлежала кроченанству, занявшему ведущее положение, а отнюдь не официальной философии актуализма Джентиле, автору философской части статьи «Фашизм», опубликованной за подписью Муссолини в «Итальянской энциклопедии». Статья представляла собой официальное изложение фашистской философской доктрины. Решение о создании данной «Энциклопедии» было принято весной 1925 г. Заметим, что тогда Кроче отказался быть среди ее авторов.

Итальянский историк А. Леоне Де Кастрис отмечает, что к началу 1930-х годов джентилеанство, пользовавшееся значительным влиянием в первые годы фашистского режима, почти полностью себя исчерпало. Интеллектуальные слои утрачивают иллюзии относительно подлинной социальной природы фашистского режима. Другая попытка интегрировать интеллигенцию и «режим» – теория и практика корпоративизма Дж. Боттаи – также оказалась несостоятельной. К середине 1930-х годов итальянский корпоративизм исчерпал свои возможности. К этому времени становится очевидной неспособность фашизма создать «собственную культуру». На взгляд Леоне Де Кастриса, об этом свидетельствует активизация официальной фашистской пропаганды именно в середине 1930-х годов. Как пишет исследователь, средства фашистской массовой пропаганды внедряли не «новую культуру», а «самые общие места старой культуры, низведенной до уровня мифа», имевшей «некапиталистический, мелкобуржуазный, деревенский» оттенок [13, p. 73]. Кроче в соответствии с основными принципами своей философии считал интеллигенцию носительницей лучших «ценностей, которые должны управлять миром, оставаясь по существу независимыми от тех политических инструментов, которые нужны для их осуществления» [13, p. 142].

Леоне Де Кастрис доказывает, что Кроче не только в 1920-е, но и в 1930-е годы по многим конкретным политическим вопросам

занимал профашистскую позицию. Данное заключение находит подтверждение и в работах ряда других историков и политиков, как то: Б. Чева, Н. Боббио или участника антифашистского подполья (члена группы «Справедливость и свобода») Э. Росси. Последний ссылается на неоднозначный поступок Кроче, пожертвовавшего свою золотую медаль пожизненного сенатора в фонд «золото – родине», созданного фашистами в связи с начатой ими войной в Эфиопии. «Каково истинное, универсальное значение “религии свободы”, – спрашивает Росси, – если все его (Кроче) исследования и размышления о вековой истории человеческих событий привели его к тому, чтобы погасить светоч разума перед алтарем отечества?» [цит. по: 2, p. 33].

Тем не менее Леоне Де Кастрис пишет, что Кроче, благодаря своему влиянию на антифашистскую интеллигенцию, которую привлекала его подчеркнутая оппозиционность по отношению к наиболее одиозным аспектам режима Муссолини, смог спасти «традиционные ценности», для которых активизация масс в период прихода фашизма к власти и сам фашистский режим представляли существенную угрозу.

С нашей точки зрения, анализ Ди Риенцо, детальный, концептуально выверенный, подкрепленный источниковым материалом, верно расставляет временные акценты в становлении крочеанского антифашизма, сопрягая их с анализом историко-политических работ философа 1930-х годов. Однако концептуальный посыл исследователя отнюдь не бесспорен. Анализируя позицию Кроче на начальном этапе оформления фашистской диктатуры, Ди Риенцо разделяет отношение Кроче к фашистскому движению, которое еще якобы могло повернуть от террора и насилия к политической законности и либеральным институтам, и отношение Кроче к идеям, идеологии фашизма, «ненавидимых им», как в том признавался сам философ в последние годы жизни. Автор новых исследований о Кроче концептуально разделяет две ипостаси одного явления «фашизма»: фашистское движение и фашистский идейный багаж, показывая правомерность подобного разделения, что, по сути, оставляет открытым вопрос о личной ответственности самого индивида. Тогда, на наш взгляд, правомерен вопрос, что осталось (и осталось ли) от фашизма в современной Италии при

наличии возможности оправдывать либо осуждать его составные компоненты?

Послевоенный период

В годы вооруженного движения Сопротивления и после освобождения Италии Кроче активно включился в политическую жизнь. В 1943–1947 гг. он воссоздал и возглавил либеральную партию, в 1946 г. был избран членом Учредительного собрания, участвовал в выработке новой демократической конституции Италии. Заметим также, что в 1944 г., в период гитлеровской оккупации Северной и Центральной Италии, он занял пост министра без портфеля в коалиционном правительстве П. Бадольо (созданного в Салерно (Южная Италия) 21 апреля 1944 г., в состав которого вошли представители Итальянской компартии, Партии действия, ИСППЕ, Христианско-демократической партии и либералы), а затем в первом правительстве И. Бономи.

Философ не разделял позиций, занимаемых Партией действия (либерально-социалистической партии, основанной в июле 1942 г. и придерживавшейся антифашистской и республиканской ориентации, ядро которой составляли активисты движения «Справедливость и Свобода») в отношении к фашизму по философским и политическим причинам, что отдалило его от многих своих учеников, как например Адольфо Омодео, ближайшего Кроче сотрудника по журналу «Критика». Омодео прошел путь от либерала крочеанского толка до активного участника Сопротивления в рядах Партии действия. В отличие от Кроче, Омодео видел в идеологических и политических концепциях этой организации возможность соединить требования справедливости и свободы.

Чтобы яснее обозначить, чем был антифашизм Кроче, приведем фрагменты его полемики с Гаэтано Сальвемини, членом антифашистской организации «Справедливость и свобода», основываясь на публикациях Ди Риенцо и «Блокнотах военного времени, 1943–1945 гг.» Бенедетто Кроче [9].

Резкие разногласия между Кроче и Сальвемини обозначились после падения фашизма. Например, 27 июля 1945 г. в ответ на определение, данное ему Сальвемини как человеку, который принес Италии наибольший вред, Кроче писал, что подобным об-

разом Сальвемини высказывался еще 20 лет назад, находясь в Париже, когда заявил: «Мы в Италии имели полную ясность, добро было добром, зло злом, истина и ложь были всем известны. Но пришел Кроче со своей философией, все запутал и отсюда родился фашизм» [12, p. 526; 9, p. 328]. 10 сентября 1944 г. Кроче писал о Сальвемини, что тот «в течение многих лет и в данное время не является гражданином Италии[1] и продолжает выплескивать оскорбления и ложь в отношении всех тех, кто добивался сделать что-то полезное для Италии, где он, по существу, никогда не сделал ничего, за исключением оскорблений и клеветы» [12, p. 526; 9. p. 209].

Своеобразное состязание между историком и философом, непоколебимым республиканцем (Сальвемини) и непоколебимым монархистом (Кроче), шло по поводу интерпретации джолиттианского периода итальянской истории, и прежде всего по поводу результатов Рисорджименто. Сальвемини рассматривал эпоху Джолитти как инкубационный период последующего «черного двадцатилетия» в истории страны. Кроче, напротив, говорил о вышедшем из Рисорджименто либеральном государстве как о времени мира, процветания, экономического, социального, гражданского прогресса, прерванного внезапным варварским внешним вторжением [11, p. 90–99], выступая одновременно против фашистских концепций истории Италии Дж. Джентиле и Дж. Вольпе (историка, разделявшего идеи фашизма). Для Кроче фашизм был всего лишь перерывом, паузой в историческом развитии Италии по пути либерализма.

При этом Сальвемини признавал заслуги философа, заложившего основы морального сопротивления фашистской диктатуре [10, p. 119–124]. «Кроче создал уникальный полюс молчания… и сформировал интеллектуальные кадры нового поколения, не зараженного фашистской пропагандой» [12, p. 522]. Оценивая «арьергардные бои» Кроче-«оппозиционера», Сальвемини отмечал, что они были окутаны «густыми тенями», «большой осторож-

[1] Сальвемини был арестован фашистами в 1926 г., но, будучи выпущен на поруки, тайно перешел итальянскую границу и укрылся во Франции, затем переехал в Великобританию. С 1928 по 1933 г. Сальвемини ездил с лекциями по городам США. По закону от 28 ноября 1926 г. Сальвемини, как и прочие итальянские политические эмигранты, был лишен итальянского гражданства. Вернулся в Италию в 1948 г.

ностью», «многими компромиссами», «многими прогибами», «многими уступками в отношении противника». Но «итальянцы никогда не должны забывать о своей благодарности Кроче за его сопротивление фашизму в период с 1925 г. по 1943 г. Любой иной голос глушился в тюрьмах, преследовался полицией, вынужден был звучать в изгнании. Само его (Кроче) молчание означало протест. Сопротивление и молчание без сомнения витали в стратосфере. Однако их воздействие было сильным. Многие молодые люди получали поддержку, благодаря его (Кроче) учению и примеру его веры в свободу. Каждый понимал свободу по-своему, и иногда не так, как ее понимал Кроче. Но самым важным было то, что эта свобода не была фашизмом. Важным было то, что Муссолини столкнулся с большим, насколько возможно, числом индивидуальных свобод, пусть даже пассивных. Многие эти свободы возникли благодаря обучению и примеру Кроче. Это его заслуга, и никто сегодня не должен ее забывать, даже тогда, когда имеет отличные от Кроче суждения» [там же].

Николо Николини, выступая в прениях по поводу доклада Лео Вальяни «Итальянская историография 1870–1915 г.», прочитанного на Национальном конгрессе исторических наук (Перуджа, 1967)[1], заметил, что Кроче после падения фашизма говорил, что при диктатуре он не занимался вынесением исторических суждений о фашизме, ограничился тем, что «ненавидел его». Но и после 1945 г. Кроче отказался от попыток написать историю фашизма, заявляя, что, если по какому-либо поводу его попросили бы сделать это, он бы предпочел обратить внимание не на негативном, а, насколько возможно, позитивном, что было достигнуто в ту эпоху» [14, p. 773].

Замечания Николини, на наш взгляд, не соответствуют истинному положению вещей. В 1943 г. Кроче сформулировал этико-политическую концепцию фашизма, согласуясь со своим пониманием движущей силы исторического процесса – осознанной волей к свободе. Именно в свободе обнаруживает себя вечный морально-этический идеал, к которому стремится человечество. Поэтому Кроче говорит о фашизме как о «моральном кризисе», «со-

[1] Valiani L. La storiografia italiana nel periodo 1870–1915 // La storiografia itaiana negli ultimi vent'anni. Vol 2. – Milano: Marzorati, 1970. – P. 675–771.

циальной депрессии», «умопомрачении, вызванном войной». «Фашизм и нацизм явились интеллектуальным и моральным фактором или болезнью, не классовым явлением, но заболеванием человеческих чувств, воображения и воли, кризисом, обусловленным утратой веры не только в рациональный либерализм, но также в марксизм …». Это свободное пространство человеческих душ заполнил фашизм, который представлял собой «не идею, не изменяющееся сочетание всех идей, призывы к всеобщему миру и к войне, провозглашал защиту собственности и капитала и социализацию того и другого, защиту религии, материализм и атеизм, защиту культуры и восхваление антикультуры» [4, с. 47].

Вместо заключения

Противоречивая позиция Кроче вызывала и продолжает вызывать неоднозначные суждения по поводу его профашистских и антифашистских позиций. Трактовки фашизма или антифашизма продолжают оставаться на острие современных дискуссий в итальянской историографии. Однако квинтэссенцией суждений про и контра в позиции Кроче, на наш взгляд, является признание того, что суждения философа отражали глубокий кризис, который переживал итальянский либерализм. Выход из кризиса каждый неравнодушный к будущему своей страны мыслил для себя поразному, и не всегда это была прямая дорога, ведущая к храму.

На наш взгляд, весьма важным является то обстоятельство, что крочеанская трактовка диктатуры Муссолини и фашистского движения в начале 1920-х годов (повторенная в его послевоенной этико-политической концепции фашизма) расходится с его собственной концепцией историзма, как бы противоречит сама себе – к такому выводу можно прийти на основании анализа точек зрения итальянских исследований и, в частности, Ди Риенцо. Согласно Кроче, история не терпит пустоты, в каждый момент она связана тысячью нитей с прошлым и настоящим. В подобную концепцию не вписывается его понимание диктатуры Муссолини как периода, как бы «взятого в скобки», как «нравственной и интеллектуальной болезни», в одночасье разрушившей здоровое тело истории итальянского государства, явившейся результатом глубокого духовного кризиса как либерализма, так и марксизма. Выход из кризиса,

по мысли Кроче, не может быть найден ни на пути революции, ни на пути возврата к авторитарному регрессу, ни на пути радикализма, но и ни на пути реставрации.

С середины 1920-х годов Кроче работает над концепцией «нового либерализма», который, с его точки зрения, сможет противостоять вызовам тоталитарных теорий и практик XX в. К ним философ причислял как фашизм, так и коммунизм, считая их равным образом враждебными гражданскому мироустройству западных обществ, их политическим институтам и моральным ценностям. По своим политическим симпатиям Кроче был близок правому крылу итальянских либералов, немалое число которых оказывало поддержку режиму и перешло в оппозицию лишь с уничтожением последних остатков демократических свобод в 1925–1926 гг.

Б. Чева в статье, опубликованной в журнале Movimento di liberazione in Italia[1], остро поставил вопрос, чем является моральный протест против фашизма человека, не признававшего за антифашистским движением строго политического характера, называющего фашизм «нравственной и интеллектуальной болезнью» [2, с. 33]. Однако в завершении своей критической статьи историк пишет, что в памяти итальянцев остался Кроче, не принявший фашистского режима, будучи «нравственной совестью многих итальянцев, особенно молодежи» [2, p. 36].

Нельзя не согласиться, что крочеанская оппозиция фашизму была весьма умеренной, сдержанной позицией морального осуждения; философ во время фашистской диктатуры стоял в стороне от политической борьбы. Однако – влияние его исторических и философских трудов на молодое поколение интеллигенции было, без преувеличения, весьма и весьма значительным. В трудах Кроче (как в его работе «История как мысль и как политическая реальность», опубликованной в годы фашистского режима), звучали слова, которые приведем в заключение: «Страстное желание свободы, борьбы и жертв во имя свободы, прорывается повсеместно в истории свободы, которая столь дорога тем, кому жизнь отказала в ней» [там же].

[1] Ceva B. Benedetto Croce e l'antifascismo // Movcimento di liberazione in Italia. – Milano, 1967. – N 86. – P. 71–90.

Список литературы

1. Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки / Итальянская историография (1918–1947). – Москва: Изд-во Московского университета, 1968. – С. 155–170.
2. Комолова Н.П. Антифашизм в Италии в 20-е годы (обзор статей из итальянских журналов // История антифашистского движения (Италия, 20–30-е годы): реф. сборник / [ред. коллегия: А.П. Петров, гл. ред. и др.]; АН СССР, ИНИОН. – Москва, 1977. – С. 5–42.
3. Лопухов Б.Р. История фашистского режима в Италии. – Москва: Наука, 1977. – 296 с.
4. Михайленко В.И. Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. – Свердловск (Екатеринбург): Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 240 с.
5. Филатов Г.С. Крах итальянского фашизма. – Москва: Наука, 1973. – 493 с.
6. Эфиров С.А. Итальянская буржуазная философия XX в. – Москва: Мысль, 1968. – 267 с.
7. Croce B. Epistolario 1. Scelta di lettere curate dall'aut. 1914–1935. – Napoli: Istituto italiano per gli Studi Storici,1967. – 127 p.
8. Croce B. Scritti e discorsi politici: 1943–1847: 2 vol. – Bari: Laterza, 1963. – Vol. 1. – 364 p.; vol. 2. – 475 p.
9. Croce B. Taccuini di Guerra, 1943–1945 / a cura di C. Cassani. – Milano: Adelphi, 2004. – 505 p.
10. Di Rienzo E. Benedetto Croce. Gli anni del fascism. – Soveria Monelli: Rubbettino, 2021. – 264 p.
11. Di Rienzo E. Benedetto Croce. Gli anni dtllo scontento. 1943–1948. – Soveria Monelli: Rubbettino, 2019. – 180 p.
12. Di Rienzo E. Great expectations. Gli intellettuali italiani tra giolittismo e fascismo // Nuova rivista storica. – 2022, fasc. 21. – P. 465–569.
13. Leone De Castris A. Egemonia e fascismo: Il problema degli intelletuali negli anni Trenta. – Bologna: Mulino, 1981. – 195 p.
14. La storiografia italiana negli ultimi vent'anni. Vol. 2. – Milano: Marzorati, 1970. – P. 657–1383.

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 323.3; 94(540) DOI: 10.31249/hist/2024.03.08

ПЕТРУХИНА Д.В.* ИДЕНТИЧНОСТЬ ПО РОЖДЕНИЮ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ НЕПРИКАСАЕМЫХ (Обзор)

Аннотация. Социальная стратификация индуистских обществ в странах Южной Азии с древних времен основана на кастовой системе. Представления о членах высших и низших каст и их занятиях тесным образом связаны с религиозными воззрениями индуистов. Однако даже те народы, которые по мере исторического развития приняли другие религии, продолжают следовать кастовым обычаям. В этой ситуации представители самых низких каст – неприкасаемые – подвергаются социальной изоляции и систематической дискриминации. Поскольку в индуизме практически нет никаких механизмов перехода в более высокие касты, неприкасаемые лишены возможности поднять свой социальный статус, что отрицательно влияет на их идентичность. Современные теоретические и практические исследования показывают, что несмотря на тот факт, что неприкасаемые до сих пор считаются малоценными членами социума, современные технологии и международные связи дают им возможность бороться за свои права и свою идентичность.

Ключевые слова: индуизм; Индия; Непал; Бангладеш; кастовая идентичность; неприкасаемые; далиты; индийская диаспора.

PETRUKHINA D.V. Identity by Birth: History and Modern Life of the Untouchables

* Петрухина Дарья Валерьевна – научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); darkamercante@gmail.com.

Abstract. The social stratification of Hindu societies in South Asian countries has been based on the caste system since ancient times. Ideas about members of higher and lower castes and their occupations are closely related to the religious views of Hindus. However, even those peoples who, in the course of historical development, adopted other religions, continue to follow caste customs. In this situation, representatives of the lowest castes – the untouchables – are subject to social exclusion and systematic discrimination. Since there are virtually no mechanisms for promotion to higher castes in Hinduism, untouchables are deprived of the opportunity to raise their social status, which negatively affects their identity. Modern theoretical and practical research shows that despite the fact that untouchables are still considered unworthy members of society, modern technologies and international connections give them the opportunity to fight for their rights and their identity.

Keywords: hinduism; India; Nepal; Bangladesh; caste identity; untouchables; Dalits; Indian diaspora.

Для цитирования: Петрухина Д.В. Идентичность по рождению: история и современная жизнь неприкасаемых (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 3. – С. 145–165. – DOI: 10.31249/hist/2024.03.08

К началу XXI в. Всеобщая декларация прав человека ООН и основанные на ней пакты[1] были подписаны большинством государств мира, что означало официальное признание необходимости соблюдения прав человека. Тем не менее во многих традиционных обществах до сих пор сохраняются практики, по разным причинам отрицающие или игнорирующие наличие у всех людей естественных прав. Одно из таких обществ – приверженцы индуизма, исторически расселенные в Южной Азии: Индии, Непале, Бангладеш, а также мигрировавшие в западные страны.

Религиозные воззрения индуистов тесно переплетены с их социальной организацией, отличительной чертой которой выступает кастовая система. Деление на касты происходило постепенно в течение периода Ригвед (1500–1000 годы до н.э.). Вначале по-

[1] Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966).

явились касты брахманов, кшатриев и вайшьев, к концу периода прибавилась четвертая – каста шудр, из которой впоследствии выделились «прикасаемые» и «неприкасаемые». В I тысячелетии до н.э. касты уже полностью соответствовали социальной стратификации с выделением религиозного класса (брахманы), управленческого класса (кшатрии), экономического класса (вайшьи) и обслуживающего класса (шудра)[1]. Примечательно, что касты как социокультурный феномен сохранились даже у тех народов, которые в течение своей этнической истории перешли в другие религии (телугу в Индии, бенгальцы в Бангладеш и др.). Официальное закрепление кастовой системы на разных территориях происходило в разные периоды.

Представленный обзор посвящен исследованиям идентичности наиболее бесправной из существующих каст – неприкасаемым[2].

Ч. Джангам, профессор истории Карлетонского университета (Канада), дает краткую историю развития движения борьбы за права неприкасаемых, раскрывая причины их современной радикализации.

В доколониальные времена в брахманской литературе встречалось большое количество унизительных для неприкасаемых наименований: «нечестивые», «грязные», «незаметные», «низкорожденные», «неприближаемые» и т.п. Часто их называли просто по географическому месту расселения или основному занятию. Эти идентичности были сконструированы высшими кастами и не имели никакого отношения к самосознанию неприкасаемых. Поскольку основным смыслом жизни неприкасаемых считалось служение другим, представители этих каст жили как бы двойной жизнью – для других и для себя.

С появлением христианских миссий в Индии для неприкасаемых открылись новые возможности: они могли получить образо-

[1] Darnal LN. Poverty of Dalit Community in Nepal Caused by caste-based Discrimination (An analytical approach on eastern philosophy). – URL: https://www.academia.edu/4293048

[2] На практике термином «неприкасаемые» называют группу каст, каждая из которых занимается определенным видом деятельности. Здесь и далее этот термин используется как собирательное название для представителей всех этих каст.

вание (на которое ранее не имели права) и найти работу в одной из современных отраслей хозяйства, тем самым повысив свой социальный статус. В то же время колониальные власти относились к неприкасаемым не менее презрительно, чем брахманы, и называли их иначе как анимисты, угнетенные и зарегистрированные касты. Неприкасаемые, живя под подобными ярлыками сотни лет, привыкли осознавать себя соответственно [2, p. 64].

Антиколониальное движение дало неприкасаемым возможность заявить о себе на политической арене, и они активно выступали за национализм, основанный на равенстве. М. Ганди поддержал их введением более позитивного наименования «хариджаны» (Harijans) – «дети бога», однако со временем и оно стало восприниматься как оскорбительное. Отсутствие решения социально-экономических проблем и ликвидации неравенства в постколониальный период привели к дальнейшей радикализации политических взглядов неприкасаемых [2, p. 65].

В середине XX в. ключевую роль в привлечении внимания к проблемам неприкасаемых сыграл индийский политик Б.Р. Амбедкар, активно выступавший за повышение их социального статуса. Он ввел в употребление другое название неприкасаемых – далиты[1], которое закрепилось за ними и используется до сих пор. В научном дискурсе термин «далиты» используется исследователями в различных трактовках: как полный синоним термина «неприкасаемые», как «состояние души», а также как политически активная часть неприкасаемых.

По официальным данным в Индии проживает более 200 миллионов далитов[2]. В целом, ежедневные притеснения неприкасаемых можно свести к следующим пунктам:

1. Далитам запрещено заходить в дома (кроме своего), отели, рестораны, храмы и другие здания.

2. Им запрещено присутствовать на религиозных службах.

3. Им запрещено использование общих ресурсов, например, источников воды, прудов и т.п.

[1] Далиты – в переводе с языков хинди, маратхи и бенгальского – «разбитые вдребезги», «прижатые к земле», «угнетенные». Здесь и далее, если не указано иное, используется как полный синоним термина «неприкасаемые».

[2] По данным International Dalit Solidarity Network. https://idsn.org/india-official-dalit-population-exceeds-200-million/

4. Им запрещено участие в любых общественных мероприятиях.

5. Далиты всегда работают в условиях принудительного и кабального труда, занимаются самой грязной работой – уборкой мертвых животных, стиркой белья, разделыванием туш и т.д.

6. Далиты обязаны демонстрировать подчиненное положение в поведении и всегда выражать почтение высоким кастам.

7. Далиты регулярно подвергаются насмешкам, оскорблениям и жестокому обращению, особенно это касается женщин.

8. Встреча с далитом на дороге считается дурным предзнаменованием.

В результате неприкасаемые постоянно находятся в социальной изоляции: живут в отдельных закрытых кварталах. По данным Национальной кампании за права далитов (NCDHR), ежедневно два далита становятся жертвами убийства, два дома далитов подвергаются сожжению, три женщины-далита подвергаются сексуальному насилию, а нападение на далита совершается в среднем каждый час [8, p. 173].

Известно, что дискриминирующее поведение по отношению к неприкасаемым демонстрируется не только высокими кастами, но и между отдельными группами неприкасаемых. Перечисленные условия приводят к тому, что далиты не могут вырваться из бедности: им не хватает образования, достойных рабочих мест, хороших жилищных условий, а иногда и еды.

Женщинам, как наиболее уязвимой части далитов Индии, посвящена статья профессора Т. Ядав (Гуджарат, Индия). Она подчеркивает, что женщины подвергаются тройной дискриминации (по касте, полу и социальному классу) как за пределами своей касты, так и внутри нее.

В фокусе ее исследования – древняя практика преследования женщин – обвинение в колдовстве с последующим физическим наказанием, что до сих пор практикуется в сельских поселениях Индии.

Массовые убийства женщин, обвиненных в колдовстве, на полуострове начались в середине XIX в. и считались обычным делом, поскольку жизнь неприкасаемых абсолютно не ценилась [8, p. 171].

Одной из наиболее распространенных причин преследования женщин являются территориальные споры или желание отнять

собственность. В особенности это касается одиноких вдов без детей, а также пожилых, которым некому передать имущество по наследству. В таких случаях доминирующая в районе каста организует охоту на ведьму и, после ее устранения, забирает все имущество себе. Иногда это единственный «легальный» способ отнять у женщины собственность [8, p. 175].

Поводами в таких случаях могут выступать болезни и смерть жителей деревни, неурожай и падеж скота, природные катаклизмы. Поиском обвиняемых женщин занимаются так называемые знахари путем проведения специальных традиционных ритуалов. На последней стадии «охоты» к жертве применяется наказание: психологические или физические пытки, социальный остракизм, линчевание или другой вид умерщвления.

К сожалению, из-за бедности и недостатка образования мужчины-далиты также подвержены предрассудкам и охотно верят в колдовские чары женщин. Их вера настолько сильна, что они готовы идти против женщин своего же сообщества.

Часто обвинения в колдовстве имеют целью запугать жителей деревни, чтобы они не выступали против местных властей. Тем не менее, многие исследователи сходятся во мнении, что глубинной причиной охоты на ведьм в Индии выступает социальный кризис, вызванный необходимостью людей бороться за ограниченные ресурсы [8, p. 176].

Так как дискриминация неприкасаемых тесно связана с индуизмом, они пытались избежать ее через переход в другие религии. Результаты исследования последствий такого шага представлены в работе доктора политических наук С. Сваруп Сирапанги (Хайдерабад, Индия), посвященной христианской общности далитов-телугу штата Андхра-Прадеш.

На переход далитов в другие религии повлияли определенные исторические, социальные и региональные факторы. Так, христианство широко распространилось в южной части Индии, а ислам – в северной [6, p. 150].

Если говорить о конфессиях, то большинство далитов принадлежат к протестантам, небольшая часть является католиками, что объясняется изначально различной политикой этих церквей: католическая церковь стремилась обратить высокие касты, а протестантская – низкие. Далиты-христиане сильно отличаются от

христиан других каст, особенно на юге Индии. Из-за того, что исторически на территориях расселения телугу многие люди приняли христианство, местных неприкасаемых часто автоматически причисляют к христианам, хотя они принадлежат к различным религиям.

Автор отмечает, что движение далитов за права, существующее теперь во многих районах Индии, началось именно в штате Андхра-Прадеш. Стимулом к созданию такого движения стала резня в Карамчеду[1], получившая широкую огласку благодаря иску в суд от образованной части далитов деревни.

Среди неприкасаемых штата Андхра-Прадеш относительно много христиан, однако после 1950 г. многим из них пришлось внешне практиковать индуизм из-за выхода закона о лишении далитов не-индуистов всех государственных льгот [6, p. 152]. В дальнейшем этот закон несколько раз пересматривался, и к началу XXI в. в списке льготников значились далиты – приверженцы индуизма, сикхизма и буддизма. Таким образом, с исключением из этого документа христиан и мусульман сообщество далитов перестало быть религиозно нейтральным, что породило дополнительную иерархию внутри него. Такое положение затрудняет статистический подсчет численности далитов-христиан в Андхра-Прадеш.

Даже скрывая свою религию, неприкасаемые часто сталкивались с дискриминацией при получении сертификата угнетенных каст (Sheduled Caste Certificate)[2], так как представители власти относили их к христианам, судя только по внешнему виду. В настоящее время закон запрещает отказывать далитам в выдаче сертификата, исключения составляют христиане, имеющие письменное свидетельство о крещении.

Несмотря на сильное в целом движение далитов, никакого протеста со стороны христиан в штате не существует. Руководители движения, многие из которых вышли из христианских семей, не

[1] Столкновение между землевладельцами и крестьянами-далитами в 1985 г., приведшее к убийству шестерых далитов, тяжелым ранениям и потере крова сотнями жителей.

[2] Scheduled Caste Certificate – документ, доказывающий принадлежность человека к угнетенной касте, к угнетенному племени или к отсталому классу, дающий право на льготы от государства.

борются за права своей религиозной группы, предпочитая не затрагивать эту тему. По мнению автора, это указывает на поверхностный характер движения за борьбу прав далитов в Андхра-Прадеш [6, p. 153].

Еще одна серьезная проблема христиан в Андхра-Прадеш – кладбища. Христианская погребальная культура значительно отличается от индуистской: им необходимы большие площади для могил и установление надгробий. По причине сокрытия численности христиан, которая в реальности гораздо больше, чем заявляется, существующие кладбища переполнены, а новые территории не выделяются. Таким образом, заключает автор, далиты-христиане с рождения обречены на недостойную жизнь и недостойную смерть [6, p. 155]. Тем не менее, что касается похорон, то высокие касты препятствуют совершению необходимых обрядов всеми далитами, в том числе и индуистами.

Как и в других регионах Индии и в странах, где проживают далиты, может создаться видимость единства и неделимости их сообщества в Андхра-Прадеш. Однако, по мнению автора, это большое заблуждение, не соответствующее реальности. Изначально единая общность возникла как протест против несправедливого квотирования[1], но впоследствии ее существование себя не оправдало: настолько разными оказались неприкасаемые – по этническим, языковым, религиозным и другим культурным признакам.

Крупные сообщества далитов проживают не только в Индии, но и в соседних странах с индуистским населением. Численность далитов в Непале достигает 4,5 млн человек[2], что составляет 20% населения страны. К далитам в Непале относятся представители всех низких каст и люди без касты. Наибольшая плотность неприкасаемых наблюдается в южных районах страны, на границе с Индией.

Несмотря на то, что касты неприкасаемых начали выделяться еще до нашей эры, официальное закрепление кастовой системы

[1] Далитам предоставляются квоты на поступление в вузы и на вакансии в сфере гражданской службы.

[2] Pariyar S.K. Dependency of poor and marginalized (Dalit communities) on forests in Nepal: What are the challenges at the local level? – 2022. – December 8. – URL: https://www.academia.edu/97488068/Seasonal_prediction_in_northern_Atlantic_Ocean_and_Norwegian_Seas

на территории Непала произошло только в конце XIV в. В 1854 г. был принят Muluki Ain – гражданский кодекс, регулировавший социальные и религиозные права каждого жителя Непала, где неприкасаемые признавались наиболее низкой кастой, после контактов с которой предписывалось обязательное очищение водой[1]. Как отмечает Т. Бисвокарма (Университет Трибхуван, Катманду), в настоящее время в Непале насчитывается 23 касты неприкасаемых, однако это число постоянно меняется, поскольку какие-то группы требуют исключения себя из этого списка, другие – напротив, попадают в него [1, p. 58].

Права далитов официально закреплены в Конституции, и за дискриминацию в их отношении с 2011 г. можно получить денежный штраф и тюремный срок от трёх месяцев до трёх лет. Как и в Индии, в Непале существует система квотирования для далитов, а также стипендии и упрощенное налогообложение, но они попрежнему остаются одним из наиболее социально уязвимых слоев населения. По данным Благотворительной организации Национального общества далитов Непала (NNDSWO), более 40% далитов живут за чертой бедности и часто страдают от недостатка еды.

По мнению Бисвокарма, главной причиной отсталости далитов выступают экономические факторы: недоступность для них земли и других ресурсов, невозможность устроиться на работу, недостаток денежных средств, сложности в сфере традиционных занятий. Все перечисленное закономерно влияет на образование, социальный статус и образ жизни далитов [1, p. 59].

Традиционными занятиями далитов Непала считаются лесозаготовка, кузнечное дело, фермерство, уборка мусора, изготовление одежды и обуви, ювелирное дело, плетение корзин и ковров, стирка, убой скота, музыка. Эти занятия основаны на взаимоотношениях «клиент – исполнитель», когда ремесленник выполняет заказ клиента. Характерной чертой таких отношений является натуральная оплата (зерном, мясом и т.п.).

В настоящее время традиционные занятия сохраняют только несколько групп неприкасаемых: портные, ювелиры, прачки, са-

[1] Darnal L.N. Poverty of Dalit Community in Nepal Caused by caste-based Discrimination (An analytical approach on eastern philosophy). – URL: https://www.academia.edu/4293048

пожники – всего около 25% от общей численности далитов. Модернизация и глобализация, распространение и доступность фабричных изделий делают ручной труд непривлекательным и малоприбыльным. Кроме того, молодые люди не хотят идти по стопам родителей и стремятся выбрать собственный путь. Однако из-за нехватки образования и наделов земли далитам сложно найти другую работу.

Уровень грамотности среди неприкасаемых колеблется в зависимости от региона страны: от 48% (на юго-востоке) до 68% (на западе), при этом средний показатель по Непалу – 71% [1, p. 62].

После установления республики в 2007 г. ситуация с образованием далитов несколько улучшилась: государство стало оказывать материальную поддержку студентам-неприкасаемым. Однако смена правления, которая должна была привести к восстановлению социальной справедливости, не изменила веками устоявшейся кастовой системы – к неприкасаемым продолжают относиться как к низшей касте. Их не пускают в общественные места, а продукцию, которую они производят, не принимают к продаже.

Бисвокарма подчеркивает, что дискриминация далитов ведет к ухудшению общих социально-экономических показателей Непала: уровня национального дохода (общего и на душу населения), уровня ожидаемой продолжительности жизни и уровня грамотности. Для решения этой проблемы автор предлагает регулярно привлекать внимание к проблеме далитов путем организации «недель без неприкасаемости»; раздавать землю или переселять безземельных далитов; создавать комфортную среду для обучения далитов в школах и университетах; предоставлять далитам больше рабочих мест в гражданской сфере, полиции и армии; организовать медиакампании по защите жертв дискриминации [1, p. 65].

В условиях непрекращающейся дискриминации многие далиты нашли для себя выход: переезд из сельской местности в город.

Б. Парияр и Дж. Ловетт провели исследование среди групп неприкасаемых, проживающих в туристическом центре Непала – городе Покхаре (200 км от столицы) с целью изучения их идентичности.

В Покхаре начинаются популярные треккинговые маршруты вокруг гор Аннапурны и Манаслу, поэтому туризм обеспечивает около 60% экономики города. Население состоит из более чем

80 различных этнических групп, среди каст непальцев распространены брахманы, кшатрии и далиты, а также касты других народов: гурунгов и магаров [4, p. 137].

Исследование авторов включало работу с двумя фокус-группами: непосредственно в городе и в отдельном квартале для далитов. Трое из тринадцати человек, опрошенных в городе, были постоянными жителями Покхары, остальные – временными мигрантами, которые приехали в поисках работы, образовательных или медицинских услуг. В квартале далитов половина респондентов (5 человек) были местными жителями [4, p. 138].

В фенотипическом, культурном и религиозном планах далиты не отличаются от других индуистов, проживающих в Непале. Их основное отличие от других каст заключается в видах деятельности, обусловленных историко-религиозными причинами. Корни деления на высокие и низкие касты растут из индуистской концепции хорошей и плохой «святости». Люди с положительной кармой в награду перерождаются в семьях высоких каст, тогда как люди с отрицательной в наказание – в семьях низких каст [4, p. 134]. Отсюда вытекает презрительное отношение первых ко вторым.

Опрошенные далиты подтвердили существование сегрегации и социальной депривации. При этом уровень дискриминации, по их мнению, немного снизился после их переезда из родных деревень в Покхару, но все-таки полностью не исчез.

Главными причинами переезда в Покхару респонденты назвали: возможность улучшить финансовое положение, поиск более безопасного места проживания, возможность получить образование самим и дать его детям, побег от кастовой дискриминации. Что касается работы, то далитам, традиционно занятым в портняжном и ювелирном деле, в городе проще найти клиентов.

Исторически неприкасаемые были связаны с высокими кастами условиями кабального труда и работали в течение года, получая в качестве оплаты натуральные продукты: зерно, сладости и изредка мясо. В основном с далитами расплачивались после сбора урожая и во время больших фестивалей, однако были и такие неприкасаемые, которые вообще ничего не получали.

Сейчас, проживая в городе, далиты имеют возможность заниматься собственным бизнесом и организовывать свои предприятия, что позволяет им обрести уверенность в своих силах и хотя

бы на некоторое время переключиться с кастовой на социальную идентичность.

Далиты воспринимают отношения с городом как реципрокные (обменные): город предоставляет им желанные возможности, а они вносят свой вклад в развитие экономики, торговли, культуры и окружающей среды [4, p. 140].

Молодые далиты не спешат устраиваться на традиционную для их каст работу, несмотря на недостаток таких специалистов и возможность достаточно зарабатывать. Основная причина – четкие ассоциации между определенными профессиями и принадлежностью к низким кастам. В то же время уже добившиеся успеха далиты среднего возраста предпочитают открывать небольшие мастерские сообразно их традиционному занятию – ателье по пошиву одежды, обувные, ювелирные и музыкальные салоны. Далиты, которым не хватает денег на организацию собственного бизнеса, работают по найму.

Несмотря на различия в политических взглядах, респонденты выразили гордость за участие далитов в смене власти в Непале. По их словам, движение маоистов[1] вдохновило их на поиск своих корней и идентичности, на борьбу за свои права.

В то время как существует стандартное определение термина «далит», у каждого человека существует его собственное понимание. Одни одобряют его, другие считают неприемлемым и уничижительным. Сторонники его использования указывают на объединяющий фактор: далитами называют людей разных этнических и культурных групп, которые исторически страдают от притеснений. Противники считают этот термин углубляющим различия и расширяющим границы дискриминации. Многие респонденты согласны с утверждением, что термин «далиты» давно приобрел политический подтекст и часто используется лидерами неприкасаемых и политиками для достижения собственных целей.

Судя по опросам, образованные далиты-горожане чувствуют противоречие между индивидуальной идентичностью человека как

[1] Непальские маоисты – члены коммунистической партии Непала, придерживающиеся маоизма и принявшие участие в переходе к республике. – URL: https://web.archive.org/web/20060513122153

гражданина и групповой – как члена касты неприкасаемых [4, p. 142].

Респонденты также подтвердили, что, даже живя в городе, они вынуждены скрывать свою идентичность. С этой целью около 70% опрошенных после переезда сменили фамилию. Существует и несколько других способов скрыть принадлежность к касте. Человек может просто солгать и причислить себя к высокой касте, например, чтобы арендовать жилье. Второй способ – замена касты на подкасту (готру). Каждая каста далитов делится на десятки подкаст, фамилии членов которых схожи с фамилиями высших каст. Использование готры скрывает истинную кастовую принадлежность, но не заставляет человека открыто обманывать. Однако такое изменение фамилии приводит его к потере возможности использования специальными правительственными программами для далитов. К людям, которые пытаются вернуть обратно свою кастовую фамилию ради пособий от государства, в среде неприкасаемых относятся с презрением.

Как и в Индии, в Непале сложилась внутрикастовая иерархия: некоторые касты далитов считают себя более высокими по отношению к другим. По мнению авторов исследования, такая ситуация мешает общей борьбе далитов за свои права, экономическому развитию сельских районов и социальным трансформациям в деревне [4, p. 143].

Несмотря на тот факт, что современная Бангладеш – мусульманская страна, здесь также существует сообщество неприкасаемых, как напоминание о временах индуизма. Сложный дискурс о правах далитов в Бангладеш рассматривается в работе М.Н. Уддин (Университет Джахангирнагар, Дакка, Бангладеш).

Исторически жесткая кастовая система среди бенгальцев оформилась в XII в., с приданием ей законного статуса. До этого времени касты также существовали, однако переходы между ними были свободными и требовали только развития определенных личностных и профессиональных качеств человека.

На протяжении истории существования Бангладеш люди относились к кастовой системе как к культурной данности. Независимость государства провозглашалась с целью установить равенство и социальную справедливость, но власти, пришедшие на смену британской колониальной администрации, никогда не об-

ращали внимания на ужасную ситуацию, в которой оказались неприкасаемые [7, p. 7].

Автор отмечает, что элитам и среднему классу страны легче воспринимать дискриминацию по кастовому признаку как чисто индийский феномен, и они не склонны «искать его у себя, на мусульманской территории» [7, p. 8]. Бангладеш в их глазах выступает монокультурным государством, где абсолютное большинство населения (около 90%) – бенгальцы-мусульмане. При этом существование других культурных сообществ не признается, хотя они представляют значительное языковое и этническое разнообразие. В таких условиях дискриминация далитов попала под «политику отрицания», выражающуюся в общей апатии общества по этому вопросу.

Приверженцы индуизма составляют примерно 10% населения страны: по общим подсчетам, около трети из них относятся к далитам. Одной из причин индифферентного отношения к проблемам далитов в Бангладеш выступает в том числе пассивность исследователей и ученых, которые не стремятся выявить реальные масштабы сегрегации и социальной изоляции неприкасаемых. В последние годы появилось несколько научных работ, в которых высказываются отдельные идеи о причинах кастовой дискриминации; тем не менее их авторы еще очень далеки от рассмотрения реального положения далитов в разных частях страны. Попытки прояснить ситуацию во время последней переписи населения были неудачными. По самым приблизительным оценкам, дискриминации в Бангладеш подвергаются 5,5–6,5 млн неприкасаемых [7, p. 9].

В Бангладеш есть три группы далитов: бенгальцы, живущие в деревнях по всей территории страны; мусульмане, также дисперсно расселенные по стране; мигранты из соседней Индии, живущие в городах и на чайных плантациях. Независимо от региона и места проживания, в их среде сложились определенные базовые виды социальной изоляции. Одна из наиболее дискриминируемых групп далитов – мусорщики и уборщики, называющие себя хариджанами. Их специализация определяет минимальный доход, поэтому они живут в отдельных перенаселенных кварталах с минимальными удобствами. В отдельную категорию можно выделить работников чайных плантаций: их труд граничит с рабским, им

едва хватает средств на еду, не говоря уже о медицинских услугах или образовании для себя и детей.

Как и в других странах, в Бангладеш далитам запрещено строить дома за пределами выделенной для них территории, посещать храмы и кладбища, кинотеатры, концерты, кафе и рестораны, любые культурные мероприятия. Иногда далиты подвергаются негуманному обращению: похищениям, насилию, грабежам, пыткам, отъему или уничтожению собственности.

Несмотря на традиционное игнорирование проблемы дискриминации неприкасаемых, в последние годы она привлекает все больше внимания благодаря активистам за права далитов. Это отражается, в частности, в том, что термин «далиты» стал употребляться именно политическими активистами. В Бангладеш группы неприкасаемых носят навязанные им уничижительные наименования (dom, rishi, methor и др.), в то время как наименование «далит» отражает самопровозглашенную идентичность, сопротивление и борьбу за свои права. По мнению автора, четкая концептуализация кастовой системы позволит разработать необходимые меры против нарушения прав неприкасаемых, а также меры поддержки нуждающихся.

Несмотря на историческое сходство, кастовая система, существующая среди индуистов в Бангладеш, отличается от подобных практик в Индии и Непале. Кроме того, доподлинно неизвестно, насколько неприкасаемость распространена среди мусульманских общин бенгальцев. Эти факторы могут препятствовать быстрому распространению идентичности далитов: как знаний о ней, так и ее восприятию местными сообществами [7, p. 12].

В заключение автор делает вывод, что к искоренению дискриминации далитов нужен обдуманный подход, так как касты сильно интегрированы в социальную систему. Первым шагом должно стать принятие закона о запрете дискриминации по кастовому признаку (с обязательным наказанием за нарушение) и открытие равноправного доступа к общественным местам. Далее необходимо пересмотреть систему квот, чтобы она максимально удовлетворяла их нуждам, особенно в сферах трудоустройства и образования. Для реализации этих задач важно провести демографические исследования среди далитов, собрать статистические

данные об их численности, уровне образования, занятости и степени сегрегации [7, p. 16].

Современный уровень развития международных связей позволяет неприкасаемым избежать дискриминации путем эмиграции из родной страны. В одном из исследований, опубликованном в 2021 г., рассматриваются проблемы идентичности далитов индийской диаспоры.

Термин «индийская диаспора» традиционно охватывает всех выходцев с территории Индийской Республики, но в то же время не отражает их внутреннего культурного и социального многообразия.

В данном конкретном случае наименование группы играет большую роль в конструировании социальной идентичности ее членов. Многие исследователи уделяют внимание трансформациям внутрикастовых практик в диаспорах в Юго-западной Азии, Восточной Африке, Карибском регионе, США и др. странах. Таким образом, феномен диаспоры далитов выглядит комплексным и сложным для изучения [5, p. 89].

Сохраняющееся сильное влияние кастовой системы маргинализирует далитов по всему миру. Многие из них вынуждены скрывать свою социальную принадлежность и выдавать себя за представителей других каст.

Тем не менее в последнее время наблюдается подъем международного движения солидарности далитов как радикальный ответ на стигматизацию. Основными инструментами этой борьбы выступают разнообразные сетевые ресурсы: блоги, онлайн-сообщества, СМИ, через которые далиты отражают свой жизненный опыт, раскрывают сущность дискриминации и насилия, высказывают свою точку зрения на будущее их группы.

Кроме того, существует мнение, что далиты – это не кастовая, а политическая идентичность. Согласно определению 1973 г., под понятие «далиты» попадают представители угнетаемых каст и племен, необуддисты, рабочие, безземельные крестьяне, женщины и все группы, дискриминируемые по политическим, экономическим и религиозным причинам. В этой статье термин «далит» рассматривается автором как «состояние, а не принадлежность к группе» [5, p. 90].

Первыми покинувшими Индию далитами были наемные рабочие, вывезенные англичанами в другие колонии в XIX в. Живя в одинаковых условиях, мигранты не могли поддерживать кастовые различия. Кроме того, последние отступили и перед новой возникшей идентичностью – «товарищи по кораблю» (ship mates), основанной на общих воспоминаниях о путешествии из Индии. Таким образом, сохранение кастовой системы в диаспорах индийцев сильно зависело от «социального, экономического, политического и исторического контекста» миграции [5, p. 92].

Новая диаспора состоит, с одной стороны, из полуграмотных, с другой – из уже грамотных специалистов и студентов, мигрировавших в Великобританию, США и Канаду во второй половине XX в. Местное принимающее сообщество равнозначно относило всех индийцев, независимо от касты, к «чужим».

Социологические исследования среди далитов начались сразу после обретения Индией независимости. Вначале они проводились только в сельской местности и не учитывали место неприкасаемых в городском социуме.

В 1990-е годы, с ускорением глобализации, ученые сходились во мнении, что кастовая система – пережиток «старой и неразвитой» Индии, и она не имеет практической пользы. Это было связано с ростом благосостояния среднего класса, его вестернизации и секуляризации, что делало социальную иерархию скорее классовой, чем кастовой. Тем временем апеллирование к кастовой системе все чаще становились политическим инструментом.

Современные далиты ведут борьбу в рамках движения за права человека и ставят себя на одну ступень со всеми дискриминируемыми группами. Их международная сеть солидарности объединяет большое количество разнообразных общественных организаций, фондов и видных деятелей. В результате образуются сообщества, внутри которых возникают дискурсы, пишутся рекомендации, создается необходимый уровень давления на власти с целью принятия соответствующих управленческих решений [5, p. 95]. Штаб-квартира Международной сети солидарности располагается в Копенгагене с представительствами в Нидерландах, Швеции, Франции, Бельгии и Германии. Одна из целей сети – включение дискриминации по кастовому признаку в повестку и документацию ООН о нарушениях прав человека.

Интернет также стал хорошим пространством для выражения позиции далитов. Количество блогов, форумов и видеоканалов, посвященных повседневности и проблемам неприкасаемых, постоянно растет. Присутствие в сети позволяет далитам не только внести вклад в их общую культурную память, но и участвовать в современных дискуссиях о правах человека.

В попытках далитов бросить вызов культурным традициям брахманизма значительную роль играют литературные произведения. Через описания проблем, с которыми постоянно сталкиваются неприкасаемые, люди стараются обрести единомышленников по борьбе и построить на этом групповую идентичность.

Автор приводит несколько конкретных примеров из жизни писателей и журналистов-далитов, которые после переезда в другую страну были вынуждены скрывать свою истинную идентичность, в том числе и от себя самих. Впоследствии они по разным причинам открыли для себя наследие Б.Р. Амбедкара и в итоге признали правду через свои произведения [5, p. 101].

Литература далитов обычно отличается большим количеством сцен из жизни в бедности и рабстве, наполнена ощущением печали и деградации. Такие приемы призваны воззвать к читателю и вызвать у него сочувствие и жалость. Однако многие авторы при этом сами не переживали эти эмоции, поскольку являются мигрантами второго поколения.

В новой литературе далитов должны появиться новые формы выражения протеста, касающиеся национальных интересов, меритократии и транснационализации каст. В противном случае истории об ужасах неприкасаемости могут дать обратный эффект и привести к понижению статуса тех из них, кто уже поднялся по социальной лестнице.

Проведенное в 2018 г. исследование кастовости среди южноазиатского населения США показало, что даже за пределами Индии далиты держатся обособленно, боясь стигматизации. По данным опросов, более 60% далитов постоянно подвергались насмешкам, 40% не могли построить личные отношения и посещать святые места из-за принадлежности к касте неприкасаемых. При этом 75% опрошенных предпочитали скрывать свою кастовую идентичность, считая это единственным путем к повышению социального статуса [5, p. 107].

Группа ученых из Калифорнийского университета провела исследование среди непальских далитов, проживавших в районе залива Сан-Франциско. Структурированное интервью было призвано ответить на вопросы: подвержены ли далиты дискриминации; есть ли отличия в актах дискриминации в зависимости от места (дом, офис, храм и т.д.) и как это влияет на психологическое состояние и уровень жизни далитов [3, p. 191]. В исследовании приняли участие 27 человек: 8 женщин и 19 мужчин. Все они эмигрировали из Непала и проживали в США не менее года.

Все опрошенные подвергались дискриминации в Непале и 24 человека из 27 – уже на территории США. Респонденты, не столкнувшиеся с дискриминацией, не имели связей с непальской диаспорой, что повлияло на их опыт. Тем не менее они рассказали о случаях дискриминации их друзей, интегрированных в диаспору [3, p. 193].

По результатам исследования удалось выделить шесть основных типов дискриминации, с которой столкнулись респонденты:

1. В общении. Далиты постоянно подвергаются оскорблениям по поводу цвета кожи и привычек питания. По отношению к ним собеседники используют менее уважительные местоимения. Представителями более высоких каст демонстрируют свое превосходство через богатство, власть, высокий статус круга знакомства.

2. В жилище. После раскрытия кастовой принадлежности изменяется отношение соседей по комнате. Людям с фамилиями неприкасаемых отказывают в сдаче жилья или выселяют из уже арендованной квартиры.

3. На рабочем месте. Далиты социально изолированы от коллектива и подвергаются оскорблениям («Низкая каста – низкий интеллект» и т.п.). В организациях, где начальник не является выходцем из Южной Азии, дискриминация проявляется на горизонтальном уровне между работниками. Из-за раскрытия информации о касте отменяются корпоративные мероприятия.

4. Межпоколенческая дискриминация. Друзья молодых далитов меняют свое отношение в присутствии родителей: предпочитают не общаться, есть раздельно, если приглашают в гости. Одна из причин дискриминации – концепция «чистоты». Например, родители девушки заставили ее вымыть весь дом после посещения ее друга-далита. Друг еще одного респондента не принял помощи после смерти отца, так как присутствие неприкасаемого

на похоронах по традиционным представлениям «загрязнило» бы путь умершего [3, p. 195].

5. На религиозных мероприятиях. Знакомые из высокой касты не приглашают на религиозные праздники далитов, хотя зовут общих знакомых. На церемонии традиционного фестиваля не приняли девочку из далитов, хотя это нарушило саму концепцию церемонии. Во время обряда священнослужитель не подал руку далиту. Далитам запрещено входить в святые места, касаться святынь и посещать общие собрания.

6. В романтических отношениях. Семьи девушек препятствуют их отношениям с далитами. Те, кому удалось жениться на женщине высокой касты, не могут посещать дом ее родителей [3, p. 196].

Большинство респондентов признались, что вынуждены скрывать свою кастовую идентичность, чтобы избежать дискриминации. Однако этот шаг сопряжен с трудностями: такие люди меняют фамилию, указывающую на происхождение, перестают общаться с родственниками. В конце концов это может привести к тревожным состояниям, постоянному страху быть раскрытым и снижению самооценки.

В то же время люди, которые открыто заявляют о своей касте, сталкиваются с презрением и социальной изоляцией от высоких каст диаспоры. Тем не менее в психологическом плане это означает принятие своей идентичности и появление чувства гордости за свое происхождение.

Отношение со стороны других каст глубоко ранит далитов, они ощущают постоянное психологическое давление и даже в США не могут избавиться от травм, полученных еще в Непале.

Далиты предпочитают не заявлять в полицию о случаях дискриминации, поскольку в настоящее время не существует какой-либо правовой защиты по кастовым вопросам. По этой причине далиты считают, что жалобы могут скорее усугубить их изоляцию, нежели улучшить положение вещей [3, p. 197].

Таким образом, кастовая система распространились по миру вместе с мигрантами из индуистских стран. С одной стороны, касты так и остались источником унижения для неприкасаемых, с другой – способствовали созданию прочного сообщества единомышленников для борьбы за свои права [5, p. 108].

Современные исследования показывают, насколько прочно кастовая система интегрирована в индуистский социум и сознание практически каждого его члена. Несмотря на уровень развития современного мира, на стратегии поведения людей по-прежнему влияет иерархия, сложившаяся более 3000 лет назад. Сегодня неприкасаемые имеют возможность покинуть узкий социальный круг и добиться успеха, однако для них это означает покинуть родину и отказаться от своих корней. До тех пор, пока не произойдут коренные изменения в сознании людей, неприкасаемые будут жить в противоречии между идентичностью далитов и отказом от нее.

Список литературы

1. Biswokarma T. Caste-Based Discrimination: Socio-Economic Impact to Dalit Community in Nepal // American Research Journal of Humanities and Social Sciences. – 2023. – Vol. 9, issue 1. – P. 57–65.
2. Jangam C. Politics of Identity and the Project of Writing History in Postcolonial India: A Dalit Critique // Economic and Political Weekly. – 2015. – Vol. 50, N 40. – P. 63–70.
3. Pariyar P., Bikash G., Fonseka R.W. «When I Tell Them My Caste, Silence Descends»: Caste-Based Discrimination among the Nepali Diaspora in the San Francisco Bay Area, USA // CASTE: A Global Journal on Social Exclusion. – 2022. – Vol. 3, N 1. – P. 189–202.
4. Pariyar B., Lovett J.C. Dalit identity in urban Pokhara, Nepal // Geoforum. – 2015. – Vol. 75. – P. 134–147.
5. Pratibha P. Dalit Diaspora: Perspectives on Caste, Identity and Migration // The Wenshan Review of Literature and Culture. – 2021. – Vol. 14, N 2. – P. 87–113.
6. Swaroop Sirapangi S. Dalit movement in the Telugu Region: a critique from Christian dalit perspective // Bhavaveena. – 2021. – Vol. 18, issue 7. – P. 150–158.
7. Uddin M.N. Caste-based Discrimination, Identity Politics and Development Discourse: The Case of Bangladesh's Dalit Communities // Culture and Society. – 2018. – Vol. 1. – P. 1–16.
8. Yadav T. Witch Hunting: A Form of Violence against Dalit Women in India // CASTE: A Global Journal on Social Exclusion. – 2020. – Vol. 1, N 2. – P. 169–182.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47+57)«1941/1945»:[342.51+342.6+351.86]
DOI: 10.31249/hist/2024.03.09

МИНЦ М.М.* Рец. на кн.: СОРОКИН А.К. В ШТАБАХ ПОБЕДЫ: ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг. – Москва: Политическая энциклопедия, 2022. – 231 с.: ил. – (Научно-популярная серия РФФИ).

Ключевые слова: СССР в годы Великой Отечественной войны; государственное управление в годы ВОВ; Ставка Верховного главнокомандования; Государственный комитет обороны СССР; внутренняя политика СССР в годы ВОВ; экономическая политика СССР в годы ВОВ; мобилизация в годы ВОВ.

Keywords: USSR during the Great Patriotic War; state administration during the Great Patriotic War; Supreme Command Headquarters; USSR State Defence Committee; USSR internal policy during the Great Patriotic War; USSR economic policy during the Great Patriotic War; mobilisation during the Great Patriotic War.

Для цитирования: Минц М.М. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 3. – С. 166–172. Рец. на кн.: Сорокин А.К. В штабах Победы: очерки истории государственного управления в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Москва: Политическая энциклопедия, 2022. – 231 с.: ил. – (Научно-популярная серия РФФИ). – DOI: 10.31249/hist/2024.03.09

* Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); historian@michael-mints.ru

Механизмы власти в сталинском СССР в последние годы изучаются уже довольно активно[1]. К этому важному направлению относится и новая монография научного руководителя РГАСПИ Андрея Константиновича Сорокина, посвященная системе государственного управления и высшего военного командования в годы Второй мировой войны с особым акцентом на период после гитлеровского нападения 22 июня 1941 г., когда введенный советским руководством жесткий мобилизационный режим во многом обеспечил необходимую концентрацию людских и материальных ресурсов для отражения агрессии. В своей книге автор анализирует деятельность высших партийных, государственных и военных органов СССР в этот период и наиболее значительные решения, принятые ими во всех основных сферах жизни советского общества.

Несмотря на название издательской серии, книга является оригинальным научным исследованием. По-видимому, она была написана по следам работы над пятитомным сборником документов «В штабах Победы, 1941–1945», увидевшим свет в 2020 г.[2] В качестве источников автор использует документы РГАСПИ (фонды Сталина, ЦК КПСС, ГКО и др.), а также материалы ГАРФ, Центрального архива ФСБ, Архива Президента РФ, Архива РАН, опубликованные документы, статистику, воспоминания.

Монография состоит из семи глав и послесловия. В первой главе дается краткий обзор международной обстановки и ситуации

[1] См., например: Павлова И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. – 459 с.: ил.; Полянский М.С., Саксонов О.В. Из истории высших органов военного управления: Комитет Обороны при Совете Народных Комиссаров СССР // Клио. – 2022. – № 4 (184). – С. 101–106; Хлевнюк О.В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 479 с.; Fitzpatrick Sh. On Stalin's team: the years of living dangerously in Soviet politics. – Princeton; Oxford: Princeton univer. press, 2015. – XI, 364 p.; Gill G. Stalinism and executive power: formal and informal contours of Stalinism // Europe-Asia studies. – 2019. – Vol. 71, N 6. – P. 994–1012; The nature of Stalin's dictatorship: the Politburo, 1924–1953 / ed. by E.A. Rees. – Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2004. – XVI, 267 p.

[2] В штабах Победы, 1941–1945: документы: в 5 кн.: всем участникам борьбы с нацизмом в годы Великой Отечественной войны, павшим и выжившим, посвящается / Российский государственный архив социально-политической истории совместно с ПАО АФК «Система»; [отв. ред. и сост. А.К. Сорокин]. – Москва: Научно-политическая книга [и др.], 2020. – Кн. 1–5.

внутри СССР в 1930-е – начале 1940-х годов и мероприятий советского руководства по подготовке к надвигающейся войне. Во второй главе описывается общий ход боевых действий в 1941–1942 гг. и перечисляются основные стратегические и организационные решения сталинского руководства. В наиболее объемной третьей главе анализируется эволюция органов военного и государственного управления (включая партийные) на протяжении войны. В четвертой главе автор рассматривает сталинскую репрессивную политику в изучаемый период, а также принимавшиеся меры по мобилизации советского общества на борьбу с врагом. Управление военной экономикой описывается в пятой главе. Шестая представляет собой обзор внешней политики СССР в годы войны с Германией, включая отношения с союзниками. Седьмая глава посвящена завершающему периоду конфликта и вопросам послевоенного урегулирования. Поскольку введение и заключение как таковые в книге отсутствуют, выводы автора в основном разбросаны по тексту глав. Книга сопровождается обширным иллюстративным материалом на 32 листах (фотокопии документов и фотографии).

Автор приходит к выводу, что «если исходить из общепринятых сегодня представлений о принципах мобилизационной подготовки и мобилизации – централизованное руководство, заблаговременность, плановость и контроль, комплексность и взаимосогласованность, то следует признать, что подготовка Советского Союза к военному столкновению с Германией по целому ряду параметров не соответствовала задачам, вставшим в повестку дня задолго до 22 июня 1941 г.» (с. 204). Победа в войне была достигнута благодаря колоссальным усилиям советских граждан и принятым уже после германского нападения управленческим решениям, но неоправданно высокой ценой: «Сталинский аппарат управления и он сам в качестве его персонифицирующего элемента продемонстрировали определенную эффективность. Важно, однако, понимать также, что структурообразующим элементом этой системы управления были внеэкономическое принуждение, прямое насилие и отсутствие порога, да и самого понятия приемлемости потерь, неизбежно имевшие результатом их неоправданный рост (и на фронте, и в тылу)» (с. 116–117).

В книге также отмечается, что неформальный стиль руководства страной, сложившийся в СССР в конце 1930-х годов, со-

хранился и в военные годы, хотя основные политические решения и утверждались нормативными актами тех или иных государственных органов. Автор подчеркивает, что решение Политбюро о создании Государственного комитета обороны так и не было оформлено даже указом Президиума Верховного совета СССР. «Всё это, – пишет он, – еще раз указывает на второстепенность вопросов правового регулирования для советского руководства этого периода» (с. 106).

Выводы автора по ряду конкретных вопросов, в том числе связанных с обстоятельствами начала Второй мировой войны, выглядят как попытка найти компромисс между конкурирующими взглядами на изучаемые события. Так, договор о ненападении с Германией 1939 г. в книге рассматривается как вынужденный, но при этом указывается на противоправный характер секретных договоренностей о разделе Польши и стран Балтии (хотя Сорокин и сравнивает эти договоренности с Мюнхенским соглашением 1938 г., что довольно спорно). Отмечается также, что «новые территории, инкорпорированные в конечном итоге в состав СССР, не сыграли предназначенной им роли буфера и не стали значимым фактором обеспечения безопасности» (с. 10). Как показывает исследователь, присоединение этих территорий резко ослабило обороноспособность Советского Союза. Пропускная способность железных дорог к западу от старой границы была в 2,5 раза ниже, чем к востоку от нее. Укреплённые районы, построенные в 1929–1939 гг., оказались в глубоком тылу и были законсервированы, но строительство 20 новых укрепрайонов на новой границе закончить уже не удалось. Дислокация войск на новых территориях определялась главным образом возможностями для их расквартирования и зачастую не отвечала реальной оперативно-стратегической обстановке (с. 44–46). В экономическом и демографическом отношении период 1939 – первой половины 1941 г. также был эффективнее использован Германией, а не Советским Союзом (с. 40). Как отмечает автор, прямым следствием советского вторжения в Финляндию в 1939 г. и аннексии Бессарабии под угрозой военного нападения на Румынию в 1940 г. стало присоединение обеих стран к державам «оси» и их участие в «восточном походе» Гитлера в 1941 г. (с. 13, 17).

Похожим образом автор воспроизводит тенденциозный тезис советской историографии о том, что военная помощь союзников,

поступавшая в СССР по ленд-лизу, составила лишь 4% советского производства (с. 171), но оговаривается со ссылками на конкретные примеры и цифры, что по целому ряду позиций вклад ленд-лиза в снабжение Красной армии был гораздо выше (с. 174).

В некоторых других случаях такие попытки выработать компромиссную точку зрения приводят к внутренним противоречиям. В книге упоминается, к примеру, что советские стратегические планы от 11 марта и особенно от 15 мая 1941 г. были основаны на идее упреждающего нападения на Германию (в майском варианте стратегического плана об этом говорится прямым текстом, в отношении мартовского возможны различные интерпретации из-за того, что он так и не был опубликован целиком), но автор склоняется к распространенной точке зрения, согласно которой замысел упреждающего удара был отвергнут Сталиным. В то же время он соглашается с тем, что планы прикрытия государственной границы в их последней на момент германского нападения редакции разрабатывались в мае – июне 1941 г. на основе именно майского стратегического плана (с. 19–20).

В тексте книги встречаются ошибки, в основном относящиеся к сугубо военной тематике. Так, автор пишет, что теория глубокой операции, разработанная в СССР в 1930-е годы, предусматривала нанесение решительных ударов по противнику с самого начала войны с переносом боевых действий на его территорию (с. 17), хотя в действительности это относится к стратегической концепции «ответного удара». Также в книге упоминается о том, что накануне гитлеровской агрессии «было свернуто производство противотанковых орудий ЗИС-2 и ЗИС-3, которое будет возобновлено лишь в 1942 г.» (с. 35). В действительности противотанковой была только 57-мм пушка ЗИС-2, производство которой было возобновлено не в 1942, а в 1943 г. с появлением на вооружении вермахта танков «Пантера» и «Тигр». Дивизионная 76-мм пушка ЗИС-3 с 1941 г. производилась «явочным» порядком под личную ответственность главного конструктора В.Г. Грабина и директора артиллерийского завода № 92 (Горький) А.С. Еляна и в 1942 г. была официально принята на вооружение. По смыслу текста на с. 98 получается, что Главное управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР (ГУПВИ) было «создано в результате реорганизации» в 1944 г.; в действительности Управление по делам

военнопленных и интернированных (УПВИ) существовало еще с 1939 г. и в 1944 г. было реорганизовано в ГУПВИ, но эта деталь в книге не уточняется.

При внимательном чтении можно также встретить утверждения, приведенные как известный факт, но в действительности таковыми не являющиеся. К примеру, упомянув на с. 75 директиву Главного военного совета Красной армии (ГВС) за № 2 об отражении гитлеровской агрессии, отданную утром 22 июня 1941 г. и подписанную С.К. Тимошенко, Г.К. Жуковым и Г.М. Маленковым, автор добавляет: «Ожидая “провокации” со стороны командования вермахта, Сталин поручил подписать директиву о фактическом вступлении в войну со стороны гражданских властей деятелю не самого высокого ранга с тем, чтобы в любой момент была возможность дезавуировать это решение заявлением высших должностных лиц страны». Подобное предположение представляет определенный интерес, но остается лишь предположением; никаких документальных подтверждений автор не приводит. При этом стоит отметить, что упомянутая директива являлась приказом по Красной армии, а не нормативным актом высшего политического руководства СССР. Сталин по состоянию на 22 июня не входил в состав ГВС, партию в этом органе представляли Маленков и А.А. Жданов, так что подпись одного из них под документом, изданным от имени ГВС, была вполне объяснима. К тому же такие положения директивы № 2, как воздушные удары по аэродромам противника, а также по Мемелю, Кёнигсбергу и другим германским городам (на глубину до 100–150 км от границы), по существу, исключали даже теоретическую возможность деэскалации начавшегося конфликта.

Шестая глава, посвященная советской внешней политике в период войны с Германией, содержит в основном пересказ фактов, уже введенных в научный оборот. Следует, однако, отметить вывод автора о том, что отказ Сталина возобновить полномасштабное наступление советских войск на Варшаву в дни Варшавского восстания 1944 г. имел под собой «не только военные, но и политические основания» (с. 179), т.е. был продиктован не только сложным положением на фронте после немецких контрударов, но и стремлением не допустить перехода Варшавы под контроль польского правительства в изгнании.

Автор опирается на классическую советскую периодизацию Второй мировой войны, которая на сегодня является уже устаревшей[1]. На качестве анализа, впрочем, это не сказывается, поскольку история боевых действий в книге почти не рассматривается.

Работу с книгой заметно осложняет отсутствие списка источников и литературы, тем более что в затекстовых примечаниях содержатся лишь краткие библиографические ссылки с минимальным объемом сведений о цитируемых источниках. Как следствие, во многих случаях невозможно даже определить, является ли цитируемое произведение научным исследованием или публикацией документов.

Ряд разделов написаны настолько сжато, что по сути сводятся к простому перечислению принятых нормативных актов без какой-либо информации об их содержании и фактических результатах реализации. Это один из тех случаев, когда дополнительный объем только улучшил бы книгу.

Неудобства создает даже такая чисто языковая особенность монографии, как регулярное использование будущего времени. Само по себе оно бывает уместно в исторических сочинениях как стилистический прием, но в чрезмерных количествах такое «будущее в прошедшем» довольно быстро начинает раздражать.

Тем не менее, несмотря на перечисленные проблемы, работа в целом производит благоприятное впечатление. Автору удалось суммировать и систематизировать довольно обширный материал по теме своего исследования, представив читателю целостную концепцию рассматриваемых событий и процессов. Эта книга будет полезна как исследователям Второй мировой войны, так и специалистам по истории сталинского режима.

[1] Мельтюхов М.И. Проблемы периодизации истории Второй мировой войны // Вопросы истории. – 2003. – № 1. – С. 154–163.

УДК 327; 355.01; 355.018; 94(100)"1914/19"
DOI: 10.31249/hist/2024.03.10

БАЛАНДИНА А.В.* Рец. на кн.: MARCUZZI S. BRITAIN AND ITALY IN THE ERA OF THE GREAT WAR. DEFENDING AND FORGING EMPIRES. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2020. – 383 p.

Ключевые слова: Первая мировая война; Лондонский договор 1915 г.; англо-итальянские отношения; Версальский мир.

Keywords: World War I; 1915 treaty of London; anglo-italian relations; peace of Versailles.

Для цитирования: Баландина А.В. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. ИАЖ. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 3. – С. 173–180. Рец. на кн.: Marcuzzi S. Britain and Italy in the Era of the Great War. Defending and Forging Empires. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2020. – 383 p. – DOI: 10.31249/hist/2024.03.10

Изучение различных аспектов ведения крупномасштабной войны в рамках военного альянса, в который входили ведущие европейские державы, является одной из наиболее сложных задач для историков. В ряде изданных в последнее время работ исследуется проблема двусторонних отношений стран – участниц Первой мировой войны. Автор рецензируемой монографии итальянский ученый Стефано Маркуцци – специалист по военной истории из Оксфордского университета, преподаватель Дублинского университетского колледжа. В его книге рассмотрены игнорировавшиеся

* Баландина Анастасия Владимировна – студентка 4 курса Института иностранных языков Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы (РУДН), практикантка Отдела истории ИНИОН РАН; balandina. 2002@inbox.ru

ранее авторами трудов о Великой войне вопросы сотрудничества Великобритании и Италии в Антанте. Италия примкнула к блоку, подписав в апреле 1915 г. секретный Лондонский договор с Англией, Францией и Россией, хотя с 1882 г. страна находилась в Тройственном союзе с Германией и Австро-Венгрией. Она обязывалась вступить в войну спустя месяц после заключения договора.

Сотрудничество Великобритании и Италии опиралось на совместное культурное и историческое наследие. Однако у Англии и Италии были различные мотивации и устремления не только в начале конфликта, по ходу войны их военные цели все больше расходились. Лондон боролся за свое мировое господство как против врагов, так и против союзников, в то время как Италия стремилась к территориальному расширению, гарантом которого выбрала Британию, полагаясь на заключенные соглашения.

Рассматривая отношения между Великобританией и Италией в рамках Антанты, автор подчеркивает, что Италия по многим параметрам была самой малой и слабой среди сражавшихся великих держав. Поэтому взаимоотношения двух стран отличались заметной асимметрией. Анализируются три ключевых вопроса отношений между двумя государствами: цели войны, процесс включения Италии в войну на стороне Антанты и отличия в подходах к миротворчеству. По мнению Маркуцци, эти факторы сыграли затем важную роль в том, каким невыгодным для Италии стал Версальский договор, что привело к разрушению в стране либерально-демократических институтов и способствовало приходу к власти фашизма.

Автор проявляет глубокие познания в истории двух стран, умение анализировать сложные исторические процессы. Две нации руководствовались укоренившимися стереотипами, хотя обе разделяли демократические и либеральные ценности. В представлении британцев итальянцы были грубыми, незрелыми, дезорганизованными и слабодушными. Итальянцы воспринимали британцев со смесью восхищения, зависти и негодования. В геополитическом отношении Великобритания не искала союзников, в отличие от Италии; в этом заключалось заметное различие в их позициях (с. 17).

Рассматривая англо-итальянские отношения через социальную призму, Маркуцци в том же духе анализирует и деятельность

Антанты, показывая, как наблюдавшиеся во время войны взлеты и падения этих отношений влияли на формирование стратегии союзников.

В кратком авторском введении раскрыта методика исследования темы и намечены контуры общего контекста. Монография подразделяется на части, относящиеся к различным хронологическим этапам взаимоотношений Великобритании и Италии начала XX в. В первой части в четырех главах рассматривается создание англо-итальянского альянса, сформировавшегося между 1911 и 1915 гг., попытки стран Антанты уже в первые месяцы войны побудить Италию покинуть Тройственный союз и добиться вступления ее в войну на своей стороне. Во второй части, состоящей из пяти глав, проанализирован процесс подключения Италии к военным действиям союзников по Антанте. Отмечается, как после присоединения страны к Антанте возникало разочарование во вкладе итальянской армии в общие усилия союзников на фронтах Первой мировой войны. В третьей части, состоящей из семи глав, рассматривается вопрос об ослаблении в рамках альянса позиций Италии после катастрофы при Капоретто в 1917 г.

Маркуцци делает попытку проанализировать различия в позициях двух стран в отношении их миротворческих подходов. Он приходит к заключению, что эти различия в конечном итоге вели к отказу великих держав от первоначально поставленных военных целей. Итальянцы расценили занятые Британией по отношению к ним позиции как предательство, способствовавшее тому, что в Италии после войны заговорили об «искалеченной победе». В конце книги затрагиваются проблемы, связанные с оккупацией города Фиуме вооруженными отрядами, сформированными известным писателем Г. Д'Аннунцио. Этот эпизод продемонстрировал слабость итальянских государственных властей и вызвал напряженность в отношениях с Великобританией.

Маркуцци пишет**,** что по расчетам Великобритании разгром Тройственного союза путем привлечения одного из его членов на сторону Антанты мог бы произвести эффект домино, который подтолкнул бы другие нейтральные страны присоединиться к Антанте. Англичане видели Италию в «Сердечном согласии» в первую очередь потому, что, по их мнению, не существовало фундаментального расхождения в целях, которые ставили перед собой

в войне Италия и Великобритания, в отличие от предубеждений Англии насчет Франции и России.

Италия, переполненная империалистическими настроениями, представила территориальные претензии, основанные на двух совершенно разных принципах: присоединение «неискупленных земель» в соответствии с принципом гражданства и чисто империалистическое расширение, скрытое под маской обеспечения «стратегической безопасности» (с. 61).

Автор показывает, что в 1914–1915 гг. обе страны использовали разные рычаги давления друг на друга. Италия угрожала сохранить нейтралитет в обмен на незначительные уступки со стороны Центральных держав, если Британия не примет итальянские условия и не будет способствовать их принятию другими державами Антанты. А Британия, чтобы втянуть Рим в войну, делала акцент на своей морской и экономической мощи и одновременно не раз нарушала суверенитет Италии путем спонсирования шпионажа и пропаганды (с. 60). Так, например, Британия и Франция профинансировали Муссолини. Их деньги помогли превратить его в интервенциониста осенью 1914 г., когда он подал в отставку с поста директора социалистической газеты Avanti! и основал интервенционистскую газету Il Popolo d'Italia (с. 57).

Маркуцци неоднократно указывает, что союз между Лондоном и Римом был более важным именно для Рима. Италия рассчитывала на то, что Великобритания сможет преодолеть итало-русские, и особенно итало-французские противоречия. В этом контексте Великобритания выступала в качестве посредника в Антанте, преследуя двоякую цель укрепления альянса и защиты британских интересов (с. 69).

Итальянские государственные деятели смотрели на Британию как на гаранта Лондонского пакта, который стал единственной крупной дипломатической победой Антанты до 1917 г. Но Лондон не давал Риму никаких особых обещаний.

Маркуцци выясняет, насколько сотрудничество союзников, предусмотренное Лондонским пактом, было реализовано после вступления в войну Италии. В военном аспекте, считает автор, Италия явно отставала от союзников. Мобилизация была проведена несвоевременно, боевое оснащение армии оказалось недостаточным. Вклад Италии в наземные операции оказался менее зна-

чительным, чем ожидалось, не изменили ситуацию и некоторые небольшие победы итальянцев в первоначальный период (с. 87). Италия винила британцев в несвоевременной поставке оружия и недостаточной поддержке воевавших на стороне Антанты сербов.

После создания Первого союзного флота у англичан возникло разочарование в ведении итальянцами войны на море; последовали взаимные обвинения по поводу провала морских операций у Отранто. Постоянная угроза со стороны противников, выражавшаяся в их военно-морском присутствии в Средиземноморье, обостряла отношения между союзниками по Антанте (с. 76). Трактуя данную тему, Маркуцци развенчивает миф итальянской историографии, что итальянские операции на море носили исключительно оборонительный характер (с. 88). Итальянские руководители военно-морского флота считали, что «защита на море обеспечивается только наступлением»[1]. Это подтверждается общим планом операций, полученным всеми итальянскими адмиралами в начале военных действий: «Нашей главной задачей должно быть уничтожение военно-морских сил противника»[2] (с. 93).

Маркуцци подчеркивает, что союзники не ценили военный вклад итальянцев, руководствовались стереотипами и возлагали ответственность за большую часть неудач на австрийско-итальянском фронте на Италию. Он замечает, что причиной этому послужили в основном одиночные действия Королевского флота Италии, в то время как остальные союзники участвовали всего в 19 морских операциях за всю войну (с. 94). Многие эксперты также игнорируют тот факт, что Италия помогла сербам в эвакуации их воинских частей через Черногорию и Албанию. Итальянцы старались учитывать еще и внутриполитический контекст своей страны. Это способствовало утверждению в Англии мнения, что в военной стратегии итальянцы руководствуются собственными интересами и обеспокоены лишь противоборством с Габсбургской империей.

[1] Grienti V., Merlini L. Navi al fronte. La Marina Militare italiana e la Grande Guerra. – Parma: Mattioli, 2015. – P. 59.

[2] AUSM, b. 354/4, Viale «Piano generale delle operazioni in Adriatico», 18 aprile 1915.

Соглашение союзников 19 апреля 1917 г. в Сен-Жан-де-Морьен временно сблизило Италию и Великобританию, так как претензии первой на часть юго-западной Анатолии на бумаге были удовлетворены. Но притязания Италии возросли до уровня оспаривания интересов Британии, особенно на Ближнем Востоке. Это вело к противостоянию двух стран.

Маркуцци считает, что координация действий союзников все-таки восстановилась и улучшилась на фоне поражения итальянской армии при Капоретто осенью 1917 и в течение 1918 г. После Капоретто Италии пришлось резко перейти от наступательной войны к войне за выживание. Финансовая помощь со стороны Великобритании сыграла здесь не последнюю роль (с. 96). Но Италии после Капоретто так и не удалось оправиться от крушения своей репутации и потери политического веса.

Интеграция союзников не устранила конфликты, которые становились все более острыми по мере приближения окончания войны. Период послевоенных переговоров и заключения Версальского мира, по мнению автора, стал кульминационным в англо-итальянских отношениях.

Автор объясняет, почему Италия усилила территориальные претензии и противодействовала любому компромиссу. Такое положение возникло в связи с тайным намерением союзников Италии не выполнять свои обещания. Лондон усматривал в проекте создания итальянской империи угрозу британскому превосходству в Средиземном и Красном морях и не был готов рисковать столкновением с Вашингтоном (с. 339).

По мнению Маркуцци, подходы двух стран к миротворчеству сильно отличались. Британские взгляды на военные цели и политику, необходимую для их достижения, были сформированы в свете империалистических идей, доминировавших в английском Министерстве иностранных дел и британских военных кругах. В Лондоне рассчитывали на выгодное для англичан мирное урегулирование, отличавшееся от предыдущих соглашений в Антанте, включая те, в которых выдвигались притязания Италии. Рим, принимая участие в мирной конференции в Версале, столкнулся с недоверием со стороны США, Франции и Великобритании и сдерживанием с их стороны итальянских претензий. У него не было рычагов давления на союзников.

Маркуцци характеризует причины неудачи Рима в Версале, анализируя различия в подходах во внешней политике Великобритании и Италии. В то время как британская внешняя политика развивалась органично и согласованно с изменениями во внешней ситуации, в Италии она контролировалась главой Министерства иностранных дел С. Соннино и почти не изменялась под внешним влиянием. Различия проявились и во время Парижской мирной конференции, где британская делегация была хорошо подготовлена и определенно обозначила свои цели и предложения, в то время как итальянская оказалась неподготовленной и раздробленной. Это привело к тому, что Италия не смогла защитить свои интересы и претензии (с. 340–341).

Автор заключает, что такое унижение Италии на Мирной конференции способствовало приходу фашизма. В глазах многих итальянцев это был единственный способ восстановить национальное достоинство. Провал переговоров по итальянским колониальным претензиям является еще одним ключевым аспектом в понимании эволюции внешней политики Рима в последующие годы.

Таким образом, политика Великобритании в отношении Италии определялась базовыми параметрами собственной безопасности. Если бы Северная Африка и Ближний Восток находились в равновесии, любая угроза интересам Великобритании не воспринималась так остро. К тому же Лондон отказался пойти на уступки итальянцам в отношении Абиссинии, настоящей цели итальянских колонизаторов. Помехи итальянской колонизации в Африке привели к дальнейшему недовольству итальянцев Британией. Впоследствии состоялось вторжение войск Муссолини в Эфиопию в 1935 г., что фактически привело к окончанию традиционной англо-итальянской дружбы (с. 340–341).

Заслугой автора является выявление глубинных причин стратегических неудач двух союзников. Эти аспекты оставались малоизученными. Один из них касается особого подхода каждой стороны к разработке стратегии в Антанте. Несмотря на то, что Британия использовала свое влияние на Италию для вовлечения ее в войну и обратилась к блокаде Центральных держав после соглашений в Сан-Жан-де-Морьен, этого было недостаточно для выработки полноценной общей стратегии союзников. Италия не поддерживала полную блокаду из-за своей особой торговой политики.

Еще одной причиной стратегического фиаско союзников автор называет отсутствие внутренней консолидации Антанты из-за межсоюзнического соперничества. Британия пыталась выступать в качестве лидера-посредника, но в то же время она вызывала конфликты между союзниками, чтобы не допустить их объединения против самого Лондона (с. 336–337).

Недостатком авторского анализа является то, что Маркуцци недооценивает приложенные Британией огромные усилия, когда, смирившись в 1914–1915 гг. с перспективой более длительной войны, она использовала свое влияние на Италию, чтобы привлечь ее в Антанту. Англо-итальянское партнерство было «особым» скорее только для итальянцев. Но для британского истеблишмента подобная «особенность» двусторонних отношений представлялась относительной (с. 70). Военный успех сам по себе не являлся гарантией стратегического успеха, и по сути, Италия выиграла войну, но потеряла мир.

Монография Маркуцци вносит ценный вклад в изучение отношений между странами – участницами Антанты, и в частности между Англией и Италией. Проведенные автором тщательное исследование и глубокий анализ внутрикоалиционных проблем делают рецензируемую книгу важным пособием для тех, кто хочет разобраться в тонкостях международной дипломатии и осознать взаимозависимость политики великих держав в ключевой период европейской и мировой истории XX в.

УДК 305; 316.342.3; 316.7 DOI: 10.31249/hist/2024.03.11

УВАРОВА Т.Б.* ГЕНДЕРНАЯ ТЕМАТИКА В ИСТОРИЧЕСКОМ И ЭТНОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ. Рец. на кн.: СТАРИКОВА М.Н. МУСУЛЬМАНКИ В СОВРЕМЕННОЙ ИНДИИ: СОЦИУМ И ПОЛИТИКА. – Москва: МГИМО-Университет, 2023. – 538 с.

Ключевые слова: мусульманская община Индии; женщины мусульманки; мусульманское семейное право; гендерное равенство.

Keywords: Indian muslim community; Muslim women; muslim family low; gender equality.

Для цитирования: Уварова Т.Б. [Рец.] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 3. – С. 181–189. Гендерная тематика в историческом и этнокультурном контексте. Рец. на кн.: Старикова М.Н. Мусульманки в современной Индии: социум и политика. – Москва: МГИМО-Университет, 2023. – 538 с. – DOI: 10.31249/hist/2024.03.11

В изучении истории мусульманской общины Индии гендерная проблематика стала выступать в качестве объекта исследования преимущественно в последние десятилетия. Уточняя географические рамки изучаемого региона, М.Н. Старикова отмечает преимущественное использование материалов, в первую очередь касающихся положения мусульман на Севере Индии – в так называемом поясе хинди, а также в Ассаме, Махараштре и в четырех южноиндийских штатах – в Андхра-Прадеше, Теленгане, Керале и Тамилнаду. Исследование мусульманского женского движения в одной из наиболее многонациональных и поликонфессиональных

* Уварова Татьяна Борисовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН); ethn.uvarova.tb@indjox.ru

стран мира, какой является Индия, проведено М.Н. Стариковой с применением мультидисциплинарного подхода, в данном случае теоретического аппарата и методологии, принятых в социологии, политологии, правоведении, религиоведении, социокультурной антропологии. В полной мере автором учтен этнокультурный страноведческий контекст, как это присуще работам, подготовленным и изданным в МГИМО.

Трем тематическим главам исследования предпослано Введение, в котором характеризуются и классифицируются многочисленные – свыше пятисот наименований – источники и историографические работы по рассматриваемой тематике. Широта и разнообразие использованных материалов обусловлены важными особенностями исторического развития индийского общества. После раздела страны в 1947 г. и исхода многих последователей ислама в Пакистан в независимой Индии была провозглашена политика секуляризма, конституционно трактуемая как равноуважительное отношение ко всем религиям. Оставшиеся в Индии мусульмане сегодня – самое крупное религиозное меньшинство Республики Индия (около 180 млн человек, или 14% населения) – «будучи разделенными географическими, этническими, лингвистическими, кастовыми и иными перегородками, не представляют собой единого социума и понятие “община” применительно к последователям ислама в Индии употребляется условно» (с. 5). Пропагандируемая мусульманскими лидерами идея единства индийских мусульман на самом деле, констатирует автор, скрывает борьбу между различными религиозными и общественными группами за право выражать «общее мнение» перед правительством.

Большая часть представительских структур мусульманской общины отличается консервативностью в ряде вопросов, в том числе негативно относится к участию женщин в общественно-политической деятельности. До настоящего времени мусульманки Индии составляют одну из наименее социально благополучных категорий населения, практически до 2000-х годов не проявлявшую себя в политической жизни страны.

Сложная правовая система Индии, не встраивающая в себя семейно-брачные нормы, но выводящая их в зону ответственности религии, привела к консервированию целого ряда устаревающих законов и архаичных практик. Хотя мусульманское право в Индии

исторически вобрало в себя много чуждых исламу норм, приоритет религиозных прав над гражданскими привел к формированию в рамках женского движения последовательниц ислама групп, ориентированных на решение проблем семейного права.

Первоначально общественная деятельность мусульманок при всей ее незначительности была частью всеиндийского движения за гражданские права и свободы, но на втором этапе женского движения в Индии, в 1970–1980-х годах мусульманское феминистское движение предпринимало попытки лоббировать реформы и программы по улучшению положения мусульманок по всей стране, что сделало это движение общеиндийским. Но, с другой стороны, с 2000-х годов мусульманские женские организации в Индии отстаивают возможность изменения семейных правовых норм без общей их унификации под эгидой индусского большинства, что отражает нарастание индусско-мусульманского противостояния в масштабах страны, считает Старикова.

При подготовке монографии исследовательницей были использованы такие категории источников, как законодательные и правительственные документы; материалы дискуссий в Конституционной ассамблее и парламенте Индии; программы партий и организаций (в Приложении 1 приведен список из более 80 политических и общественных объединений); справочные и статистические данные, включая сведения переписей (последние – за 2011 г.).

Особо выделены представляющие разнообразие взглядов общественности СМИ, а также материалы полевых исследований. В числе последних данные анкетирования мусульманок-школьниц из Дели и студенток Делийского университета Джамиа миллия исламия (стандартные бланки составленных Стариковой анкет, посвященных в первую очередь вопросам образования, приведены в Приложении 2), а также результаты опроса жительниц двух деревень североиндийского штата Харьяна. В проведенных автором в 2018 г. интервью с известными общественными деятелями Индии – правозащитницей Шабнам Хашми и соосновательницей Движения мусульманок Индии Закией Саман – обсуждались актуальные социально-политические проблемы с целью системно оценить политику мусульманских общественных организаций и партий в гендерной сфере.

В сложной структуре историографического раздела выделены работы общеметодологического характера по истории, философии и практике ислама; по проблемам мусульманского права. К числу общеметодологических работ отнесены также гендерные исследования, среди них особое место отведено публикациям по юридической антропологии, которые актуальны «для понимания религиозно-правовых процессов, происходящих в мусульманских обществах, а также в поликонфессиональных странах, где проживают крупные мусульманские общины» (с. 23).

Использован большой массив литературы зарубежных и индийских исследователей, рассматривавших гендерную проблематику в Индии в исторической ретроспективе. «“Женский” вопрос стал частью культурного противостояния британцев и “туземцев”, а борьба за независимость позволила женщинам также вступить в политику; соответственно, первая “волна” женского движения началась в первые десятилетия XX в.» (с. 29), считает Старикова. Первоначально политические вопросы не были главными для женщин: гораздо важнее для них была отмена ранних браков, возможность получить образование, последующее признание конституционного равенства между мужчинами и женщинами, несмотря на сопротивление патриархально настроенной индусской элиты. Позднее, в 1970–1980-е годы, именно из этого движения «социального феминизма» в Индии выделилось женское мусульманское движение.

Проблемы социально-экономического и политического развития мусульманской общины независимой Индии анализируются в специальной главе. Большинство индийских мусульман – сунниты, доля шиитов в разных территориальных группах насчитывает от 10 до 15%. По данным 2011 г., постоянную работу имеют 38,6% мусульман в возрасте 15–59 лет, большинство из безработных – женщины (77,4%) (с. 47). Такая ситуация является естественным следствием уровня образования: среди мусульманок лишь 8,5% заканчивают среднюю школу, 6,8% – старшие классы.

Среди основных причин такого положения исследовательница выделяет нехватку школ для девочек и в целом неодобрительное отношение в семье к их обучению. Необходимо учитывать и тот факт, что высокообразованным мусульманкам трудно выйти

замуж, хотя они занимают более привилегированное положение в обществе, чем многие другие его члены.

Общественные организации и политические партии мусульманок Индии, возникшие преимущественно в 1980–1990-е годы, в своей деятельности отстаивали конституционные права и не стремились самостоятельно трактовать религиозные тексты. Однако уже в начале 2000-х годов в стране стали появляться женские группы, опиравшиеся в первую очередь на собственное понимание ислама и стремившиеся добиться изменений для женщин, действуя в рамках самой религии (с. 75).

Движение мусульманок Индии (ДМИ, организация создана в 2007 г.) разработало свой законопроект по мусульманскому семейному праву, на основе которого функционируют женские шариатские суды, сформированные самой организацией (с. 99). Обычные шариатские суды зачастую допускают устную форму развода (тройной талак), инициатором которого может выступать только муж, назначают выплату лишь трехмесячных алиментов, после чего женщины с детьми остаются без средств к существованию.

Женские шариатские суды были открыты в 2013 г. в Мумбаи, Джайпуре, Диндигуле. Суды рассматривают дела, касающиеся домашнего насилия, развода, опекунства, содержания, а также сексуального и физического насилия. Активистки ДМИ в 2016 г. основали свой институт по подготовке женщин-кази, где за первый год обучение прошли 30 женщин из разных штатов Индии. Во время обучения женщины осваивают курсы по истории ислама, изучают конституцию Индии, специфику частного права в мусульманских странах, основы международной юриспруденции в обеспечении гендерного равенства.

Движение мусульманок Индии также проводят свои исследования о положении мусульманок в стране, в том числе по выполнению новой «Программы 15 пунктов» для меньшинств. Согласно опросу мусульманок, 80% которых заняты в неформальной сфере экономики, они не получили никаких льгот в их самостоятельной экономической деятельности. Более того, они даже не были информированы о таких возможностях.

Сложность работы с женщинами-мусульманками усугубляется тем, что вплоть до настоящего времени в Индии так и не сло-

жилось общенациональной мусульманской политической организации, а существующие действуют на региональном и местном уровнях, при том, что прослеживается тенденция к сокращению числа мусульман в палатах федерального парламента. Мусульманки составляют лишь электорат и крайне редко занимают какие-либо посты в партийной номенклатуре и среди государственных служащих на уровне, сопоставимом с представленностью наиболее низкокастовых групп, таких как далиты (с. 119), хотя еще в 1920–1930-е годы были заложены основы так называемой позитивной дискриминации в отношении женщин, религиозных меньшинств и других социально незащищенных групп.

Специальная глава посвящена сложностям выработки единого гражданского кодекса в Индии, во многом обусловленным острой дискуссией между сторонниками единого секуляризированного кодекса, с одной стороны, и их противниками, отстаивавшими религиозные традиции основных этнических групп страны – с другой. Так, в колониальной Индии семейно-брачные нормы рассматривались как «внутренний вопрос» религиозных общин (с. 126), и в период независимости становление законодательной системы оказалось тесно связанным с формированием новой правовой идентичности многонационального населения страны.

В последние десятилетия дискуссии вокруг пересмотра мусульманского права то затихают, то разгораются с новой силой, однако достичь реальных перемен пока что так и не удалось, считает исследовательница. Традиционные представления о роли женщины и ее положении в обществе сталкиваются с новыми идеалами современности, требующими включения мусульманок в социум. Проблема разработки единого гражданского законодательства переросла из чисто юридической в политическую; наиболее угрожающей ее считают консервативные лидеры мусульманской общины, опасаясь, что такой семейный кодекс приведет к внедрению чужих традиций и унификации семейных практик.

Знаковым событием стало принятие в 1986 г. Закона о защите прав мусульманок при разводе, который не предоставил им права обращаться суд с требованием уплаты алиментов бывшим мужем, но позволял обращаться за помощью либо от своих родственников, либо от Комитета по вакфам. Но события вокруг бракоразводного процесса Шах Бано (1978–1985) позволили му-

сульманкам организоваться в масштабное общественное движение. В итоге с 1990-х годов вопрос о пересмотре мусульманского права превратился в одну из главных тем споров и дискуссий между различными представителями самой мусульманской общины (с. 169).

Дихотомия «светское – религиозное» проявляется и в таком вопросе, как ранние браки. В мусульманских семьях, находящихся в тяжелом материальном положении, такой брак воспринимается как выгодная сделка для решения финансовых проблем мужской части семьи, а девушек он лишает возможности продолжать образование и получить специальность. Автор убедительно показывает реальное действие такого общинного социального механизма, как «экономика ранних браков» в мусульманской среде в Индии. Эта традиция приводит к нарушению гендерных прав еще на этапе вхождения человека во взрослую жизнь и сохраняет нормы гендерного поведения, формировавшиеся в предыдущие столетия.

Анализ социальной реальности и определяющих ее «гибридных идей» позволяет Стариковой проследить, как «закрепленный конституцией статус религиозных общин вступает в конфликт с фундаментальными правами граждан и становится причиной периодических столкновений государственных структур, праворадикальных и иных индусских групп, мусульманских консерваторов, а также общественных движений женских групп на правовом поле» (с. 186).

В заключительной главе внимание исследовательницы сосредоточено на роли «женского вопроса» в борьбе за кодификацию норм мусульманского права. Выводы этой главы в наиболее обобщенном виде как основной результат практического прикладного смысла проведенного исследования представлены и в Заключении.

По оценке автора, избранная с самого основания Республики Индия государственная политика, созвучная теории мультикультурализма, не позволяет «встроить» мусульман в общее социальное пространство, поскольку один из важных вопросов, а именно права женщин в семье, оказался вне сферы влияния либеральных ценностей, принятых Конституцией Индии. В результате лидеры ряда женских мусульманских групп предпринимают попытки к рассмотрению ислама с позиций гендерной справедливости и к осознанию

необходимости проведения реформ внутри самой общины, а не через государственные законодательные институты. Мусульманская консервативна верхушка воспринимает активисток таких движений как вероотступниц, не имеющих права заниматься трактовкой положений ислама. В свою очередь правые индусские партии, поддерживая «жертв ислама», зарабатывают дополнительные «бонусы» во внутриполитической борьбе на уровнях штатов и федерации в целом.

Сложный комплексный анализ социологических, правовых политологических данных позволяет исследовательнице обоснованно представить семью как универсальное звено «запуска» гендерных проблем в обществах различных типов, что находит подтверждение в работах и других авторов. Таков социологический проект двух британских социологов, материалы которого положены в основу публикации «Создание равенства дома»[1], состоящей из написанных по единому стандартному опроснику двадцати пяти очерков, в которых описывается разделение обязанностей между супругами в выполнении домашней работы и в присмотре за детьми. Семьи (включая и однополые, что было обязательным условием проекта) представляют разные общества – от постиндустриальных до сохранивших некоторые особенности традиционной культуры. К представителям последних относятся аборигены островов Торресова пролива (Австралия), среди которых «исторически, да и в современных условиях именно гендерные образцы поведения формируют главные роли мужчин и женщин»[2].

В России, где 2024 г. объявлен Годом семьи, внимание к этому универсальному историческому институту подчеркнуто включением его в национальный проект «Демография», и широкий круг проблем данной тематики требует интенсивных научных исследований специализированных центров, как например Российская ассоциация исследователей женской истории (РАИЖИ, в составе ИЭА РАН) – некоммерческая организация, объединяющая работников науки и образования (образована в 2012 г.). Основными целями РАИЖИ являются: 1) содействие развитию направления

[1] Creating equality at home. – New York: Cambridge Univ. Press, 2020. – 408 p.

[2] Ibid., p. 7.

женской и гендерной истории в отечественном обществознании; 2) организационная поддержка индивидуальных и коллективных исследовательских проектов в области женской истории, гуманитарном знании; 3) обмен информацией, организация конференций, семинаров и летних школ по женской истории.

Результаты исследований отечественных и зарубежных ученых в области гендерных исследований традиционно получают освещение в информационно-аналитических изданиях ИНИОН[1].

[1] Уварова Т.Б. Ежегодная XVI Международная научн. конф. «Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении» (Кострома, 5–8 октября 2023) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История. – Москва: ИНИОН РАН, 2024. – № 1. – С. 178–184; Большакова О.В. История России в гендерном измерении: современная зарубежная историография. – Москва: ИНИОН, 2010. – 122 с.; Уварова Т.Б. Женщина в обществе и культуре: этноисторические традиции и современность (зарубежные концепции 1970–1980-х годов). – Москва: ИНИОН, 1987. – 43 с. Последняя работа освещает антропологические исследования, выполненные и опубликованные в Десятилетие женщин ООН (1976–1985 гг.).

Социальные и гуманитарные науки
Отечественная и зарубежная литература
Информационно-аналитический журнал

Серия 5

ИСТОРИЯ
2024 – № 3

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Д.Г. Валикова

Подписано к печати 14.08.2024

Формат 60×84/16 Бум. офсетная № 1
Печать офсетная Цена свободная
Усл. печ л. 12,0 Уч.-изд. л. 9,7
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод) Заказ №

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
http://inion.ru

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@ mail.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, к. 6